

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

Супрунова Елена Васильевна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЗМА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
И П. О'БРАЙАНА «КОМАНДИР И ШТУРМАН»)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Питина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор

Челябинск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	14
1.1. Теоретические основы изучения концептуализации в художественном тексте	14
1.2. Концептуализация патриотизма в русском и английском языках по данным лексикографических источников.....	21
1.2.1. Подходы к анализу концептуализации патриотизма	32
1.3. Концептуализация патриотизма в русской и английской языковых картинах мира.....	43
1.4. Типология патриотизма	56
Выводы по главе 1.....	66
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В РОМАНАХ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И П. О’БРАЙАНА «КОМАНДИР И ШТУРМАН»	72
2.1. Метафора как средство концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман»	73
2.2. Эпитет как средство концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман» ...	103
2.3. Фразеологизм как средство концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман»	114
2.4. Другие средства выразительности, репрезентирующие концептуализацию патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман».....	127
2.5. Контекстуальные репрезентанты патриотизма как отражение национальной ментальности.....	140
Выводы по главе 2.....	158

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	169
ПРИЛОЖЕНИЕ	188

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено актуальной проблеме – концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман» / Patrick O’Brian «Master and commander».

Каждый человек является носителем уникальной национальной культуры, которая представляет собой сложный комплекс элементов, включая языковые особенности, историческое наследие, литературные традиции, материальные артефакты и систему ценностных ориентиров. Эта культурная идентичность формирует особое миропонимание и определяет специфику языковой картины мира. Особую значимость приобретает сравнительный анализ языковых систем и культурных парадигм, позволяющий выявить как универсальные, так и этноспецифические компоненты в восприятии действительности разными народами.

В современном обществе наблюдается повышенный интерес к феномену патриотизма, который исследуется в данной работе в лингвокультурологическом ключе.

В исследовании рассмотрены языковые средства, репрезентирующие художественный концепт ПАТРИОТИЗМ/PATRIOTISM в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман». Романы посвящены эпохе наполеоновских войн, воссоздают облик эпохи и исторические реалии начала XIX века и не утратили своей актуальности в наше время. Данные романы многогранны, одним из ярких феноменов в них является патриотизм. Выбор указанных романов обусловлен следующими факторами:

1. Общность исторического контекста. Оба романа посвящены эпохе наполеоновских войн: «Война и мир» описывает кампании 1805–1812 годов на суше, «Командир и штурман» – морские сражения того же периода. Это позволяет сопоставить репрезентацию патриотизма в сходных исторических

обстоятельствах, но в разных национальных и средовых (сухопутный/морской) контекстах.

2. Принцип контраста. Сопоставление русского (Л.Н. Толстой) и английского (П. О'Брайан) взглядов на одну эпоху позволяет выявить именно национально-культурную специфику концепта, а не только идиостилевые особенности.

3. Репрезентативность авторов. Л.Н. Толстой – национальный гений, воплотивший «мысль народную»; П. О'Брайан – признанный мастер морского романа, чьи произведения считаются эталонными для понимания английского национального характера.

4. Типологическое сходство жанра. Оба романа являются романами-эпопеями, что обеспечивает корректность сопоставления: Л.Н. Толстой создает панораму всех слоев общества, П. О'Брайан – развернутый микрокосм корабля как модели нации.

Актуальность данного исследования определяется значимостью и своевременностью изучения концептуализации патриотизма. В условиях интенсивных межкультурных контактов и пересмотра традиционных ценностей понимание специфики национальных моделей патриотизма приобретает особую важность для диалога культур и сохранения идентичности. Сопоставительный анализ романов Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман», рассматриваемых сквозь призму фундаментальных культурных ценностей, раскрывает существенные различия в осмыслении служения Отечеству. Такой подход позволяет выявить как универсальные составляющие патриотического сознания, так и их культурно-обусловленные вариации, представленные в исследуемых романах.

Степень разработанности проблемы. Теоретическую базу исследования составили фундаментальные труды в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Научный подход к процессам концептуализации, теория концепта и языковой картины мира разработаны в трудах С.А. Аскольдова, В. фон Гумбольдта, В.З. Демьянкова,

Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, А.А. Потебни, Ю.С. Степанова. Структуру концепта исследовали С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин. Проблемы языковой картины мира освещены в работах Л. Вайсгербера, А. Вежбицкой, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Б.Л. Уорфа. Художественный концепт и средства его репрезентации анализировались В.В. Воробьевым, Е.И. Головановой, Е.А. Огневой, С.А. Питиной, И.А. Тарасовой, А.В. Таскаевой, В.Н. Телия, Е.В. Шелестюк. Теорию метафоры разрабатывали Н.Д. Арутюнова, В.П. Москвин, Г.Н. Складневская; фразеологии – Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградов, А.М. Чепасова, Н.М. Шанский.

Концепт ПАТРИОТИЗМ исследовали Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачев, И.А. Даниленко, Е.В. Декленко, А.А. Лебедев, С.А. Магарил, И.И. Сандомирская, А.Г. Санина. Специфику английского патриотизма рассматривали Е.В. Ноженко, А.А. Храброва. Концепты ГЕРОЙ, ПОДВИГ, ОТВАГА изучали Л.А. Бушуева, В.Г. Дидковская, Ю.В. Кагарлицкий, С.А. Питина, А.В. Таскаева. Сопоставительные и кросс-культурные исследования представлены работами А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, А.В. Павловской, С.Г. Тер-Минасовой, В.В. Шаклеина.

Проблема научной работы находится на пересечении нескольких научных направлений. Проведенный анализ научной литературы показал, что комплексное сопоставительное исследование художественной репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романах-репрезентантах русской и английской литературных традиций («Война и мир» Л.Н. Толстого и «Командир и штурман» П. О’Брайана) с применением единого классификационного аппарата (разработанной типологии видов патриотизма и многоаспектной классификации языковых средств) и фокусом на выявление национально-культурных моделей обладает научной новизной и вносит вклад в развитие сопоставительной лингвокультурологии и лингвоконцептологии.

Объект исследования – концептуализация патриотизма в романах «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Командир и штурман» П. О’Брайана.

Предмет исследования – языковые средства концептуализации патриотизма в художественных текстах представителей двух разных лингвокультур.

Гипотеза исследования. В романах «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Командир и штурман» П. О’Брайана реализуются универсальные, национально-специфические и идиостилевые особенности концептуализации патриотизма.

Цель исследования – выявить языковые особенности концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман», установить универсальные, национально-специфические и идиостилевые характеристики данного процесса.

Цель работы определяет решение следующих **задач**:

1) проанализировать различные подходы к понятиям «концептуализация», «концепт», «художественный концепт», «языковая картина мира» и их трактовки отечественными и зарубежными учеными;

2) выявить лингвокультурную сущность концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман»;

3) обосновать классификацию патриотизма на основе оппозитивных признаков;

4) исследовать языковые средства концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман»;

5) определить общие и специфические черты в способах концептуализации патриотизма в сопоставляемых текстах.

Материалом для исследования послужил корпус языковых единиц объемом 2322 единицы, сформированный методом сплошной выборки из текстов романов «Война и мир» Л.Н. Толстого (издание 1983 г., общий объем текста 1404 страницы) и «Командир и штурман» / «Master and commander» П. О’Брайана / Patrick O’Brian (издание 1972 г., объем текста 473 страницы). Существенная разница в объеме исследуемых текстов учитывалась при

интерпретации количественных данных, при этом основной фокус исследования направлен на выявление качественных различий в репрезентации концепта, а не на прямое сопоставление абсолютных чисел. Отбор и последующий анализ материала осуществлялся путем многоаспектной интерпретации семантических и лингвокультурных характеристик языковых репрезентаций концепта. Поскольку тексты романов «Война и мир» и «Командир и штурман» отличаются многообразием используемых языковых средств, в диссертации подробно исследованы самые частотные вербализаторы патриотизма в романах.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых. Особую значимость для нашей работы приобрели исследования, посвященные изучению понятия «концепт»: С.А. Аскольдова, С.Г. Воркачева, Т.А. Воронцовой, Е.И. Головановой, Е.В. Декленко, С.В. Ивановой, А.М. Колмогоровой, В.А. Масловой, С.А. Питиной, А.М. Плотниковой, Ю.С. Степанова, А.В. Таскаевой, Е.В. Харченко, Т.Н. Хомутовой, Е.В. Шелестюк. При анализе концепта ПАТРИОТИЗМ мы опирались на работы Ю.Д. Апресяна, И.А. Даниленко, И.И. Сандомирской. Методологическую базу исследования составили труды Н.А. Добролюбова, Т.Ф. Ефремовой, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, посвященные изучению патриотизма в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах. В процессе анализа метафор теоретической основой послужили труды Н.Д. Арутюновой, Л.Н. Рынькова, А.С. Самигуллиной, Г.Н. Складневской; за основу взята классификация метафор В.П. Москвина. При анализе фразеологизмов мы опирались на работы Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградова, Л.П. Гашевой, В.Г. Дидковской, В.Н. Телия, Н.М. Шанского; в основу положена классификация фразеологизмов А.М. Чепасовой. В области изучения художественного концепта и художественного текста значимыми для нас стали исследования Н.С. Болотновой, Е.А. Огневой, И.А. Тарасовой.

Методы исследования: для решения задач, поставленных в исследовании, использован описательный метод, метод словарных дефиниций, стилистический анализ, сопоставительный, лингвокультурологический методы, а также количественный метод (прием количественных подсчетов), позволивший выявить частотность и продуктивность различных языковых средств репрезентации концепта.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. В области концептологии – разработан комплексный подход к анализу концептуализации патриотизма, интегрирующий когнитивные и лингвокультурологические методы исследования.

2. В сравнительной лингвокультурологии – выявлены специфические особенности концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман» через систему метафор, фразеологизмов, эпитетов и других языковых средств, установлены ее типологические различия в русской и английской лингвокультурах на материале исследуемых романов.

3. В методике анализа – предложена оригинальная модель исследования художественного концепта, учитывающая как универсальные характеристики, так и национально-культурную специфику, отраженную в языковых картинах мира, использована авторская классификация патриотизма.

Анализ концептуализации патриотизма в русском и английском художественном тексте дает возможность вынести на защиту следующие **положения:**

1. Концептуализация в художественном тексте представляет собой динамический процесс ментальной обработки и языковой репрезентации информации, результатом которого является формирование индивидуально-авторской модели концепта. В романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман», объединенных общей исторической эпохой наполеоновских войн, данный процесс наиболее полно раскрывается на примере концептуализации патриотизма, что позволяет выявить как

универсальные, так и национально-специфические особенности авторского мировидения.

2. Художественный концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM представляет собой вербализованную в литературном произведении аксиологическую ментальную единицу, синтезирующую общезначимые культурные ценности и индивидуально-авторское мировосприятие. Комплексный универсально-аксиологический концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM может быть описан посредством оппозитивных характеристик: по степени вовлеченности (коллективный и индивидуальный), по интенции и восприятию (истинный и ложный/показной), по сфере реализации (военный и бытовой), по способу языковой репрезентации (эксплицитно выраженный и имплицитный),

3. При формировании социально значимого концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в неблизкородственных языках наблюдаются как общие характеристики (основными составляющими концепта являются готовность служить интересам государя/монарха и отечества/страны, героизм, защита родины), так и национально-специфические особенности. У Л.Н. Толстого патриотизм предстает как стихийное онтологическое чувство единения с землей и народом, у П. О'Брайана – как профессиональный долг, реализуемый в служении на флоте и противостоянии морской стихии, что становится метафорой служения государству. Уникальность художественного концепта в романе «Война и мир» проявляется в том, что Л.Н. Толстой открыто говорит о патриотизме русского народа, прямо выражает свои патриотические чувства; в романе П. О'Брайана «Командир и штурман» чувство патриотизма не выражено открыто, оно передается через настроение, общее представление о патриотизме, чувства героев, их восприятие окружающего мира.

4. Основными языковыми средствами, репрезентирующими уникальный художественный концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в исследуемых романах, выступают метафоры, эпитеты, фразеологизмы,

контекстуальные репрезентанты. Каждое из этих средств выполняет специфическую функцию в формировании содержания концепта. Метафора служит инструментом образного переосмысления абстрактной идеи патриотизма, позволяя представить его как живой организм или сакральную ценность. Эпитеты выполняют функцию эмоционально-оценочного маркирования, выявляя авторское отношение к исследуемому концепту. Фразеологизмы связывают авторский замысел с национальной языковой картиной мира, придавая концепту культурно-историческую глубину. Контекстуальные репрезентанты расширяют понятийное поле концепта за счет индивидуально-авторских смыслов, которые актуализируются только в рамках конкретного произведения.

5. Метафоры в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» позволяют транслировать значимые составляющие патриотизма: война как стихийное бедствие, Родина как живой организм, защита Отечества как нравственный долг. Эпитеты в тексте романа выполняют оценочно-характерологическую функцию, выделяя в патриотизме его нравственные и эмоциональные доминанты. Фразеологизмы историко-культурного и религиозного характера формируют ценностно-смысловой фон романа, связывая индивидуальные переживания героев с коллективным опытом нации и представлениями о святости воинского подвига, коренящимися в православной традиции. В полифонической структуре романа патриотизм проявляется в коллективном героизме (раскрывается при описании массовых сцен), личном осознании долга в духовных исканиях героев и жертвенности как высшей форме служения.

6. Ведущими средствами концептуализации патриотизма в романе П. О'Брайана «Командир и штурман» выступают метафора, эпитет, контекстуальные репрезентанты. В романе доминирует прямая номинация патриотических ценностей через терминологически точные репрезентанты («долг», «присяга», «отечество»), сочетающиеся с технизированными метафорами («корабль государства»). Профессионализм здесь определяет

специфику патриотического чувства, подчиненного кодексу воинской чести и корпоративной этике. Концепт PATRIOTISM раскрывается в романе через конкретные действия как реализацию цели служения родине.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие ключевых направлений современной лингвистики. В области лингвокультурологии работа углубляет понимание механизмов формирования художественных концептов, раскрывая специфику их репрезентации в разных языковых картинах мира. Для сопоставительной лингвистики исследование демонстрирует эффективность сопоставительного анализа при изучении культурно-обусловленных концептов, расширяя методологический аппарат этой дисциплины. В рамках когнитивной лингвистики разработанная модель анализа обогащает теорию репрезентации ментальных конструкторов в языке и тексте.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения ее результатов в образовательной, переводческой и научной сферах. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по лингвокультурологии, сопоставительной стилистике и интерпретации художественного текста, а также в практике преподавания русского и английского языков. В прикладных областях межкультурной коммуникации и переводоведения полученные результаты могут быть востребованы для более точной передачи национально-специфических смыслов, связанных с концептуализацией патриотизма.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах и сообщениях на международных научных и научно-практических конференциях: «Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство» (Самара, 2009 г.); «Языкознание – 2010: Язык. Культура. Современность» (Челябинск, 2010 г.); «Дни науки – 2012» (Прага, 2012 г.); «Европейская наука XXI века – 2013» (Пшемысль, 2013 г.); «Наука и образование в XXI веке» (Тамбов, 2013 г.); «Наука сегодня: теория и практика» (Вологда, 2016 г.), «Шкатовские чтения» (Челябинск,

2024 г.), «Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания иностранных языков» (Челябинск, 2025 г.).

Содержание диссертации отражено в 17 публикациях, в числе которых 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и глава в коллективной монографии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

В первой главе раскрываются теоретические основы исследования: уточняется понятие концептуализации, рассматривается структура концепта и его аксиологическая природа, особое внимание уделяется специфике художественного концепта, предлагается типология патриотизма, включающая разграничение познавательного и художественного аспектов концептуализации, определяется место патриотизма в индивидуально-авторских концептосферах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана.

Вторая глава посвящена анализу языковых средств концептуализации патриотизма в сравниваемых романах. Фокус исследования сосредоточен на метафорах, фразеологизмах и эпитетах как единицах, раскрывающих авторскую картину мира. Анализ языковых средств проводится через призму сравнительного подхода и классификацию видов патриотизма (коллективный/индивидуальный, истинный/ложный, военный/бытовой, эксплицитный/имплицитный). С опорой на указанные разновидности выявляются стратегии репрезентации патриотизма в каждом из романов.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются его результаты, намечаются перспективы дальнейшего изучения концептуализации патриотизма на ином языковом материале.

В приложении помещены диаграммы и таблицы, способствующие более наглядному представлению результатов исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

1.1. Теоретические основы изучения концептуализации в художественном тексте

В современной лингвистике особое значение приобретает изучение процессов концептуализации, то есть способов формирования концептов в сознании и их последующей языковой объективации. Как отмечает Е.С. Кубрякова, концептуализация представляет собой «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов» [Кубрякова, 1999: 57]. В художественном тексте этот процесс приобретает специфические черты, поскольку он опосредован индивидуально-авторским мировосприятием и реализуется через систему изобразительно-выразительных средств языка.

Развивая данное понимание, В.И. Карасик в монографии «Языковые мосты понимания» (2025) подчеркивает, что в лингвокультурологическом измерении концептуализация представляет собой не просто когнитивную обработку информации, а ценностно-ориентированное осмысление мира, в результате которого формируются аксиологически нагруженные концепты, выступающие «мостами» между индивидуальным сознанием и культурой [Карасик, 2025: 66].

Результаты концептуализации не существуют изолированно: они образуют целостную систему – концептосферу. Понятие концептосферы было введено Д.С. Лихачевым, который определял ее как совокупность концептов нации, формирующуюся через весь исторический опыт культуры и языка [Лихачев, 1993: 5]. Вслед за Лихачевым, мы рассматриваем концептосферу как «концентрированное знание» народа, которое хранится в языковых единицах

и реализуется в речи. Применительно к художественному тексту можно говорить об индивидуально-авторской концептосфере – системе концептов, отражающей картину мира конкретного писателя и особенности его идиостиля. Таким образом, изучение концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого и П. О’Брайана предполагает не только анализ отдельного концепта, но и понимание его места в концептосфере каждого автора и, шире, в национальных концептосферах русской и английской лингвокультур.

Результатом концептуализации в литературном произведении становится художественный концепт – вербализованная ментальная единица, отражающая как общезначимые культурные ценности, так и субъективный авторский опыт восприятия мира [Аскольдов, 1997; Воркачев, 2004; Карасик, 2004; Лихачев, 1993].

Прежде чем перейти к анализу художественного концепта, необходимо рассмотреть эволюцию понимания термина «концепт» в научной традиции. Слово «концепт» произошло от латинского «conceptus», означающего в прямом переводе «мысль, понятие». Исходя из перевода, сформулированы и первые значения данного термина: 1) «смысловое значение имени», то есть суть, которая закладывается в используемое понятие, денотат знака (имени), которое изучается; 2) «произведение концептуального искусства» [Словарь лингвистических терминов, 2010: 165].

Далее стали создаваться другие определения, характеризующие термин «концепт» и его использование в различных науках. Так, в Малом энциклопедическом словаре, написанном Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном, представлены два определения: 1) «план, очерк сочинения», 2) «общее философское представление». Кроме того, авторы словаря описывают направление «концептуализм», определяя его как направление, возникшее в XII веке и изучающее родовые понятия [Брокгауз, Ефрон, 2001: 483].

Определение термина «концепт» представлено и в Большой советской энциклопедии, где он рассматривается как определенная «форма мышления»,

которая позволяет выделить и объяснить основные свойства предмета или явления, сопоставить отношение данных свойств с другими, с которыми он соотносится или взаимодействует [Большая советская энциклопедия, 1985: 212].

За годы существования и изучения данного термина сформировался целый ряд подходов, позволяющих дать наиболее точное и полное определение концепта. Формулировка во многом зависит не только от непосредственной сферы применения, но и от взглядов исследователей.

Е.С. Кубрякова рассматривает «концепт» как определенную единицу тезауруса, которая позволяет раскрыть полный смысл слова или явления с точки зрения культуры и человеческого опыта, объяснить происхождение, рассмотреть когнитивную структуру и провести полноценный анализ, а не только оценить поверхностный смысл [Кубрякова, 1999: 57].

В теоретических исследованиях определения термина «концепт» можно разделить на широкие и узконаучные. В широком плане термин «концепт» следует определять как обобщенные признаки различных предметов, которые объединяют свойства и позволяют создавать единые группы, составляющие концепт. Научные определения отличаются тем, что выделяют те признаки, которые необходимы для изучения в рамках конкретной науки. Те слова и знаки, которые используются при формировании научного концепта, в результате становятся самостоятельными научными терминами. В рамках изучения научного концепта можно выделить две составляющих: содержание и объем [Аскольдов, 1997: 268].

Концепт не является заданной изначально константой, он развивается во времени, меняется его форма и содержание. По сути, концепт является определенным результатом процесса познания, совокупности знаний, которые человечество накопило за период своего существования. Процесс образования концепта достаточно длительный; для определения окончательного концепта какого-либо явления используются различные приемы: эксперимент и абстрагирование, обобщение и сравнение, синтез и анализ и т.д.

В соответствии с идеей М.М. Бахтина, которую впоследствии поддержали и раскрыли Ж. Делез и Ф. Гваттари, «концепт – это определенный акт, который позволяет анализировать и синтезировать информацию, оставляя определенное место для «домысливания» и придания тексту определенной эмоциональной окраски» [Делез, Гваттари, 1998: 193].

С.Г. Воркачев определяет концепт как «вербализованный смысл», отмеченный культурным наследием и представленный существующими реализациями понятия [Воркачев, 2004: 47-48]. Похожую точку зрения поддерживает и Ю.С. Степанов. Он определяет концепт как «сгусток культуры», который позволяет человеку понимать культурное значение того или иного слова, текста, а также то, с помощью чего сам человек присоединяется к культуре и ценностям [Степанов, 2004: 40]. Рассматривая концепт, автор выделяет в нем три основных составляющих: общеизвестную сущность, которая известна всем носителям; внутреннюю суть, известную только специалистам; историческое содержание [Там же: 25].

В своей работе «Базовые когнитивные понятия и развитие терминологии» Е.И. Голованова отмечает, что концепт представляет собой ментальную единицу, существующую на уровне сознания. Сознание развивается не изолированно, а под воздействием окружающей среды, особенно через влияние национального языка и культуры, что приводит к формированию культурных и лингвокультурных концептов [Голованова, 2010: 3].

Г.Г. Слышкин, изучая структуру концепта, выделяет четыре зоны: интразона, экстразона, квазизона и квазиэкстразона. Первые две зоны относятся к основным, то есть отражают собственные признаки, значение слова и его характеристики, дополнительные признаки, вытекающие из переносных значений слова. Две последние связаны с ассоциациями [Слышкин, 2004: 65-66].

В отношении структуры концепта С.Г. Воркачев выделяет три составляющих: понятийную, образную, значимостную [Воркачев, 2004: 7].

В.И. Карасик в структуре выделяет образно-перцептивную составляющую, понятийную и ценностную [Карасик, 2002: 118]. И.А. Стернин также выделяет три компонента: образный, информационный и интерпретационный [Стернин, 2004: 65-68].

Общим для различных подходов является признание трехуровневой организации концепта: чувственно-образного восприятия, понятийного ядра и интерпретационного поля. Как отмечает И.А. Стернин, такая структура обеспечивает концепту устойчивую ядерных значений при сохранении способности адаптироваться к различным коммуникативным контекстам [Там же: 69].

В лингвоконцептологии для описания организации концепта широко используется полевая модель, которая позволяет представить концепт не как гомогенное образование, а как структуру, состоящую из ядра и периферийных зон [Попова, Стернин, 2007: 67–72]. Согласно данной модели, ядро концепта составляют наиболее актуальные для носителей языка смыслы, зафиксированные в словарных дефинициях и отражающие универсальные, инвариантные признаки концепта. Ближняя периферия включает в себя менее актуальные, но устойчивые признаки, которые выявляются в устойчивых сочетаниях, ассоциативных связях и отражают национально-культурную специфику концепта. Дальняя периферия представлена индивидуально-авторскими, контекстуальными, образными смыслами, которые актуализируются в конкретных речевых употреблениях, особенно в художественных текстах, и могут варьироваться в зависимости от идиостиля автора и коммуникативной ситуации.

Полевая модель обладает важным методологическим преимуществом: она позволяет не только описать статическую структуру концепта, но и проследить динамику его функционирования, поскольку периферийные зоны являются открытыми и могут пополняться новыми смыслами. Для настоящего исследования это особенно значимо, так как анализ дальней периферии концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романах Л.Н. Толстого и

П. О'Брайана позволит выявить те индивидуально-авторские смыслы, которые обогащают и трансформируют его ядерное содержание.

Для лингвокультурологического исследования особое значение имеет ценностный (аксиологический) компонент концепта, поскольку именно в нем фиксируются культурные ценности – разделяемые членами лингвокультурной общности представления о должном, значимом и желательном, которые регулируют поведение, мышление и оценку, находя отражение в языке [Карасик, 2004: 129]. Культурные ценности образуют систему координат, в рамках которой формируется национальная языковая картина мира, и выступают тем основанием, которое позволяет отнести тот или иной концепт к числу аксиологических. Именно ценностная природа концепта определяет его ключевую роль в формировании национальной идентичности и объясняет различия в его репрезентации в разных лингвокультурах.

Особую значимость для настоящего исследования представляет разработанное С.А. Аскольдовым разграничение концептов на познавательные и художественные. Под познавательным концептом автор понимает использование обозначения слова в области науки, а под художественным – определенное впечатление, которое вызывает слово [Аскольдов, 1997: 287].

Художественный концепт изучается целым рядом исследователей (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.) и определяется как «мыслительная единица», позволяющая не только отражать основную мысль, существующую в сознании писателя, но и объединять понятия одного и того же рода в единое целое [Стернин, Карасик, 2004]. Лингвисты признают, что концепт имеет овеществление языковыми средствами. Анализ этих средств позволяет раскрыть содержание и структуру концепта, а также понять, как он реализуется в художественном произведении, создавая индивидуально-авторскую картину мира.

По мнению Е.В. Шелестюк, художественный концепт, подобно художественному образу, отражает диалогическую взаимосвязь между личностью, культурой и природой. Его ключевой особенностью является способность к большей степени абстракции по сравнению со своим материальным выражением [Шелестюк, 1998]. По своей семантической природе термин «художественный концепт» сближается с понятием «художественный символ», который представляет собой сложный многозначный знак, объединяющий первичное и вторичное значения под единой знаковой оболочкой [Там же].

Значимой характеристикой художественного концепта является его выражение словом. Слово становится именем концепта, языковым знаком, позволяющим передавать его значение. Но содержание самого концепта при этом намного шире и глубже основного значения самого слова. Концепт может быть выражен не только отдельным словом, но словосочетаниями, оборотами, различными языковыми средствами [Galieva, 2020: 141].

Художественный концепт также обладает функцией передачи чувств и эмоций при помощи разнообразных средств. Эмоциональное содержание текста может создаваться при помощи лексики, пунктуации, междометий, структуры предложения и т.д. [Опарина, 2021: 192]. Таким образом, создается определенный подтекст, который вызывает у читателя чувства, схожие с эмоциями автора.

В данном исследовании художественный концепт определяется как вербализованная в литературном произведении значимая ментальная единица, которая отражает как общепринятые ценности и знания, так и субъективный авторский опыт восприятия мира. Он является частью культурного наследия и характеризует национальную картину мира того народа, к которому принадлежит писатель.

Как отмечает В.И. Карасик, процесс концептуализации протекает по-разному в разных типах дискурса: если в институциональном дискурсе концепты воспроизводятся в соответствии с устоявшимися нормами, то в

художественном дискурсе происходит их творческое переосмысление, результатом которого становится индивидуально-авторская модель концепта [Карасик, 2025]. Это положение имеет ключевое значение для нашего исследования, поскольку романы Л.Н. Толстого и П. О'Брайана представляют собой именно такие примеры творческой концептуализации патриотизма.

Таким образом, концептуализация в художественном тексте представляет собой динамический процесс, результатом которого становится формирование художественного концепта – сложного ментального образования, объединяющего универсальные культурные смыслы и индивидуально-авторское мировидение. Данный подход позволяет перейти к анализу конкретного концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, который, обладая ярко выраженной аксиологической природой, получает уникальное воплощение в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман».

Прежде чем перейти к анализу того, как патриотизм концептуализируется в художественных текстах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана, необходимо установить его инвариантное ядро – те устойчивые смыслы, которые закреплены в языковом сознании носителей русского и английского языков. Наиболее объективным источником для этого служат лексикографические данные. Обращение к словарям позволит выявить как универсальные, так и национально-специфические компоненты концептов ПАТРИОТ / PATRIOT и ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, что создаст необходимую базу для последующего сопоставительного анализа их художественной репрезентации.

1.2. Концептуализация патриотизма в русском и английском языках по данным лексикографических источников

Концепты ПАТРИОТ / PATRIOT, ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, обладая универсальным ядром, наполняются национально-специфическим

содержанием, обусловленным историческим опытом и культурными ценностями каждого народа. Первоначально происхождение понятия «патриот» и семантика слова основываются на греческом «*patriota*» – *земляк, соотечественник*, произошедшем от «*patrios*» – *принадлежащий отцам, отеческий* и «*patria*» – *родина*. Позднее оно появилось в латинском языке со значением «соотечественник» [Фасмер, 2004: 530]. В русском языке первое упоминание лексемы «патриот» относится ко временам Петра I. М. Фасмер считал, что в России данное слово появилось путем заимствования его из немецкого языка. В связи с этим лексема «патриот» связана с немецким *Patriot* и французским *patriote*, которые буквально означают «сын отечества» [Фасмер, 2004: 532]. В словаре В.И. Даля определение слова «патриот» звучит следующим образом: «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник» [Даль, 1998: 22]. На основании данного определения создавались последующие определения, которые со временем несколько изменялись и дополнялись. Так, во второй половине XX века патриота определяли как человека, служащего отечеству, не щадя себя. Далее под данным понятием стали понимать человека, который уважает, ценит и любит родную землю, Родину во всех отношениях, и при этом стремится предпринять все возможное для того, чтобы сделать жизнь в стране лучше, сохранить все ее достоинства для потомков [Белинский, 1979: 17].

При анализе определений понятия «патриот» в современных источниках можно сделать вывод об отсутствии принципиальных различий в формулировках. Но для полноценной оценки концепта в рамках данной работы необходимо представить ряд наиболее известных определений. В толковых словарях русского языка чаще всего можно встретить следующее определение: «человек, который любит свое отечество, предан своему народу, готов на жертвы и подвиги во имя интересов своей Родины» [Ефремова, 2000: 752; Ушаков, 2001: 303]. Другой популярный толковый словарь С.И. Ожегова содержит определение: «человек, проникнутый патриотизмом», то есть связывает его с концептом ПАТРИОТИЗМ [Ожегов, 1986: 426]. В целом, по

настоящее время сохраняются определения, сформировавшиеся во второй половине XX века, приведенные выше.

Анализ англоязычных источников, содержащих определение слова «patriot», показывает отсутствие принципиальных различий в понятийном ядре. Одним из самых часто встречающихся определений является следующее: «a person who loves his country and supports its interests» (человек, который любит свою страну и поддерживает ее интересы, здесь и далее перевод наш, Е.В. Супрунова), которое представлено в Oxford Dictionary of English [OED]. Также необходимо отметить определения, которые представлены в Webster Dictionary of English Language и Collins Russian Dictionary: «one who loves his country and jealously supports its authority and interests» (тот, кто любит свою страну и ревностно поддерживает ее авторитет и интересы) [Webster, 1971: 618]; «a person who vigorously supports his country and its way of life» (человек, энергично поддерживающий свою страну и ее образ жизни) [Collins, 1995: 1143].

Развернутое определение, позволяющее оценить глубокий смысл значения слова «patriot» в англоязычной лингвокультуре, представлено в Oxford Learner's Dictionaries: «a person who vigorously supports their country and is prepared to defend it against enemies or detractors» (человек, который энергично поддерживает свою страну и готов защитить ее от врагов или недоброжелателей) [Oxford dictionaries, 1998: 426].

Данное определение раскрывает патриотизм через призму активной гражданской позиции, выделяя три ключевых аспекта концепта. Во-первых, используется характеристика «vigorously supports» (энергично поддерживает), что подчеркивает не пассивную, а деятельную форму любви к родине, предполагающую постоянное участие в жизни страны. Во-вторых, важным элементом становится готовность к защите («is prepared to defend»), что отсылает к традиционному пониманию патриотизма как willingness to sacrifice (готовности к жертве). Особенно показательно упоминание не только внешних врагов («enemies»), но и внутренних критиков («detractors»), что отражает

сложность современного понимания патриотизма в условиях демократического общества.

Оксфордский словарь английской этимологии содержит следующее определение слова «patriot»: «one whose ruling passion is the love of his country» (тот, чьей главной страстью является любовь к своей стране) [CODEE, 1986: 346]. Данное определение представляет патриотизм как глубокую эмоциональную привязанность, возводя любовь к стране в ранг «страсти» (*ruling passion*). Использование слова *passion* (страсть) указывает на иррациональную, почти инстинктивную природу патриотизма, что контрастирует с сухими юридическими или политическими определениями. Это созвучно русскому пониманию патриотизма как «любви к Родине», но в английской традиции акцент смещен на индивидуальное переживание, а не на коллективную ответственность. Словосочетание *ruling passion* (главная/правлящая страсть) предполагает, что любовь к стране может становиться основополагающим жизненным принципом, определяющим поступки человека.

В русских словарях, начиная со словаря В.И. Даля, чаще всего встречаются такие синонимы, как «отчизнолюбец», «верноподданный», «любящий отечество», «соотечественник» [Даль, 1998: 22]. Все эти синонимы имеют устойчивую положительную коннотацию, что свидетельствует о безусловно позитивном восприятии патриотизма в русской языковой культуре.

В английском языке синонимический ряд шире и включает единицы с различной оценочной окраской. В тезаурусе Oxford Dictionary of English представлены следующие синонимы: «nationalist» (националист), «loyalist» (лоялист или верноподданный); «chauvinist» (шовинист), «jingoist» (джингоист), «flag-waver» (развивающий флаг или ура-патриот) [Oxford dictionary of English, 1998: 561]. Для понимания значения синонимов необходимо рассмотреть их определения в английском языке. В Webster Dictionary of English Language представлено следующие определения первых

двух синонимов: «Nationalist is an advocate of or believer in nationalism. Nationalism is a feeling that people have of being loyal to and proud of their country often with the belief that it is better and more important than other countries» (Националист – это сторонник национализма или его защитник. Национализм – чувство, которое люди испытывают веря своей стране или гордясь ею, часто с верой в то, что она лучше и важнее по сравнению с другими странами) [Webster, 1971: 415]; «Chauvinist is an extreme bellicose nationalist. Chauvinism is the belief that your country, race, etc., is better than any other» (Шовинист – крайний воинственный националист. Шовинизм – это убеждение, что ваша страна, раса и т. д. лучше, чем любая другая) [Webster, 1971: 259]. В тезаурусе Merriam-Webster's Collegiate Thesaurus перечислены такие синонимы, как «loyalist», «nationalist», «patrioteer», «flag-waver», «superpatriot» [MWCT, 2003: 762].

Для сравнения значений синонимов необходимо рассмотреть их определения в русском языке, где понятия «националист» и «шовинист» имеют негативную окраску. Националист, по данным Словаря русского языка, является приверженцем направления «национализм». Данное направление определяется как идеология, содержащая в основе превосходство и особенность одной нации над всеми остальными [Ожегов, 1986: 413]. Здесь же представлено понятие «шовинист»: «последователь агрессивной, чересчур яркой формы национализма, которая приводит к разжиганию ненависти и вражды с окружающими» [Там же, 1986: 725]. В отношении «ура-патриот», содержащемся в списке синонимов в английском языке, важно значение первой части составного слова – «ура», которая в словарях определяется как «безрассудно-самонадеянный, неосновательно хвастливый» [Там же, 1986: 510].

На основании представленных определений, созданных Академией наук СССР, можно утверждать, что представленный в англоязычных словарях синонимический ряд, при переводе на русский язык имеет негативное, отрицательное значение. Следовательно, слова «националист», «шовинист»,

«ура-патриот», носящие негативную окраску и несколько отличное от патриотизма смысловое значение, как в английском, так и в русском языках, не могут рассматриваться как синонимы слова «патриот» при использовании их носителями русского языка. Сравнивая синонимический ряд слов «патриот/patriot», представленный в английском и русском языках, можно сказать, что восприятие данного понятия в английском языке носит более сложный и зачастую негативный характер, в русском же языке значение синонимов имеет устойчивую положительную коннотацию. Наиболее нейтральным синонимом для передачи идеи преданности является *loyalist*, хотя его значение больше связано с лояльностью институтам власти, а не с любовью к родине как таковой.

В качестве обобщенного мнения носителей английского языка о понятии patriot, можно привести высказывания американского реформатора Ф. Райта: «Patriot is a useful member of society, capable of enlarging all minds and bettering all hearts with which he comes in contact; a useful member of the human family, capable of establishing fundamental principles and of merging his own interests, those of his associates, and those of his nation in the interests of the human race» (Патриот – полезный член общества, способный расширить умы всех и улучшить все сердца, с которыми он соприкасается; полезный член человеческой семьи, способный установить фундаментальные принципы и объединить свои собственные интересы, интересы своих товарищей и интересы своей нации с интересами человечества) [Wright, 1991: 49]; «Patriot is employed to signify a lover of human liberty and human improvement rather than a mere lover of the country in which he lives, or the tribe to which he belongs» («Патриот» используется для обозначения любителя человеческой свободы и человеческого совершенствования, а не просто любителя страны, в которой он живет, или племени, к которому он принадлежит) [Wright, 1991: 50].

Таким образом, рассмотрение определений слова «патриот» в русских и английских лексикографических источниках позволяет сделать вывод, что, несмотря на общее смысловое значение и происхождение, наблюдаются

определенные расхождения в смысловых нюансах и коннотациях, отражающие особенности национального менталитета и политической культуры.

После рассмотрения понятия патриот необходимо подробно изучить особенности и значение слова «патриотизм».

В соответствии с определением, представленным в Большой советской энциклопедии, под данным понятием подразумевается: «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам». Здесь же указано, что данное слово происходит от греческих «*patriótes*» – *соотечественник* и «*patris*» – *родина, отечество*. Авторы энциклопедии указывают, что патриотизм является одним «...из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» [Большая советская энциклопедия, 1985: 309]. Подобное определение представлено и в Словаре русского языка: «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу» [Ожегов, 1986: 333]. В «Современном толковом словаре русского языка» за авторством Т. Ф. Ефремовой написано: «любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины» [Ефремова, 2000: 753].

В российских источниках подчеркивается, что патриотизм предполагает порядочность по отношению к окружающим, уважение их интересов и потребностей общества в целом, уважение истории и традиций государства, верность нации [ФЭС, 1989: 221]. Историческое значение патриотизма напрямую связано с особенностями развития общества. На основании анализа русских источников можно отметить, что настоящий патриотизм не совместим с такими явлениями как национализм, космополитизм [ФЭС, 1983: 221].

В Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится о том, что патриотизм основывается на осознании человеком солидарности между всеми членами государства или нации. При этом подлинный

патриотизм должен быть пропитан пресвященным и положительным отношением, наличие предрассудков и негативной оценки данного понятия со стороны населения приводят к проявлению шовинизма и национализма, деморализующим всю нацию [Брокгауз, Ефрон 2001: 416].

Во многих источниках понятие патриотизм пересекается со словом «гражданственность», но при этом они отличаются в основе своего значения. «Гражданственность» подразумевает взаимоотношения «личность-государство», а патриотизм – «личность-отечество, Родина, страна». В первом случае подразумевается отношение человека свободного к системе. Во втором – внутреннее отношение, политический принцип, содержащий гордость, стремление защищать интересы [Рязанцев, 2010].

В книге В. Зорина «Евразийская мудрость от А до Я» патриотизм рассматривается как моральная позиция, отражающая истинную любовь к Родине, привязанность, поддержание существующих традиций и норм, сформированных на основании исторических особенностей. Данное явление предполагает критическое отношение к несправедливости и существующим недостаткам строя, нарушающим привычные и «правильные» отношения внутри страны. При этом чувство привязанности и принадлежности к определенной культуре также предполагает уважительное отношение к другим народам и культурам и их особенностям [Зорин, 2002: 102].

Из определений слова «патриотизм», представленных в англоязычных источниках, можно отметить следующие:

- в словаре Oxford Dictionary of English указано: «the quality of being patriotic; vigorous support for one's country» (качество патриотизма; решительная поддержка своей страны) [OED];

- в словаре Hornby – Oxford advanced learner's dictionary of current English и Webster Dictionary of English Language патриотизм определяется как «Love and devotion to one's country» (Любовь и преданность своей стране) [Hornby, 1982: 110; Webster, 1971: 618];

- в словаре «Collins Russian Dictionary» определение звучит следующим образом: «devotion to one's own country and concern for its defense» (преданность своей стране и забота о ее защите) [Collins, 1995: 1144];

- «Patriotism is a devoted love, support, and defense of one's country» (Патриотизм – это преданная любовь, поддержка и защита своей страны) [CED, 1995: 350].

Таким образом, основная суть патриотизма в англоязычных источниках – это любовь и преданность стране, желание и стремление защищать ее интересы.

В рамках российских исследований данного явления можно выделить несколько подходов к его определению.

1. Идеологический – рассматривает патриотизм, как любовь к Родине и готовность служить ей, поддерживая интересы и традиции. В рамках данного подхода чувство формируется на основании социально-экономических и исторических условий.

2. Социологический – рассматривает патриотизм как ценностный ориентир. Содержит определенную структуру, включающую три основных компонента: знания, эмоциональную оценку, готовность к действию. Он основывается на исторических, географических, культурных и других особенностях нации.

3. Социально-философский – данное понятие рассматривается в отношении духовной культуры общества и индивида в частности. Он рассматривает патриотизм, как сторону личности, вдохновляющую на верные и сверхличные цели.

Сопоставление русских и английских дефиниций слова «патриотизм» выявляет принципиально разные культурные модели патриотизма.

В русской традиции патриотизм укоренен в эмоционально-нравственной сфере. Его ядро – глубокое чувство сыновней любви к Отечеству как целостному организму (земля, история, народ). Характерно, что в русской лексикографической традиции патриотизм неразрывно связан не

только со страной, но и с народом. Эта модель связана с идеей жертвенного служения и личной ответственности перед народом. Положительная коннотация концепта и его синонимов («отчизнолюбец») подтверждает его статус безусловной нравственной ценности.

В английской традиции, отражающей ценности гражданского общества, патриотизм понимается как рационально-деятельностная лояльность государству, его интересам и образу жизни. Патриот – это, прежде всего, активный гражданин и защитник политического проекта. Эта модель допускает критическую рефлексию и осознает риски крайних форм национализма, что проявляется в наличии разветвленного синонимического ряда с негативно окрашенными единицами (*chauvinist, jingoist, patrioteer*).

Важно подчеркнуть, что общим для обеих традиций остается понятийное ядро: любовь к родине, преданность, готовность к защите. Различия лежат в области акцентов и коннотаций:

- в русских определениях – акцент на чувстве и народе;
- в английских определениях – акцент на деятельной поддержке и защите интересов.

Анализ различных определений, исторических данных и мнений специалистов, позволяет выявить несколько форм проявления патриотизма:

1. Патриотизм полисный сформировался в античных полисах, заключался в объединении всех в городскую общину, накладывая определенные обязанности и обеспечивая при этом определенный уровень защиты. Позднее был дополнен другими формами.

2. Имперский патриотизм являлся чувством лояльности и поддержки империи и ее правителя, верности существующему порядку.

3. Этнический патриотизм – положительное проявление национализма, в центре которого лежит любовь к своему народу. В соответствии с российским определением «национализм» – это идеология, пропагандирующая высшую ценность своей нации, предусматривающая

первичность нации и вторичность государства, содержащая уважение к другим народам [Большая советская энциклопедия, 1985: 189].

4. Государственный патриотизм – любовь и приверженность непосредственно к государству, государственному строю.

5. Квасной патриотизм – форма патриотизма с проявлением гипертрофированных чувств любви к государству. Оно является противоположностью истинному поведению патриота: «упрямая, тупая приверженность к бытовым мелочам национального быта» [Ушаков, 2001: 196]. В настоящее время выражение занимает определенное место в структуре русского языка, приравниваясь к таким проявлениям, как «ложный патриотизм», «ура-патриотизм» и т.д.

Таким образом, патриотизм имеет различные проявления и различную специфику в зависимости от традиций, истории, и даже особенностей конкретного человека. Патриотизму и его роли в развитии государства, нации и человечества в целом уделяется большое внимание в различных литературных произведениях. Авторы отражают свое отношение к проявлению данного качества и чувства, стараясь донести собственные мысли и идеи до читателей. Например, Н.А. Добролюбов в своих трудах писал: «настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям» [Добролюбов, 1911: 158]. При этом автор отмечает, что такой патриотизм подразумевает реальную деятельность, направленную именно на благо всего человечества, а не отдельной нации и, тем более, не отдельной группы людей. В.Г. Белинский выражает отношение к патриотизму следующим высказыванием: «Любовь к отечеству должна исходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит – пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [Белинский, 1979: 15]. Похожая точка зрения на патриотизм присутствует в высказываниях Ф. Райта: «a preference for the interests of the many to those of the few, a desire for the emancipation of the human race from the thrall of despotism,

religious and civil» (предпочтение интересов многих интересам немногих, стремление к освобождению рода человеческого от рабства деспотизма, религиозного и гражданского. Здесь и далее перевод наш, Е.В. Супруновой) [Wright, 1991: 50]. При этом в ряде произведений, в том числе у Джона Голсуорси, встречаются другие представления об английском патриотизме: негативное, предвзятое отношение к иностранцам и всему «чужому». Такое отношение характеризует поговорка, представленная в «Спасении Форсайта»: «If an Englishman couldn't clean a boiler, then no foreigner could clean it» (Если англичанин не смог почистить котел, то ни один иностранец не смог бы его почистить). С таким отношением к иностранцам они и сами становятся «чужими» в любой другой стране, но будут сохранять свою независимость, несмотря ни на что: «I'm a stranger, but don't try to overcome me, please – it's impossible» (Я чужой человек, но не пытайтесь меня одолеть, пожалуйста – это невозможно) [Galsworthy, URL].

Выявленные национально-специфические черты словарных дефиниций (акцент на чувстве и народе в русской традиции; акцент на деятельной поддержке и наличие дифференцированной оценки крайних проявлений в английской) служат необходимой точкой отсчета для дальнейшего анализа того, как Л.Н. Толстой и П. О'Брайан по-разному концептуализируют патриотизм в своих романах.

1.2.1. Подходы к анализу концептуализации патриотизма

Научные исследования патриотизма в лингвистике, культурологии и социологии носят междисциплинарный характер и охватывают широкий спектр подходов – от анализа языковых репрезентаций до изучения социальных практик. В лингвистике и лингвокультурологии концепт ПАТРИОТИЗМ рассматривается как единица языковой картины мира, используются такие методы, как концептуальный анализ, семантический анализ лексики, корпусные исследования, сопоставительные исследования.

В труде Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» концепт ПАТРИОТИЗМ не выделен отдельно, однако присутствует смежный концепт РОДНАЯ ЗЕМЛЯ, который раскрывается через совокупность элементов: Русь/Россия, природа, дом, близкие/родные люди, родной язык, что формирует смысловое поле, тесно соприкасающееся с современным пониманием патриотизма [Степанов, 2004]. Отсутствие у Ю.С. Степанова отдельной статьи о патриотизме показательно: для русского культурного сознания, так как патриотизм настолько глубоко укоренен в концепте РОДНАЯ ЗЕМЛЯ, что может не требовать отдельной номинации. Это наблюдение значимо для нашего исследования, поскольку объясняет, почему у Л.Н. Толстого патриотизм иногда выражается имплицитно – через образы земли, дома, природы, а не через прямые декларации.

Ключевое значение для понимания патриотизма как ценностной доминанты имеют работы В.И. Карасика, который рассматривает его реализацию через дискурсивные практики [Карасик, 2002]. Этот подход важен для нашей работы, так как позволяет анализировать не только изолированные слова, но и целые высказывания в тексте. Иной, но не менее значимый ракурс предлагает В.Н. Телия, исследующая патриотизм через призму фразеологии [Телия, 1996]. Для нашего сопоставительного анализа ценно то, что фразеологизмы, по мнению ученого, являются «зеркалом» национального самосознания, что позволяет выявить культурные коды в речи героев Л.Н. Толстого и П. О’Брайана. Таким образом, если подход В.И. Карасика акцентирует социальную регуляцию патриотического чувства, то подход В.Н. Телия – его культурно-языковую укорененность. Синтез этих двух взглядов и составляет методологическую базу нашего исследования

Особую значимость для понимания динамической природы патриотизма представляет исследование С.А. Магарила, который прослеживает исторические трансформации смыслов этого понятия в зависимости от политического и социального контекста [Магарил, 2016]. Если в работе Магарила акцент сделан на макроисторических сдвигах в общественном

сознании, то в нашем исследовании фокус смещается на то, как эти общие исторические смыслы преломляются в индивидуально-авторской картине мира и фиксируются в языковых средствах конкретного художественного текста. Таким образом, наш анализ может служить своеобразной «микроскопической» проверкой и конкретизацией тех макроисторических выводов, к которым приходит ученый.

В статье С. Прихожаева «Патриоты истинные и мнимые» автор поднимает проблему разграничения искреннего патриотизма, основанного на реальных делах, и показного, лицемерного патриотизма [Прихожаев, 2003].

В работе О.Ю. Малиновой «Символическая политика и конструирование патриотизма» исследуется, как государство создает патриотические нарративы через символику (например, георгиевская ленточка) [Малинова, 2010].

В культурологии и истории рассматривают эволюцию патриотизма в историческом и культурном контексте, используя исторический анализ, изучение художественных текстов, мемориальных практик.

В своих работах А.И. Уткин анализирует образы патриотов у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева [Уткин, 2017]. Работы А.И. Уткина представляют для нашего исследования особую ценность, поскольку он рассматривает патриотизм не абстрактно, а через конкретные образы героев. Его анализ толстовских персонажей (Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташи Ростовой) показывает, как патриотическое чувство может проявляться по-разному – в воинском подвиге, в философских исканиях, в жертвенной помощи раненым. Ученый убедительно демонстрирует, что для Л.Н. Толстого истинный патриотизм всегда персонифицирован и неразрывно связан с нравственным выбором личности. Этот подход созвучен нашей классификации, различающей коллективный и индивидуальный патриотизм.

В монографии Е.С. Сенявской «Психология войны в XX веке» патриотизм исследуется как мотивация солдат в войнах (ВОВ, Афганистан) [Сенявская, 1999].

В психологии и педагогике изучается патриотическое сознание и воспитание, при этом используются такие методы, как эксперименты, анкетирование, разработка образовательных программ.

В отличие от работ, анализирующих современные социальные практики, как например, исследование А.Г. Саниной, посвященное состоянию патриотизма и системе патриотического воспитания в России 2010-х годов [Санина, 2016], наша работа обращена к историко-литературному материалу. А.Г. Санина изучает «патриотизм сегодня» через социологические опросы и анализ воспитательных программ. Мы же исследуем «патриотизм вчера» (эпоха наполеоновских войн) через его художественную рефлексию. Сопоставление наших выводов о «патриотизме-судьбе» у Л.Н. Толстого с выводами А.Г. Саниной о современных формах патриотизма могло бы стать перспективой для дальнейшего изучения эволюции этого концепта в национальном сознании

В статье С.В. Куликовой «Воспитание национального самосознания и патриотизма в России: от истории к современности» исследуется связь между патриотизмом и идентичностью [Куликова, 2015].

В работе О.С. Газмана «Гражданское и патриотическое воспитание» разрабатываются модели воспитания через деятельность (клубы, поисковые отряды) [Газман, 2000].

Рассмотрение концептов, связанных с патриотизмом, в лингвокультурологии носит многоплановый характер. Так, исследование патриотизма невозможно без изучения смежных понятий таких, как отвага, смелость, подвиг и героизм, потому что именно они являются конкретными формами реализации патриотического чувства в действии.

Центральной работой в этом направлении является монография С.Г. Воркачева «Идея патриотизма в русской лингвокультуре», в которой

анализируется вербализация патриотических представлений через лексические единицы «Родина», «Отечество» и «Отчизна». Автор подчеркивает характерное для русского сознания трепетное отношение к родине и национальной идентичности [Воркачев, 2008: 115].

Исследования патриотизма продолжаются в работах таких лингвистов, как Е.В. Декленко (2004), Л.А. Коханова, А.А. Лебедев (2015), Е.Г. Малышева (2015), И.А. Юрьева (2015). Особый интерес представляет работа Е.В. Ноженко (2008), изучающая вербализацию патриотизма как одной из доминантных черт американского национального характера наряду с уверенностью в себе и успешностью [Декленко, 2004; Лебедев, 2015; Малышева, 2015; Ноженко, 2008; Юрьева, 2015;].

Ю.В. Кагарлицкий (2012) прослеживает семантическую эволюцию слова «отвага», которое изначально выражало не только храбрость, но и рискованность, но со временем приобрело исключительно положительную коннотацию [Кагарлицкий, 2012]. С.А. Юлтимирова (2007) анализирует многогранность концепта BRAVE в английском языке, рассматривая его философские, социологические и психологические аспекты [Юлтимирова, 2007]. Сравнительный подход демонстрируют Л.Н. Лазаренко и У.А. Карпенко (2015), исследуя репрезентацию концептов ОТВАГА и СМЕЛОСТЬ в творчестве А.С. Пушкина и Дж. Г. Байрона [Лазаренко, 2015]. В кросс-культурном ключе выполнена работа Д.В. Дорджиевой (2010), посвященная языковым способам выражения концепта ПОДВИГ в русской, калмыцкой и английской лингвокультурах [Дорджиева, 2010]. Л.А. Бушуева (2019) в своем исследовании категорий поступков описывает лингвокогнитивную модель героического поступка в русском и английском языках [Бушуева, 2019]. М.В. Пименова (2019) выделяет когнитивные признаки концепта ВОИН в русской языковой картине мира, отмечая его связь с символами государственности, памятью о защитниках и местами боевой славы [Пименова, 2019: 1135]. В.Г. Дидковская (2019) проводит историко-семантический анализ слов «подвиг», «подвижник», «герой», выявляя их

идеологическую конкуренцию и различие между христианским подвижничеством и светским героизмом [Дидковская, 2019: 28].

Современные исследования демонстрируют устойчивый интерес к изучению концептов ГЕРОЙ, ГЕРОИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. В лингвистической науке концепт ГЕРОЙ исследуется в работах М.Г. Газилова, Д.А. Голубева, Е.О. Омеличкиной, С.А. Питиной, А.В. Таскаевой и О.Ю. Юшко [Газилов, 2020; Голубев, 2008; Омеличкина, 2013]. Значительная часть исследований посвящена исторической динамике героических образов: например, анализ архаических представлений о герое [Бабенко, 1999; Дорохова, 2005; Иванова, 2005; Юшко, 2011]; изучение средневековых представлений о героизме [Дружинина, 2015; Кардини, 1987; Лошманова, 2006; Сайкова, 2019]; исследование героических идеалов нового времени [Ерохина, 2020].

А.В. Таскаева рассматривает и систематизирует современную героическую парадигму в лингвокультурологическом, социолингвистическом и когнитивном аспектах. Концепт ГЕРОЙ представляет собой устойчивое мифологическое и идеологическое образование, которое воплощает идеальные образы героизма в рамках динамичной и многогранной системы представлений. Эта система тесно связана не только с общечеловеческими ценностями, но и с конкретными национальными культурными ориентирами, отражая тем самым универсальные и этноспецифические аспекты [Таскаева, 2021]. Для нашего сопоставительного исследования важно, что А.В. Таскаева выделяет как универсальные, так и национально-специфические черты героического. В английской традиции, по ее данным, герой чаще наделяется такими качествами, как храбрость (*great bravery*), благородство (*nobility*), стойкость духа (*fortitude*), что коррелирует с нашими выводами о «патриотизме-ремесле» у П. О'Брайана, где героизм проявляется через профессиональное мастерство и верность долгу.

В исследованиях С.А. Питиной героическая парадигма рассматривается через призму разнообразного лингвокультурного материала, включая данные регионального уровня [Питина, 2002].

Ян Цзинь исследует образ героя в языковом сознании носителей китайской и русской лингвокультуры. Автором выявлено, что образ героя имеет универсальные черты (защита родины, самопожертвование), но его специфика зависит от культуры [Ян Цзинь, 2025]. Хотя работа Ян Цзиня посвящена китайско-русскому сопоставлению, сам методологический принцип – выявление универсального ядра и национально-специфических черт – созвучен нашему подходу. Это подтверждает, что избранная нами стратегия сопоставительного анализа (от общего к частному) соответствует современным тенденциям в лингвоконцептологии.

Монография Е.А. Огневой «Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста» посвящена изучению структуры и содержания концептосферы художественного произведения. В работе рассматриваются способы вербализации концептов в художественном тексте, их роль в формировании авторской картины мира, а также принципы организации концептуальных единиц в единую смысловую систему [Огнева, 2009]. Для настоящего диссертационного исследования, посвященного концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман», данная работа значима в том отношении, что она задает общий теоретический контекст для анализа концептов в художественном тексте. Представленный в монографии подход позволяет рассматривать патриотизм как сложное смысловое образование, вербализованное через систему языковых средств, и учитывать его связь с другими ключевыми концептами, формирующими целостную картину мира автора.

В статье Н.В. Наговицыной «Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании» представлены ход и результаты экспериментального лингвистического исследования, целью

которого была проверка и уточнение представлений о патриотизме в современном русском языковом сознании. Методология исследования базируется на принципах современной лингвокультурологии и когнитивно-ориентированного подхода. В работе использовались методы концептуального анализа и методика ассоциативного эксперимента. В результате исследования было подтверждено и детализировано семантическое наполнение концепта ПАТРИОТИЗМ [Наговицына, 2017].

В статье Н.С. Болотновой «Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие» систематизируются различные подходы к классификации художественных концептов, сложившиеся в рамках когнитивной лингвистики и коммуникативной стилистики текста. Автор выделяет основания для типологии (масштаб, субъектная отнесенность, роль в тексте, степень оригинальности, тип ментальной репрезентации) и анализирует возможные типы отношений между концептами, актуализированными в тексте [Болотнова, 2005]. Для настоящего исследования значимым является сам тезис о том, что концепты в художественном тексте не существуют изолированно, а вступают в смысловые связи, формируя единую концептуальную систему, что позволяет рассматривать концепт ПАТРИОТИЗМ в романах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана не как изолированную единицу, а в контексте его языковой репрезентации и смыслового окружения.

В работе И.А. Тарасовой «Концептуализация в поэтическом языке» рассматриваются различия между процессами концептуализации в обыденном и художественном сознании. Автор подчеркивает, что если концепты обыденного сознания представляют собой относительно простые, элементарные структуры (чувственный образ, схема, понятие), то художественные концепты отличаются сложностью, многослойностью и уникальностью. Для их описания автор предлагает модель, включающую предметный, понятийный, образный, ассоциативный, символический и ценностно-оценочный слои. Особое внимание уделяется соотношению

предметного и образного слоев, роли символического слоя, а также значимости фонетической составляющей (звукоформы) в формировании поэтического концепта [Тарасова, 2018]. Для настоящего диссертационного исследования, посвященного концептуализации патриотизма в художественном тексте, данная статья имеет большое значение. Во-первых, предложенная И.А. Тарасовой модель многослойного художественного концепта задает продуктивный инструментальный анализ, поскольку в исследуемых текстах патриотизм предстает как сложное смысловое образование, включающее предметные реалии (образы родины, войны, долга), образные переосмысления (метафоры, сравнения), ассоциативные связи и ценностные ориентиры. Во-вторых, акцент на различии между обыденным и художественным концептуализациями позволяет обосновать уникальность авторских версий патриотизма в романах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана, которые не сводятся к бытовым или официально-идеологическим трактовкам.

В статье Х.С. Шагбановой «Лингвокультурная природа концепта ПАТРИОТИЗМ» подчеркивается, что концепт ПАТРИОТИЗМ играет ключевую роль в современном языковом сознании, будучи укорененным в системе традиционных национальных ценностей. Он выступает важным связующим звеном между личностью и обществом в эстетическом и коммуникативном пространстве. К его основным характеристикам автор относит: ориентацию на действие (праксеологичность), способность вызывать как сфокусированные, так и широкие ассоциации, высокую концептуальную устойчивость, свойство выражать предельные смыслы и внутреннюю смысловую многогранность (полисемичность) [Шагбанова, 2023].

В статье М.Е. Ивановой и Ю.Е. Чубаровой «Соборность как социальное основание державности, гражданственности и патриотизма» исследуется значимое для русской культуры понятие соборности, которое не имеет прямых аналогов в западной мысли. Авторы показывают, что суть этого феномена заключается в духовном и социальном объединении людей вокруг общей высшей цели или идеала. Ключевой тезис статьи состоит в том, что именно

соборность служит социальным и духовным фундаментом для патриотизма. Патриотическое чувство в русской традиции вырастает не просто из индивидуальной лояльности государству, а из глубокого коллективного переживания общности, солидарности и совместного служения. Особое внимание уделяется конкретным формам соборности, напрямую связанным с патриотизмом: державности и гражданственности. Таким образом, статья выстраивает концептуальную цепочку: соборность → (через формы державности и гражданственности) → патриотизм. Патриотизм предстает не как изолированное чувство, а как закономерное и высшее проявление соборного единства, укорененное в традиционной системе ценностей. Авторы также систематизируют основные научные подходы к пониманию структуры соборности и державности, подчеркивая их центральную роль в формировании национального самосознания [Иванова, Чубарова, 2024]. Данное понимание соборности как духовного фундамента патриотизма напрямую соотносится с результатами нашего анализа романа Л.Н. Толстого, в котором патриотическое чувство предстает именно как стихийное коллективное единение народа, а не как индивидуальная лояльность государству.

Статья А.А. Храбровой «Английский патриотизм в условиях глобализации» посвящена анализу влияния глобализации на патриотизм и национальную идентичность в Англии, исследуя кажущееся противоречие между этими явлениями. Автор отмечает, что в общественном сознании укрепился стереотип об английском патриотическом нигилизме, берущем начало в знаменитой фразе Сэмюэля Джонсона: «Patriotism is the last refuge of a scoundre» (Патриотизм – последнее прибежище негодяя). Однако при более глубоком рассмотрении выявляется феномен «глубинного», или «скрытого», патриотизма. Он проявляется не в громких декларациях, а во внутренней готовности жертвовать ради страны, в осторожном отношении к европейской интеграции и в чувстве культурного превосходства, основанном на глобальной роли английского языка. В статье делается вывод, что в условиях

глобализации английский патриотизм не исчезает, а трансформируется. Внешняя сдержанность и ирония маскируют внутреннюю устойчивость, а глобальные вызовы не ослабляют, а, напротив, обостряют стремление к сохранению национальной уникальности [Храброва, 2010]. Наблюдения А.А. Храбровой о «скрытом» характере английского патриотизма напрямую подтверждаются нашим анализом романа П. О'Брайана. Английские моряки у П. О'Брайана почти никогда не говорят о любви к родине прямо – их патриотизм выражается в действиях, в безупречном исполнении долга, в отношении к кораблю как к «плавающему кусочку Англии». Это именно тот случай, когда патриотизм «не выражен открыто».

Проведенный обзор научной литературы позволяет сделать ряд важных выводов, формирующих теоретический фундамент данного исследования.

Во-первых, концепт ПАТРИОТИЗМ утвердился как один из центральных и полиаспектных концептов современного гуманитарного знания. Его изучение ведется в широком междисциплинарном поле – от лингвистики и лингвокультурологии до социологии, истории и педагогики, – что подчеркивает комплексный характер этого феномена, находящегося на стыке языка, мышления, культуры и социального действия, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Во-вторых, в отечественной научной традиции сложился ряд подходов к его изучению. Лингвокультурологический подход раскрывает патриотизм как ценностную доминанту языковой картины мира, вербализуемую через ключевые лексемы («Родина», «Отечество»), фразеологию и дискурсивные практики. Историко-культурные исследования демонстрируют динамику и контекстуальную зависимость его смыслов, а также его глубокую связь с уникальными для русской культуры концептами такими, как «соборность», выступающая его духовно-социальным фундаментом.

В-третьих, работы, посвященные смежным концептам (ГЕРОЙ, ПОДВИГ, ВОИН), позволяют увидеть, что патриотизм реализуется в языке через конкретные образы и действия. Особую ценность для нас представляют

исследования В.Г. Дидковской и А.В. Таскаевой, показывающие национально-культурную специфику этих образов.

Наконец, сравнительные и кросс-культурные исследования, включая анализ русского и английского патриотизма, доказывают, что, несмотря на универсальное ядро, данный концепт обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой. Эта специфика проявляется не только в особенностях вербализации, но и в характере реакции на глобальные вызовы, где угроза идентичности может выступать катализатором для актуализации патриотических чувств.

Таким образом, концепт ПАТРИОТИЗМ представляет собой сложное, многоуровневое образование, требующее для своего анализа интеграции лингвистических, культурологических и социологических методов. Существующий массив исследований предоставляет теоретическую и методологическую базу для проведения собственного сопоставительного анализа концептуализации патриотизма в русской и английской литературных традициях.

Обзор научных подходов показывает, что патриотизм изучается в лингвистике как сложный, ценностно-ориентированный концепт. Однако методология анализа должна опираться не только на общетеоретические установки, но и на понимание того, как данный концепт встроен в национальные языковые картины мира. Именно система культурных ценностей, закрепленная в языке, определяет специфику восприятия патриотизма в каждой лингвокультуре. Поэтому следующим шагом нашего исследования становится рассмотрение места концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в русской и английской языковых картинах мира.

1.3. Концептуализация патриотизма в русской и английской языковых картинах мира

Современная лингвокультурология представляет собой развитую научную область с множеством исследовательских направлений, каждое из которых предлагает собственный подход к изучению взаимосвязи языка и национальной культуры. Разные научные школы описывают эту связь через различные категории: национально-культурный компонент у Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, фоновые знания у Ю.А. Сорокина, лингвокультурологическое поле и лингвокультуремы у В.В. Воробьева, культурные коннотации у В.Н. Телия и В.А. Масловой, лингвокультурные ситуации у В.В. Шаклеина или ценностные доминанты у В.И. Карасика. Однако наиболее распространенным и универсальным термином, объединяющим эти подходы, остается понятие культурного концепта.

Культурные концепты представляют собой особый класс абстрактных имен, в семантике которых преобладает сигнификативный аспект над денотативным. В отличие от конкретных предметных реалий, они обозначают эмоции, состояния, нравственные и ценностные установки, не имея четкой материальной привязки. Их содержание формируется в рамках конкретной лингвокультурной общности и отражает уникальную систему ценностей, заложенную в языковой картине мира. Именно поэтому многие русские субстантивы, такие как *совесть*, *правда*, *воля*, не находят точных эквивалентов в других языках – их смысловые корреляты лишь частично пересекаются с оригинальными понятиями [Тхорик, 2006: 247].

Национально-культурная специфика таких концептов наиболее ярко проявляется в их устойчивой сочетаемости, которая фиксирует ключевые смысловые «кванты», значимые для носителей языка. Как показывают исследования М.Э. Сандомирской, В.Н. Телия, эти сочетания не просто отражают языковые нормы, но и воспроизводят глубинные культурные установки [Сандомирская, 1991; Телия, 1996]. В этом контексте ПАТРИОТИЗМ также может быть рассмотрен как культурный концепт, поскольку его содержание формируется под влиянием исторического опыта, традиций и ценностных ориентиров конкретного общества, а его языковые

репрезентации несут в себе уникальные смысловые оттенки, отличающие его от аналогичных понятий в других культурах.

Таким образом, изучение патриотизма в рамках лингвокультурологии позволяет не только раскрыть его семантику, но и понять, как он встраивается в национальную картину мира.

Рассматривая культурные концепты как ключевые элементы национального языкового сознания, закономерно обратиться к понятию языковой картины мира, которая формируется посредством этих концептов. Язык служит важнейшим инструментом передачи информации и формирования представлений о мире. Понятие «языковая картина мира» в научной литературе раскрывается через две взаимосвязанные идеи: первая идея указывает на уникальность образа действительности, создаваемого каждым языком, а вторая – подчеркивает отличие от научной системы представлений. Эти идеи, дополняя друг друга, раскрывают многогранность взаимодействия языка, мышления и культуры [Песина, 2005: 358-362], что особенно значимо при исследовании сложных культурно-обусловленных концептов таких, как ПАТРИОТИЗМ.

Во многих источниках, в том числе в работах таких авторов, как Е.М. Дорогайкина, М.В. Пименова, Н.Б. Подвигина, З.Д. Попова, «языковая картина» определяется как исторически сложившаяся совокупность представлений, которая позволяет определять и осознавать устройство мира и действительности [Дорогайкина, 2021; Подвигина, 2009; Попова, 2007].

Е.С. Яковлева определяет языковую картину мира как схему восприятия действительности, зафиксированную в языке и специфичную для каждого народа [Яковлева, 1996: 8-12].

В.А. Маслова утверждает, что языковая картина мира соответствует логике и способу отражения действительности в человеческом сознании и восприятии. Автор подчеркивает, что языковая картина выполняет две основные функции: во-первых, она служит для обозначения и определения ключевых элементов концептуальной картины мира, а во-вторых,

предоставляет языковые средства для ее описания и интерпретации [Маслова, 2001: 6, 67].

По мнению Е.И. Головановой, язык служит вербальным выражением мыслительного процесса, аккумулируя в себе многовековой опыт национального мировосприятия. Через систему слов и понятий он объективирует обобщенное видение мира, свойственное конкретному народу, выступая не только средством коммуникации, но и хранителем коллективного знания и культурной идентичности каждого народа [Голованова, 2004: 54].

Первым в научный оборот термин «языковая картина мира» ввел Л. Вайсгербер, определив, что она позволяет отразить восприятие и сознание языковой общности и является ее важнейшим культурным наследием [Вайсгербер, 1993:17].

Помимо уже перечисленных авторов, изучением языковой картины занимался целый ряд исследователей. Среди российских специалистов можно отметить таких ученых, как С.А. Брутян, А. Вежбицкая, Л.А. Киселева, В.В. Морковкин, Ю.С. Степанов и др. [Брутян, 1973; Вежбицкая, 1996; Киселева, 2018; Морковкин, 1996]. При этом большинство авторов сходится во мнении, что языковая картина мира зависит от национальности и отражает уникальную картину мира. Так, Е.В. Падучева пишет, что каждый язык предлагает свою собственную картину мира, которая в определенной степени отличается от предлагаемой любым другим языком [Падучева, 1996: 165-186]. А.Р. Габбасова и Ф.Г. Фаткуллина отмечают, что языковая картина мира создается различными способами, наибольшее внимание уделяется лингвоспецифичной лексике и фразеологии [Габбасова, Фаткуллина, 2013].

По мнению С.А. Питиной, картина мира представляет собой смоделированное отражение действительности, уникальное для каждой культуры. Она формируется из системы универсальных концептуальных категорий (время, пространство, судьба и др.), которые наполняются особым смыслом в различных культурных традициях и создают целостную систему координат для восприятия реальности [Питина, 2002]. Языковая картина мира

при этом понимается как система концептов, организующих национальное сознание, – динамическая структура, эволюционирующая под влиянием исторического и культурного контекста [Там же].

Е.В. Декленко также придерживается мнения, что национальный менталитет наиболее полно раскрывается в содержании лингвокультурных концептов, которые служат средством проникновения культуры в сознание человека. Языковые единицы и дискурс несут на себе отпечаток культурных особенностей, возникающий в результате сложного взаимодействия языка и культуры [Декленко, 2004].

Американский лингвист Б.Л. Уорф отмечал, что люди, говорящие на разных языках, по-разному мыслят, их восприятие мира, действительности значительно отличается [Уорф, 1960: 34]. Точка зрения Уорфа поддерживается и Л. Вайсгербером, который утверждал, что использование родного языка влияет на усвоение знаний, а человек способен сохранять при этом определенное своеобразие собственной личности [Вайсгербер, 1993: 15].

В.А. Маслова утверждает, что язык является «фактом культуры» по трем основным причинам: 1) язык – это неотъемлемая часть культуры, которая наследуется от предков; 2) это основной инструмент, при помощи которого выражается и устанавливается культура; 3) с помощью языка воспринимаются и другие составляющие культуры: наука, религия, литература и т.д. [Маслова, 2001: 62].

Как справедливо отмечает С.В. Иванова, «будучи объектом анализа, слово превращается в тот инструмент, при помощи которого можно добраться до святой святых многих наук, чем и выступает человеческое сознание. Современная теоретико-методологическая база лингвистики и психолингвистики, в частности, позволяет через анализ языковой картины мира и через слово как овнешняющий ее фактор обратиться к сознанию *homo loquens* и идентифицировать в нем то, что вызывает исследовательский интерес и раскрывает его особенности» [Иванова, 2022: 26].

Анализ трудов отечественных и зарубежных специалистов позволяет сделать вывод, что язык выступает «орудием культуры», формируя национальную идентичность и менталитет человека. Усваивая с детства речевую культуру своего окружения, личность обретает определенное мировоззрение и модели поведения. Как подчеркивает В.А. Маслова, носитель языка одновременно является и носителем культуры [Маслова, 2001: 65]. Развивая идеи Уорфа и Вайсгербера, В.М. Шаклеин утверждает, что каждый язык формирует уникальную картину мира, поскольку реальность может быть описана только с помощью существующих языковых единиц [Шаклеин, 2012: 99].

В языковых структурах закреплён многовековой опыт народа – его знания, традиции и культурные ценности, которые являются важнейшим компонентом лингвокультурного анализа. Это особенно ярко проявляется в устойчивых языковых формах: поговорках, речевых оборотах и фразеологизмах [Маслова, 2001: 65]. Система ценностей определяет специфику национальной языковой картины мира.

Как заметила Е.В. Харченко, язык как уникальное явление выполняет фундаментальные функции осмысления, сохранения и передачи культурного наследия. Проблема изучения взаимовлияния языков и культур становится особенно значимой в современную эпоху, когда процессы смешения народов, языков и культур достигли беспрецедентных масштабов, а осознание культурных различий проявляется с особой остротой [Харченко, 2012: 136].

По мнению А.В. Колмогоровой, язык как биологический компонент когнитивной системы изучается когнитивной экологией во взаимосвязи с другими психическими процессами, обеспечивая целостный анализ речевой деятельности человека [Колмогорова, 2019: 19].

Для русской лингвокультуры традиционно выделяются такие ценностные доминанты, как коллективизм (соборность), эмоциональная открытость и ориентация на духовный поиск. Для английской лингвокультуры, напротив, характерны индивидуализм, сдержанность в проявлении чувств и

уважение к институциональному порядку [Hofstede, 2001, Павловская, 2005]. Именно эти базовые ценностные ориентиры определяют те различия в репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, которые будут проанализированы во второй главе на материале художественных текстов.

Для понимания концепта ПАТРИОТИЗМ в анализируемых лингвокультурах необходимо рассмотреть особенности русской и английской национальной личности, так как в языковой картине мира находит отражение характер национальной культуры [Панченко, 2000: 84]. Так, концепт ПАТРИОТИЗМ представляет собой своеобразную смысловую среду, где различные аспекты значения актуализируются в зависимости от конкретных внеязыковых условий и социально-исторического контекста [Декленко, 2004].

Анализ научных исследований выявляет характерные черты русской ментальности: сочетание сильной воли с коллективистским сознанием, стремление к возвышенным идеалам при эмоциональном восприятии действительности [Бозаджиев 2015: 308-312]. Важнейшими особенностями выступают сакральное отношение к ключевым понятиям, глубокая рефлексия исторического пути и бинарность культурных парадигм [Урютова, 2015: 203-209].

Для системного описания различий в русской и английской лингвокультурах представляется продуктивным обратиться к параметрам, выделенным в кросс-культурных исследованиях Г. Хофстеде [Hofstede, 2001], К. Фокс [Fox, 2004], а также к лингвострановедческим работам отечественных лингвистов А.В. Павловской [Павловская, 2005], Л.Г. Сорокиной [Сорокина, 2010], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2008]. Обобщая данные подходы, можно представить ценностные доминанты двух культур в виде таблицы (см. Таблицу 1).

Ценностные доминанты сформировались под влиянием различных факторов: географических (обширные пространства России vs. островное положение Англии), исторических (многочисленные внешние угрозы в России

vs. длительный период стабильности в Англии), религиозных (православие с его соборностью vs. протестантизм с его индивидуальной ответственностью).

Таблица 1 – Ценностные доминанты русской и английской лингвокультур

Ценностная доминанта	Русская лингвокультура	Английская лингвокультура
Отношение к коллективу	Коллективизм, соборность, приоритет «мы» над «я». Стремление к единению, общности.	Индивидуализм, приоритет личной свободы и ответственности. Уважение к частной жизни.
Отношение к деятельности	Созерцательность, ориентация на процесс, непредсказуемость результата, «широта души».	Активность, прагматизм, ориентация на результат, эффективность, планирование.
Эмоциональность	Высокая эмоциональность, открытость, искренность в проявлении чувств.	Сдержанность, самоконтроль, недосказанность (<i>understatement</i>).

В русской культуре концепт ПАТРИОТИЗМ формировался длительное время. В русской языковой картине мира данный концепт имеет определенную специфику. Основанием специфики является двойственность русского культурного пространства. С одной стороны, патриотизм – это комплекс идей, имеющих первостепенное значение. С другой – его происхождение является иноязычным, относится к интернациональной лексике [Наговицына, 2021: 42].

В русском языке, как и в русской культуре, патриотизм преимущественно проявляется в гордости за свою нацию и в стремлении защищать ее интересы. Это часто находит отражение в поговорках и афоризмах, например: «Человек без Родины, как соловей без песни», «Родина – мать» и т.д. Во многих поговорках встречаются такие словосочетания, как «защита родины», «отечество». Они являются достаточно устойчивыми и прочно вошли в русский язык.

В русском языке встречается множество слов с корнем «патриот» (патриотизм, патриотический, патриотичность, военно-патриотический)

[Морфемный словарь, URL], а сам патриотизм часто усиливается и дополняется различными словами. Русским свойственно оценивать свою привязанность к чему-либо, именно как патриотизм. Русский патриотизм имеет самые разные проявления, он может быть истинным и ложным, детским, образованным, потребительским, экономическим и т.д. Такое разнообразие использования слова «патриотизм» отражает многоаспектность русской национальной личности.

В русской языковой культуре патриотизм чаще всего рассматривается как политический и национальный принцип, чувство, которое является истинной любовью к Родине. Патриотизм проявляется в гордости за свое отечество, за достижения своего народа, а также в готовности жертвовать собой, своими интересами ради интересов общих, ради достижения блага, защиты родной страны. В современных условиях патриотизм должен быть непосредственной частью общественного сознания [цит. по; Супрунова, 2014: 86-88].

Английский патриотизм во многом отличается от русского. По мнению специалистов, в том числе Н.А. Сухоплюева, самым главным видом проявления английского патриотизма является антипатия ко всему иностранному. Такое проявление патриотизма ярко отражается существующей в стране поговоркой: «Everything, that is good, is made in England» (Все хорошее сделано в Англии) [цит. по; Сухоплюев, 2022: 868].

В отношении английского «сдержанного» патриотизма многие специалисты указывают на отсутствие демонстративной любви англичан к своей стране. Ряд авторов, например, С.Г. Тер-Минасова, отмечают, что многие англичане «положили свои жизни» на благо страны, что свидетельствует о высоком проявлении чувства патриотизма [Тер-Минасова, 1985: 43].

Исследование концепта ГЕРОЙ в английском языковом сознании, проведенное А.В. Таскаевой, выявляет его ключевые характеристики и социальную значимость. Согласно полученным данным, носители английской

культуры воспринимают героя как личность, обладающую исключительными качествами: храбростью (*great bravery*), благородной и исключительной смелостью (*noble/exceptional courage*), высшим благородством и великодушием (*nobility*), жертвенной добротой и милосердием (*beneficence*), выдающимся интеллектом (*intelligence*), негибаемой стойкостью духа (*fortitude*) [Таскаева, 2021]. Эти результаты подчеркивают, что в английской ценностной картине мира герой воплощает не только физическое мужество, но и высокие моральные принципы. Примечательно, что, хотя концепты ГЕРОЙ и ПАТРИОТ тесно связаны, они вербализуются по-разному: описание героического поступка часто допускает более эмоциональные и оценочные выражения, в то время как для репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ характерна сдержанная лексика. Это наблюдение подтверждает тезис о «скрытом», имплицитном характере английского патриотизма, который не требует громких деклараций, но проявляется в конкретных действиях и качествах личности.

При этом в английском языке проявление любви к Родине не находит явного отражения. В этом отношении актуально проявление такого явления, как «преуменьшение» (*understatement*), которое часто встречается в Англии. Англичанам не свойственно яркое проявление любви, восторга от чего-либо. Как заметила А.В. Павловская, в поэме Беовульф, красочно описываются качества героя, и все завершается простой фразой «хороший король»: «*There was Shield Sheafson, scourge of many tribes, a wrecker of mead-benches, rampaging among foes... In the end each clan on the outlying coasts beyond the whale-road had to yield to him and begin to pay tribute. That was one good king*» (Был Щит Шифсон, бич многих племен, разрушитель медоварни, свирепствующий среди врагов... В конце концов каждый клан на отдаленных побережьях за Китовой дорогой должен был уступить ему и начать платить дань. Это был один хороший король) (перевод В.Г. Тихомирова) [Павловская, 2005: 138].

Подобные подходы с сочетанием красочного описания и краткого вывода встречаются и в патриотических текстах английских писателей. Такое поведение можно найти в стихотворении Р. Киплинга «If...» («Если...»), 1895 г. Это стихотворение – гимн английскому стоицизму. Многострочное, детализированное описание идеала стоического поведения («stiff upper lip») завершается не громким титулом, а лаконичной констатацией. Высшая похвала – не «великий герой» или «гордость нации», а просто «a Man» (Человек с большой буквы). Награда («Земля твоя по праву»/ Yours is the Earth and everything that's in it) также выражена метафорой, а не прямым восхвалением нации (перевод А. Грибанова) [Kipling, URL].

Английский язык достаточно ярко отражает принцип «сдержанности», свойственный национальной личности. Их сдержанность проявляется и в языке, в «недосказанности». Это особо ярко можно оценить на примере концепта PATRIOTISM. Несмотря на наличие самого чувства и частого его реального проявления, в языковой картине оно раскрывается достаточно сдержанно, лаконично. В английском языке есть многочисленные дериваты от основы patriot-: patriotism, patrioteer, patriotic, patriotically [Cambridge Dictionary, URL], что позволяет выразить не только само понятие и его качества, но и его негативные, чрезмерные или показные формы.

Концепт PATRIOTISM в английском языке демонстрирует устойчивую лексическую сочетаемость с терминами, относящимися к военной организации и морально-волевым качествам. Так, в военном и политическом дискурсах он закономерно связан с понятием армия и её синонимическим рядом, что подтверждается, например, конструкциями, где патриотизм рассматривается как основа национальной обороны (national defence).

Кроме того, в языковом сознании носителей английского языка PATRIOTISM прочно ассоциируется с силой духа (spirit). Эта связь фиксируется в синтаксических конструкциях, где patriotism и spirit выступают в качестве однородных членов предложения, образуя смысловое единство, что

отражает восприятие патриотизма как проявления внутренней стойкости и моральной силы [Hansard Corpus, URL].

Реализация концепта PATRIOTISM в Англии имеет долгую историю. Так в отношении данного явления Сэмюэл Джонсон высказался следующим образом: «It is the quality of patriotism to be jealous and watchful, to observe all secret machinations, and to see public dangers at a distance...» (Качество патриотизма – быть ревнивым и бдительным, наблюдать за всеми тайными махинациями и видеть на расстоянии общественные опасности. Истинный любитель своей страны готов сообщить о своих страхах и поднять тревогу всякий раз, когда он почувствует приближение зла) [Johnson, 1977: 392].

В обоих языках концепт, являясь единицей мысли, обладает такой характеристикой, как «многомерность». Основной составляющей данного концепта является «понятийный объем». В этом отношении необходимо отметить сходство концепта в русском и английском языках, основанное на толковании, прямом переводе и происхождении, что доказано оценкой концепта по данным лексикографических источников в разделе 1.2.

Схожесть семантики и происхождения слов «патриотизм/patriotism» в русском и английском языках является общей чертой в языковой картине мира двух народов. В обеих языковых культурах к концепту ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM можно отнести следующие определения: 1) любовь и преданность своей стране, готовность к защите ее интересов; 2) преданность в целом [Гаан, 2013: 48-49]. При этом в английском языке русским синонимам «Родина», «отчизна» соответствует слово «country» (страна). Помимо этого, в английском языке есть такие слова, как «motherland» (Родина) и «fatherland» (отечество), которые редко используются англичанами [Тер-Минасова, 2000: 181]. Например, Брюс Монк, автор учебника «Happy English», говорил о том, что отношение к стране у русских и англичан совершенно разное: русские склонны к ностальгии и используют образные выражения вроде «Родина-мать», тогда как англичане более сдержанны и не прибегают к подобной эмоциональной лексике.

Такое отношение англичан к своей стране, отсутствие чувства «ностальгии», сдержанность в отношении патриотизма, во многом обусловлены особенностями национальной личности, описанными в Таблице 1. Сдержанность, практичность, чопорность, являющиеся детерминантами личности, не предполагают проявления ярких, открытых чувств, так как эти черты исторически сформировались как основные, определяющие качества английского национального характера.

Концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM подразумевает активное участие в жизни самой страны и нации в целом, а также поддержка традиций и существующей национальной культуры. В этом отношении можно отметить слова Н.А. Добролюбова о том, что патриотизм, когда он является настоящим, не может уживаться с неприязнью к другим народам [цит. по Супрунова, 2014: 82-86]. С такой точкой зрения согласен и Ф. Райт. Он писал: «a preference for the interests of the many to those of the few, a desire for the emancipation of the human race from the thrall of despotism, religious and civil» (предпочтение интересов многих интересам немногих, стремление к освобождению рода человеческого от рабства деспотизма, религиозного и гражданского) [Wright, 1991: 789]. Достаточно точно мысль о человечности при проявлении патриотизма выражена В. Белинским: «Любовь к отечеству должна исходить из любви к человечеству, как частное из общего» [Белинский, 1979: 19]. Автор считает, что любовь к Родине должна проявляться в создании на ее базе идеала человечества. Поддержка своей нации в отношении создания идеального общества и обеспечение этого желания по мере всех своих сил и возможностей.

Проведенный анализ лингвокультурного концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в русской и английской лингвокультурах выявляет глубокие различия в его восприятии и языковой репрезентации, обусловленные особенностями национального менталитета и исторического развития. В русской языковой картине мира патриотизм предстает как многомерное эмоционально насыщенное явление, тесно связанное с

понятиями «Родина-мать» и народом, что отражает характерные черты русского национального характера – духовную широту, коллективизм, стремление к идеалу. Английская традиция, напротив, демонстрирует сдержанное, рациональное отношение к патриотизму, где акцент делается на практической преданности стране при минимизации эмоциональных проявлений. Эти различия ярко проявляются в языковых средствах выражения: от богатой синонимии и образных выражений в русском языке до лаконичного нейтрального «country» в английском.

Выявленные различия в русской и английской языковых картинах мира имеют принципиальное значение для понимания процесса концептуализации патриотизма в художественном тексте. Языковая картина мира выступает не просто как статичный фон, а как динамическая система координат, задающая направление для индивидуально-авторского осмысления действительности. Именно в ней заложены те культурные коды и ценностные доминанты (отношение к пространству, коллективу, деятельности, власти, эмоциональная открытость или сдержанность), которые определяют, какие именно аспекты патриотического чувства будут акцентированы автором и какие языковые средства будут задействованы для его репрезентации.

Таким образом, сопоставительный анализ языковых картин мира создает необходимую базу для дальнейшего исследования того, как универсальный концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM по-разному концептуализируется в романах Л.Н. Толстого и П. О’Брайана, приобретая уникальные черты, обусловленные как национальной традицией, так и индивидуальным авторским мировидением.

1.4. Типология патриотизма

Проведенный в предшествующих разделах анализ теоретических основ концептуализации, лексикографических данных и национальной специфики концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM позволяет перейти к его системному описанию – выявлению внутренней структуры, типологических

характеристик и места в индивидуально-авторских концептосферах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана.

Разделение концептов на художественные и познавательные, предложенное С.А. Аскольдовым, отражает принципиальную разницу в способах репрезентации смыслов в сознании человека и культурном пространстве. Это разграничение приобретает особую значимость при анализе концепта ПАТРИОТИЗМ, позволяя рассматривать его в двух взаимодополняющих аспектах.

Познавательный концепт ПАТРИОТИЗМ, характерный для научного текста, выполняет, прежде всего, классифицирующую и аналитическую функции. Он стремится к четким дефинициям и логической строгости формулировок, что находит отражение в юридических определениях, государственных документах и академических исследованиях [Потемкин, 2009: 245]. Такой подход позволяет систематизировать знания о патриотизме как социальном и политическом феномене.

В противовес этому художественный концепт ПАТРИОТИЗМ реализует эмоционально-образную функцию. Он не ограничен рамками строгих определений, допускает многозначность трактовок и выражается через богатую символику, метафоры и ассоциативные ряды. Ярким примером могут служить поэтические образы Родины или батальные полотна, передающие глубину патриотических чувств. Особую ценность представляет взаимодействие этих двух типов концептов. Если познавательный концепт дает рациональное понимание концепта ПАТРИОТИЗМ, то художественный формирует эмоциональное отношение и ценностные ориентации, создавая живое, многогранное восприятие этого сложного явления [Коновалова, 2012: 30]. В реальной культурной практике они органично переплетаются, совместно формируя целостный образ национально-гражданской идентичности.

Таким образом, предложенная типология позволяет проводить более тонкий и дифференцированный анализ концепта ПАТРИОТИЗМ, учитывая

как его рационально-понятийные, так и эмоционально-образные составляющие. Такой комплексный подход особенно важен для понимания роли концепта ПАТРИОТИЗМ в современном обществе, а также в художественной литературе.

В соответствии с идеей М.М. Бахтина, С.Г. Воркачева, В. фон Гумбольдта, Ю.С. Степанова о взаимосвязи личности и ее культурно-нравственных представлений, концепт ПАТРИОТИЗМ «обладает способностью сохранять универсальное ядро при одновременной вариативности содержания в восприятии разных социальных групп» [Степанов, 2004: 56]. Это явление можно наблюдать в том, как представители различных слоев общества наполняют концепт ПАТРИОТИЗМ специфическими смыслами. Так, например, для военнослужащих патриотизм естественным образом связывается с идеей защиты Отечества и воинским долгом, тогда как представители научного сообщества чаще акцентируют аспекты развития отечественной науки. В сельской среде традиционно сильна связь патриотических чувств с любовью к родной земле, в то время как современная молодежь может ассоциировать патриотизм с достижениями в спорте или популярными, известными медиапродуктами на исторические темы.

Несмотря на эту многогранность восприятия, существует устойчивое концептуальное ядро, позволяющее представителям разных социальных групп находить общий язык. Такие базовые понятия, как «любовь к Родине» или символические репрезентации в виде государственной атрибутики, вызывают сходные эмоциональные отклики, хотя их индивидуальное наполнение может существенно различаться. Эта диалектика общего и частного проявляется также в повседневных коммуникативных практиках.

Особенно наглядно динамика концепта проявляется в изменяющихся исторических условиях. В кризисные периоды на первый план закономерно выходят идеи защиты и сплочения, тогда как в эпохи стабильного развития акцент смещается в сторону культурного наследия и творческих достижений.

Такая гибкость концептуального содержания при сохранении базовых ценностных ориентиров объясняет, почему патриотизм остается одновременно объединяющей идеей и предметом дискуссий.

При рассмотрении семантического аспекта реализации концепта ПАТРИОТИЗМ необходимо различать концепт ПАТРИОТИЗМ как некоторый абстрактный объект и называющее его слово (являющееся вполне конкретным объектом), имя, термин. Таким образом, под объемом концепта ПАТРИОТИЗМ понимаем совокупность соединяемых в этот концепт элементов, а содержанием концепта ПАТРИОТИЗМ – перечень признаков (свойств), на основании которых производилось это соединение.

Содержательная составляющая концепта ПАТРИОТИЗМ представляет собой систему устойчивых признаков, формирующих его концептуальное ядро. Прежде всего, это когнитивный аспект, включающий рациональное осознание своей принадлежности к родине, понимание ее исторического пути и культурного наследия. Не менее важную роль играет эмоциональная составляющая – глубокое чувство любви и привязанности к родной земле, ее традициям и ценностям. Эти элементы тесно переплетаются с ценностно-нормативной системой, формирующей патриотические идеалы и мировоззренческие установки, которые находят свое практическое выражение в поведенческих аспектах – готовности к конкретным действиям во благо своей страны. Именно эта аксиологическая (ценностная) доминанта позволяет рассматривать патриотизм не просто как когнитивную схему или эмоцию, а как полноценный аксиологический концепт, где отношение к Родине осознается как высшая или одна из высших ценностей, организующих поведение и сознание индивида.

Объемная характеристика концепта ПАТРИОТИЗМ раскрывает все многообразие его конкретных проявлений в различных сферах человеческого бытия. В социальном измерении патриотизм существует в многообразных формах, среди которых можно выделить гражданский патриотизм, основанный на правовой идентичности, культурно-исторический,

базирующийся на духовных традициях, государственно-политический, связанный с защитой национальных интересов, и этнический, укорененный в кровном родстве. Эти формы реализуются на разных уровнях социальной организации – от глубоко личностных переживаний индивида до коллективных проявлений в рамках групп и сообществ, вплоть до национально-государственного уровня.

Историческая динамика концепта демонстрирует его примечательную способность к трансформации, сохраняя при этом свою сущностную основу. Традиционные формы патриотического сознания, сложившиеся на протяжении веков, продолжают существовать в современном мире, адаптируясь к новым социальным реалиям [Магарил, 2016: 146].

Культурно-национальная специфика придает патриотизму особые оттенки в различных регионах мира – от духовно-соборного характера российской традиции до гражданско-правового акцента западноевропейских моделей и коллективистской направленности восточных концепций [Беспалова, 2018: 20]. Эти различия коренятся в структуре соответствующих аксиологических концептов: в иерархии ценностей, которая определяет, какие аспекты связи с Родиной (религиозные, правовые, этнические) выходят на первый план.

Важно отметить, что объем концепта ПАТРИОТИЗМ не является статичным. Он постоянно расширяется и трансформируется под влиянием социально-исторических изменений, сохраняя при этом свое концептуальное ядро. Это делает патриотизм одновременно устойчивым и динамичным феноменом, требующим комплексного междисциплинарного изучения.

Таким образом, объемом концепта считается совокупность форм, входящих в его состав, а содержанием – набор признаков, на основании которых данные формы объединяются в общую группу. Если рассматривать данные составляющие на примере концепта ПАТРИОТИЗМ, то в качестве его содержания можно отметить привязанность человека к родине, а объемом

является то множество чувств, в форме которых данная привязанность проявляется.

Обобщая данные лексикографического анализа (раздел 1.2) и анализа национальных языковых картин мира (раздел 1.3), представим структуру концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в виде полевой модели, которая позволяет рассмотреть концепт не как гомогенное образование, а как структуру, состоящую из ядра и периферийных зон [Попова, Стернин, 2007: 67–72].

Ядро концепта в обеих лингвокультурах составляют универсальные смыслы, зафиксированные в словарных дефинициях:

- любовь к родине / love of one's country;
- преданность отечеству / devotion to one's country;
- готовность к защите / readiness to defend;
- служение интересам страны / service to national interests.

Эти смыслы являются инвариантными и образуют ту основу, без которой концепт утрачивает свою идентичность. Они присутствуют во всех типах текстов и узнаваемы для всех носителей языка независимо от их социальной принадлежности.

Ближнюю периферию образуют национально-специфические признаки, которые по-разному акцентируются в русской и английской лингвокультурах и выявляются в устойчивых сочетаниях, ассоциативных связях.

В русской традиции к ближней периферии относятся смыслы, связанные с жертвенностью, соборностью, коллективным единением, духовной связью с землей, онтологическим, глубинным характером чувства.

В английской традиции к ближней периферии относятся смыслы, связанные с профессиональным долгом, корпоративной честью, лояльностью институтам, сдержанным, имплицитным выражением чувства.

Эти признаки регулярно воспроизводятся в языке и отражают культурные доминанты, формируя национально-специфическое наполнение концепта.

Дальнюю периферию составляют индивидуально-авторские, контекстуальные, образные смыслы, которые актуализируются в художественных текстах. Именно эта зона является открытой и динамичной: каждый автор, в зависимости от своего идиостиля и мировидения, может актуализировать одни периферийные признаки и «затушевывать» другие, создавая уникальную художественную версию концепта. К дальней периферии относятся:

- индивидуально-авторские метафоры и сравнения;
- контекстуальные репрезентанты, приобретающие патриотическое звучание только в рамках данного произведения;
- эмоционально-оценочные эпитеты, отражающие авторское отношение;
- образные средства, создающие неповторимый художественный образ патриотизма.

Представленная классификация видов патриотизма и полевая модель позволяют не только систематизировать его проявления, но и определить место данного концепта в индивидуально-авторских концептосферах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана.

В концептосфере Л.Н. Толстого патриотизм занимает центральное, структурообразующее положение, выступая в роли системообразующего концепта. Он онтологически связан с такими фундаментальными категориями, как Родина/земля, народ, война, герой/подвиг, истина/правда, соборность, жертвенность.

Патриотизм у Л.Н. Толстого не является изолированным чувством или идеологией, это способ бытия человека в истории, проявляющийся в органическом единстве с национальной стихией.

В концептосфере П. О'Брайана PATRIOTISM занимает иное, периферийно-интегрирующее положение. Он не является вершинным концептом, а выступает как ценностный фон, смысловая рамка для других

концептов: долг/duty, честь/honour, профессионализм/professionalism, корабль/ship, море/sea, корона/crown, товарищество/fellowship

Патриотизм здесь имеет не онтологическую, а этико-профессиональную природу: он реализуется через безупречное исполнение служебных обязанностей, мастерство, корпоративную солидарность и верность институтам (Короне, Адмиралтейству, кораблю как «малой родине»).

На основании изученной информации: представленных в русских и английских источниках определений слов «патриот» и «патриотизм», истории становления понятий, форм и видов проявления патриотических чувств, можно составить классификацию видов патриотизма. Безусловно, существует множество видов патриотизма, особенно их много в произведении «Война и мир» Л.Н. Толстого. В художественной системе автора концепт ПАТРИОТИЗМ репрезентирован через сложное противопоставление подлинного и ложного его проявлений. Л.Н. Толстой выстраивает многоуровневую модель, где выделяются стихийно-действенный патриотизм (дерзкие инициативы Денисова, «героическая стойкость» капитана Тушина), рефлексивный (душевные поиски Пьера Безухова, стратегический критицизм князя Болконского), демонстративно-карьерный (интриги Бенигсена на совете в Филях, конформизм Бориса Друбецкого). Ядром авторской концепции выступает истинный патриотизм, определяемый как соборное чувство, реализующееся в практическом действии.

Приведенная ниже классификация описывает общие и частные особенности патриотизма в исследуемых произведениях.

1. По степени вовлеченности:

- Коллективный патриотизм – проявление чувства к Родине на уровне всего народа, то есть все население страны стремится защитить интересы и безопасность своей страны. Коллективный патриотизм, чаще всего, проявляется в сложные для страны и нации времена. Именно в такие периоды происходит формирование патриотической памяти, которая является основой

создания ощущения гордости за страну, любви к своей Родине [Чикаева, 2017: 187].

- Индивидуальный патриотизм – чувство патриотизма, испытываемое каждым человеком в отдельности, и проявляющееся в его поступках, поведении, отношении к реальности. Патриотизм на уровне отдельного человека рассматривается из компонентов его личностной подструктуры и относится к области высших чувств и устойчивых личностных особенностей (ценностей, убеждений, норм поведения, критериев оценки социальных явлений) [Долгина, 2015]. Следовательно, индивидуальный патриотизм – это не просто стремление защищать и любовь к своей стране, а действия, реальные поступки, которые демонстрируют отношение человека к Родине.

2. По интенции и восприятию:

- Истинный патриотизм – это «одна из базовых составляющих национального самосознания народа, выражающаяся в чувствах любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, в чувстве нравственного долга его защиты» [Чебунин, 2009: 166]. Л.А. Петрова отмечает: «Истинный патриотизм по своей сущности гуманистичен и включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений» [Петрова, 2012].

- Ложный (показной) патриотизм обусловлен подменой представлений о преданности Родине в неадекватном контексте, связанном с модой, политическими интересами, а также ценностным, духовным и идеологическим вакуумом [Лутовинов, 2013].

3. По сфере реализации:

- Военный патриотизм – это в первую очередь принесение присяги, клятвы верности своей стране, правителю, обещание защитить территорию несмотря ни на что. Первые упоминания о военном патриотизме встречаются в исторических документах IX века [Рязанцев, 2010: 67].

- Бытовой патриотизм проявляется в уважении человеком культуры, традиций, истории, родного языка, традиционных ремесел. Он не всегда осознается как отдельное качество, но заставляет людей жить в родной стране, в родном регионе, в одном доме; это проявление патриотизма в повседневной жизни, в простых вещах.

4. По способу языковой репрезентации:

- Эксплицитно выраженный патриотизм – это прямое, явное, открытое выражение патриотических чувств, например, поздравление с государственным праздником [Видинеева, 2023: 188].

- ИмPLICITный патриотизм – это выражение патриотических чувств через косвенные средства, скрыто, неактивно. Так, в политических блогах официальные политики могут имPLICITно выражать патриотизм и заботу о народе, чтобы улучшить свой имидж [Видинеева, 2023: 186].

Таким образом, патриотизм имеет различные проявления и различную специфику, в зависимости от традиций, истории и даже особенностей конкретного человека. Патриотизму и его роли в развитии государства, нации и человечества в целом уделяется большое внимание в различных литературных произведениях. Авторы отражают свое отношение к проявлению данного качества и чувства, стараясь донести собственные мысли и идеи до читателей.

Выстроенная в данном разделе структурно-типологическая модель концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM позволяет четко дифференцировать уровни его репрезентации: от инвариантного ядра, зафиксированного в словарях, через ближнюю периферию, отражающую национально-культурную специфику, к дальней периферии, где актуализируются индивидуально-авторские, контекстуальные смыслы. Анализ именно дальней периферии – тех уникальных образных, метафорических и фразеологических репрезентантов, которые создают неповторимый художественный образ патриотизма в каждом из исследуемых романов, – составит содержание следующей главы.

Выводы по главе 1

Теоретико-методологическая база исследования сформирована на основе интегративного подхода, синтезирующего ключевые положения современных лингвистических направлений. Фундаментом исследования выступает лингвокультурологическая парадигма, разработанная в трудах В.В. Воробьева и В.А. Масловой, которая позволяет рассматривать ПАТРИОТИЗМ как сложный лингвокультурный концепт, отражающий систему ценностных ориентаций национального сознания. Концептологическая теория Ю.С. Степанова и С.Г. Воркачева обеспечила методологические инструменты для выявления структуры и содержания изучаемого концепта, определения его ядерных и периферийных компонентов.

Выявлено, что концепт представляет собой форму мышления, которая отражает свойства, связи и отношения предметов, явлений в их противоречии и развитии. Это культурно отмеченный вербализованный смысл, который представлен в плане выражения рядом своих реализаций в художественном тексте.

Механизмы концептуализации патриотизма проанализированы в русской и английской языковых картинах мира. Компонентный анализ словарных дефиниций позволил выявить семантические составляющие концепта, историко-этимологический метод – проследить эволюцию понятия в диахроническом аспекте, а сопоставительное исследование лингвокультур способствовало выявлению национально-специфических особенностей репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в русской и английской языковых картинах мира.

Такой комплексный методологический подход обеспечил многоаспектность исследования, позволив рассмотреть лингвокультурный концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM как сложное междисциплинарное явление, находящееся на пересечении языкового, культурного и когнитивного

пространств. Применение интегративной методологии особенно продуктивно для сравнительного исследования, так как дает возможность выявить как универсальные, так и национально-специфические характеристики изучаемого феномена в разных лингвокультурах.

Проведенное исследование концепта в лингвокультурологическом аспекте позволило сформулировать следующие выводы:

1. *Концептуализация* как динамический процесс ментальной обработки и языковой репрезентации информации является ключевым понятием для изучения того, как в художественном тексте формируются и функционируют сложные ментальные образования. Вслед за Е.С. Кубряковой, концептуализация понимается нами как осмысление поступающей информации, ведущее к образованию концептов – единиц знания о мире. Результатом концептуализации в литературном произведении становится художественный концепт – вербализованная ментальная единица, отражающая как общезначимые культурные ценности, так и субъективный авторский опыт восприятия мира

2. Концепты не существуют изолированно, а образуют целостную систему – *концептосферу*. Вслед за Д.С. Лихачевым, концептосфера понимается как совокупность концептов нации, формирующаяся через исторический опыт культуры и языка. Применительно к художественному тексту можно говорить об индивидуально-авторской концептосфере – системе концептов, отражающей картину мира конкретного писателя и особенности его идиостиля. Место концепта в этой системе определяется его иерархическими, ассоциативными и оппозитивными связями с другими концептами.

3. Для описания организации концепта продуктивной является *полевая модель*, различающая ядро, ближнюю и дальнюю периферию. Ядро концепта составляют наиболее актуальные, инвариантные смыслы, зафиксированные в словарных дефинициях. Ближняя периферия включает устойчивые национально-специфические признаки, выявляемые в ассоциациях и

устойчивых сочетаниях. Дальняя периферия представлена индивидуально-авторскими, контекстуальными, образными смыслами, актуализируемыми в художественных текстах. Применительно к концепту ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM ядро образуют универсальные смыслы (любовь к родине, преданность, готовность к защите), ближняя периферия – национально-специфические признаки (жертвенность и соборность в русской культуре; профессиональный долг и корпоративная честь в английской), дальняя периферия – индивидуально-авторские репрезентации, подлежащие анализу во второй главе.

4. *Лингвокультурный концепт* представляет собой сложное ментальное образование, объединяющее языковые, культурные и когнитивные компоненты национального сознания. В отличие от общелингвистического понимания концепта, лингвокультурный концепт (по В.В. Воробьеву) характеризуется культурной маркированностью (отражает специфику национального мировидения), ценностной составляющей (включает аксиологическую оценку), вербальной экспликацией (закреплен в языковых единицах), исторической динамичностью (эволюционирует вместе с культурой). В исследовании данный термин применяется для анализа концепта ПАТРИОТИЗМ как феномена, имеющего различную смысловую нагрузку в русской и английской языковых картинах мира.

5. Концепты ПАТРИОТ / PATRIOT и ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM рассматриваются как парные взаимосвязанные концепты, образующие единое смысловое поле, где ПАТРИОТ – антропоцентрический компонент, то есть носитель качества, а ПАТРИОТИЗМ выступает как абстрактное понятие, то есть само качество. Структура данных концептов включает: ядерную зону (базовые дефиниционные признаки), интерпретационное поле (культурно-специфические ассоциации), периферию (индивидуально-авторские смыслы).

6. На основании изученной информации составлена *классификация видов патриотизма*: 1) по степени вовлеченности (коллективный и индивидуальный патриотизм); 2) по интенции и восприятию (истинный и ложный /показной

патриотизм); 3) по сфере реализации (военный и бытовой патриотизм); 4) по способу языковой репрезентации (эксплицитно выраженный и имплицитный патриотизм).

Анализ исторических и литературных примеров позволяет утверждать, что коллективный патриотизм в русской традиции формируется как ответ на угрозы национальному существованию, выступая мощным объединяющим фактором, преодолевающим социальные, возрастные и сословные различия. Особенностью русского коллективного патриотизма является его русский характер, превращающий защиту Родины в духовно-нравственный фактор. Индивидуальный патриотизм, напротив, проявляется в повседневных делах и личностных выборах, находя свое наиболее яркое выражение в литературных образах, где истинный патриотизм всегда противопоставляется его ложным формам.

Выделение военного и бытового патриотизма подчеркивает многогранность этого концепта, который проявляется как в экстремальных условиях защиты Отечества, так и в повседневной приверженности культурным традициям и ценностям. Сравнительный анализ показывает, что при всем многообразии форм проявления патриотизм сохраняет свою сущностную основу как сложный социокультурный феномен, интегрирующий эмоционально-чувственные, ценностные и поведенческие компоненты. Особую значимость имеет выявленная взаимосвязь между различными видами патриотизма, где коллективные формы создают основу для индивидуальных проявлений, а военный патриотизм вырастает из повседневной привязанности к родной культуре и земле.

Разработанная классификация не только систематизирует существующие формы проявления патриотических чувств, но и создает методологическую основу для дальнейших сравнительных исследований этого феномена в разных лингвокультурах.

7. *Художественный концепт* рассматривается в работе как особая разновидность лингвокультурного концепта, обладающая образной

спецификой (метафорические репрезентации), индивидуально-авторской интерпретацией и связью с поэтикой конкретного текста. Художественный концепт выступает ключевым элементом литературного произведения, соединяющим авторский замысел с культурными кодами и читательским восприятием. В основе художественного концепта лежит его многомерность – одновременное существование понятийного, образного и ценностного слоев, что создает богатую палитру интерпретаций.

Как инструмент художественного творчества концепт выполняет три основные функции: выражение авторской позиции, создание целостной картины мира и эмоциональное воздействие на читателя. Именно через художественные концепты, особенно в теме патриотизма, происходит наиболее глубокое усвоение культурных ценностей и национальной идентичности. Анализ показывает, что концепт служит своеобразным мостом между индивидуальным творчеством и коллективным сознанием, позволяя сохранять культурную преемственность. Это делает его изучение особенно актуальным для понимания механизмов формирования национальной языковой картины мира через литературные тексты.

8. *Языковая картина мира* определяется как исторически сложившаяся в языке система представлений о мире, обладающая национальной спецификой, категориальным аппаратом и ценностными доминантами. В исследовании особое внимание уделяется способам реализации концепта ПАТРИОТИЗМ, особенностям концептуализации данного явления в разных языках.

Сравнительный анализ выявил существенные различия в русской и английской лингвокультурах. В русской лингвокультуре акцент делается на духовно-нравственных аспектах, жертвенном служении и связи с народом, просматривается связь с концептами «верность», «духовные ценности», а также четко прослеживается этимологическая связь с понятиями «отечество», «родная земля».

В английской традиции преобладает прагматический подход, акцентирующий активную гражданскую позицию и защиту национальных интересов, делается акцент на индивидуальной активности и защите интересов, прослеживается связь с концептами «лояльность», «свобода», «демократические ценности», а также присутствует этимологическая связь с понятиями «country», «homeland».

9. В концептосфере Л.Н. Толстого *патриотизм* занимает центральное, структурообразующее положение, выступая в роли системообразующего концепта, определяющего иерархию ценностей в художественном мире писателя. Он онтологически связан с концептами РОДИНА, НАРОД, ИСТИНА, СОБОРНОСТЬ, что предопределяет доминирование коллективного, истинного патриотизма, реализуемого через жертвенность и духовные искания. В концептосфере П. О'Брайана PATRIOTISM занимает периферийно-интегрирующее положение, выступая как ценностный фон, смысловая рамка для концептов ДОЛГ, ЧЕСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, что объясняет доминирование военного и имплицитного патриотизма, его тесную связь с профессиональным кодексом.

Полученные результаты создают комплексную базу для дальнейшего исследования процессов концептуализации патриотизма в художественных текстах. Выявленные основы концептуализации, лексикографическое ядро концепта, национально-культурная специфика его содержания и разработанная типология позволяют перейти к анализу того, как именно Л.Н. Толстой и П. О'Брайан, опираясь на общие культурные ценности и языковые средства, по-разному концептуализируют патриотизм в романах «Война и мир» и «Командир и штурман», что составит содержание второй главы настоящего исследования.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В РОМАНАХ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И П. О'БРАЙАНА «КОМАНДИР И ШТУРМАН»

Прежде чем перейти к анализу языковых средств концептуализации патриотизма, представим общую статистику исследованного корпуса. Методом сплошной выборки из текстов романов было извлечено 2322 единицы, которые были разделены на две группы: контекстуальные репрезентанты (единицы, репрезентирующие концепт через ситуативный, образный или ассоциативный контекст) и средства художественной выразительности (тропы и фигуры речи). Распределение материала по романам и категориям представлено в таблице (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Общая характеристика исследованного корпуса примеров

Показатель	Роман «Война и мир»		Роман «Командир и штурман»		ВСЕГО
	Количество средств	Процентное соотношение	Количество средств	Процентное соотношение	
Общий объем выборки (единиц)	1929	100%	393	100%	2322
<i>в том числе:</i>					
Контекстуальные репрезентанты	120	6,2%	34	8,7%	154
Средства выразительности (всего)	1809	93,8%	359	91,3%	2168
<i>Из них:</i>					
Метафора	750	41,4%	141	39,3%	891
Эпитет	405	22,4%	112	31,2%	517
Фразеологизм	300	16,6%	20	5,6%	320
Сравнение	95	5,3%	35	9,7%	130
Метонимия	84	4,6%	–	–	84

Показатель	Роман «Война и мир»		Роман «Командир и штурман»		ВСЕГО
	Количество средств	Процентное соотношение	Количество средств	Процентное соотношение	
Олицетворение	63	3,5%	16	4,5%	79
Повтор	48	2,7%	4	1,1%	52
Анафора	39	2,2%	5	1,4%	44
Антитеза	34	1,9%	14	3,9%	48
Гипербола	13	0,7%	3	0,8%	16
Градация	9	0,5%	6	1,7%	15
Аллегория	–	–	3	0,8%	3

Как видно из Таблицы 2, основными средствами выразительности в обоих романах являются метафора, эпитет и фразеологизм, что подтверждает положения, вынесенные на защиту. При этом в романе Л.Н. Толстого значительно выше доля фразеологизмов, тогда как в романе П. О’Брайана преобладают метафоры и эпитеты при минимальном использовании фразеологии. Детальный анализ каждого из указанных средств, а также их классификация по тематическим, семантическим и структурным параметрам представлены в соответствующих разделах настоящей главы и в Приложении (диаграммы 1–15).

2.1. Метафора как средство концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман»

Метафора является одним из основных способов реализации концептов в языковой картине мира. Она отражает фундаментальные культурные ценности, так как основана на культурно-национальном мировидении [Маслова, 2001: 88]. По замечанию Н.Д. Арутюновой, метафора не вычленяет

абстрактных признаков и качеств, а выявляет смысловой образ самой сущности предмета [Арутюнова, 1990: 25].

Как отмечает А.С. Самигуллина, метафора представляет собой «воплощение переосмысленного образа реальности», который проступает через языковые наслоения и определяет работу с глубинными смыслами в системе подтекстов и импликатур. В этом, по мысли исследователя, проявляется семиотическая природа метафоры как мыслительно-языкового конструкта, позволяющего приблизиться к пониманию механизмов познавательной деятельности [Самигуллина, 2023: 18-19]. Данное понимание метафоры перекликается с идеей М.М. Бахтина о тексте как «мыслях о мыслях, переживаниях переживаний, словах о словах» [Бахтин, 1976: 122] и подтверждает, что анализ метафорических образов дает ключ к концептуализации действительности в художественном тексте.

В современной лингвистике существует несколько подходов к типологии метафор. Так, С.А. Песина предлагает классификацию, основанную на степени сложности декодирования и вовлеченности различных типов интеллекта (кристаллизованного и гибкого), выделяя четыре категории метафор: от стертых, необразных, до сложных вложенных метафор, требующих множественных уровней интерпретации [Песина, 2025]. Данный подход значим для понимания того, как метафоры разной степени сложности участвуют в концептуализации патриотизма в исследуемых романах.

В нашем исследовании мы взяли за основу классификацию метафор В.П. Москвина [Москвин, 1997: 56]. Ученый отмечает, что общей теории метафоры до сих пор нет. В специальной литературе отсутствует исчерпывающая, а главное, убедительная и непротиворечивая информация о разновидностях метафорических наименований. Обобщающая классификация необходима, однако к настоящему моменту не определены четкие параметры, по которым можно было бы упорядочить разнообразие уже выделенных конкретных разновидностей метафор. В.П. Москвин предлагает

классификацию по пяти параметрам: тематическому, семантическому, функциональному, структурному и контекстуальному.

Таблица 3 – Классификация метафор В.П. Москвина

Параметры метафоры	Типы метафор
Тематический	антропоморфная; зооморфная; флористическая; машинная; пространственная и др.
Семантический	цвет; количество; звук; жизнь и другие
Функциональный	номинативная; образная; «пояснительная» (педагогическая, дидактическая); оценочная
Структурный	простая; развернутая.
Контекстуальный	назван объект и субъект; назван только объект сравнения.

На наш взгляд, данная классификация, составленная по пяти параметрам, наиболее точно определяет метафоры, которые репрезентируют концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман».

Следует отметить, что одни и те же метафорические примеры могут быть проанализированы в рамках разных параметров классификации В.П. Москвина. Это не является дублированием материала, а отражает многоаспектность метафоры как языкового явления: каждый параметр (тематический, семантический, функциональный, структурный, контекстуальный) высвечивает ту или иную грань метафорического образа. Так, например, метафора «море войск» у Л.Н. Толстого может быть охарактеризована одновременно как природная (по тематическому параметру), количественная (по семантическому параметру), образная (по функциональному параметру) и замкнутая (по контекстуальному параметру).

Таким образом, обращение к одним и тем же примерам при обсуждении разных классификационных рубрик позволяет представить целостную, многомерную картину функционирования метафоры в тексте и избежать фрагментарности анализа.

Тематические параметры метафор

Как известно, метафора основана на сравнении одного предмета с другим. В зависимости от характера сравнения, лежащего в их основе, В.П. Москвин выделяет различные тематические типы метафор: антропоморфные, зооморфные флористические, машинные и пространственные. Также мы отметили использование в романе метафоры «театральной», «природной», «научной», «музыкальной» и «анатомической».

При интерпретации приведенных ниже процентных соотношений следует учитывать разницу в объеме исходных текстов: объем романа Л.Н. Толстого в три раза превышает объем романа П. О'Брайана. В связи с этим, данные проценты отражают внутреннюю структуру средств выразительности в рамках каждого отдельного произведения, а не прямое количественное сравнение двух романов. Абсолютные числа отобранных единиц по каждой категории представлены в таблицах ниже и в Приложении.

В основе антропоморфной метафоры лежит ассоциация сходства, сравнение с человеком. В романе «Война и мир» составляют 15,3% (23 единицы), в романе «Командир и штурман» – 10,7% (3 единицы) от выявленных языковых средств внутри тематического параметра каждого художественного текста.

У Л.Н. Толстого антропоморфные метафоры создают единое одушевленное пространство бытия, где стираются границы между человеком и природой.

«...батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать *дерзости стрельбы* четырех никем не защищенных пушек» [Толстой, 1983, т. 1: 238].

Патриотизм проявляется как стихийная, одушевленная воля самого места и оружия к сопротивлению. Батарея, лишенная прикрытия, ведет огонь по врагу не по приказу, а благодаря своей «дерзости» – качеству, присущему живому существу. Защита Отечества становится не результатом тактического расчета, а органическим порывом, где сама земля и пушки обретают патриотическое сознание и отказываются сдаваться. Это патриотизм как неконтролируемая историческая энергия, воплощенная в материи войны.

«...общий характер мундира придавал что-то странное и фантастическое этим старым и молодым, самым разнообразным и знакомым лицам» [Толстой, 1983, т. 3: 96].

В этом примере патриотизм представлен как коллективная трансформация через символ служения. Мундир, нивелируя индивидуальные черты («старые и молодые, самые разнообразные и знакомые лица»), создает новую общность. Патриотизм здесь – это таинственное преобразование, в котором личное растворяется в общем деле, а принадлежность к армии (а через нее – к нации) наделяет человека «странным и фантастическим» единством. Это патриотизм-обряд, где внешний атрибут меняет внутреннюю суть, объединяя людей.

«Скажите ради бога, что *наша Россия – мать наша – скажет*, что так страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдаем сволочам...» [Толстой: 1983, т. 3: 131].

Здесь патриотизм раскрывается через семейную метафору, наполненную глубоким нравственным императивом. Россия – «*мать*», Отечество – «*доброе и усердное*». Такое уподобление превращает патриотизм из долга перед государством в сыновью любовь, защиту и стыд за возможное предательство. Чувство стыда («*что так страшимся*») и моральная обязанность защитить «родителя» от «сволочей» делают патриотизм личностным, глубоким переживанием вины и ответственности.

«Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались... – совсем

не так *ползут облака* по этому высокому, бесконечному небу» [Толстой, 1983, т.1: 349].

Патриотизм в этом примере предстает как созерцательное приятие своей судьбы и места в вечном порядке родной земли. Контраст между суетой, криком и дракой битвы и безмятежным, величественным движением облаков над «этим высоким, бесконечным небом» России выводит мысль героя на метафизический уровень. Любовь к Отечеству здесь – это осознание себя частью этой вечной, торжественной гармонии. Истинный патриотизм, по Л.Н. Толстому, рождается не в хаосе боя, а в тишине примирения с высшей волей и неразрывной связи с бесконечным русским пространством.

У П. О’Брайана антропоморфизмы носят функционально-технический характер:

«Now, with her royals handed, the *Dédaigneuse* was a black silhouette, sharp against the violet sky; and her *bow-chaser spat orange-red* every three minutes or so, *the stab* showing well before the sound reached them» (орудие каждые три минуты выплевывало оранжево-красное пламя) [P. O’Brian, 1972: 126].

Здесь патриотизм редуцирован до функциональной и технической эффективности боевой единицы. Орудие, «выплевывающее» пламя, описывается не как грозная сила или символ мощи, а как точный механизм, работающий в заданном ритме («каждые три минуты»). Патриотическое служение проявляется в безупречной работе этого механизма: верность долгу приравнивается к исправности и предсказуемости орудия.

«It was just as well, for their new lieutenant was no great seaman, and they got him out of many a sad blunder as the sloop made her way westwards as fast as ever she could, through two shocking gales, through high battering seas and maddening calms, with *the Sophie wallowing in the great swell* (Софи) проваливалась в лощины гигантской зыби)...» [P. O’Brian, 1972: 153].

В этом примере патриотизм раскрывается как коллективное профессиональное преодоление, где команда и корабль слиты в единый организм, борющийся со стихией. Ключевым является антропоморфный

глагол «*wallowing*» («проваливаться», «барахтаться»), который описывает поведение судна через призму человеческого усилия и неловкости. Патриотизм здесь – это ежедневная, суровая работа по сохранению боеспособности в экстремальных условиях, выполняемая, несмотря на некомпетентность отдельных начальников. Верность Отечеству проявляется в упорном, практическом умении «вытянуть» корабль и выполнить приказ любой ценой, вопреки ошибкам и стихии.

Анализируя представленные метафоры, мы делаем вывод, что в русской национальной традиции патриотизм становится формой служения через растворение индивидуального в общем («*общее горе*»), через жертвенное подчинение исторической судьбе («*мать Россия*»). В английской национальной культуре патриотизм проявляется как профессиональная компетентность через точное выполнение долга, техническое мастерство, корпоративную солидарность.

Таким образом, антропоморфные метафоры выступают не просто как стилистический прием, а как культурно-когнитивные маркеры, раскрывающие глубинные различия в национальном восприятии мира и патриотизма.

Зооморфная метафора основана на сравнении с животными. В романе «Война и мир» составляют 8% (12 единиц), в романе «Командир и штурман» – 10,7% (3 единицы) от выявленных языковых средств внутри тематического параметра каждого художественного текста.

У Л.Н. Толстого зооморфные метафоры раскрывают глубинные архетипы поведения: «Но добр и кроток он был только с своими полковыми, с Тимохиным, но как только он сталкивался с кем-нибудь из своих прежних, из штабных, он тотчас опять *ощетинивался*; делался злобен, насмешлив и презрителен» [Толстой, 1983, т. 3: 126].

Здесь патриотизм раскрывается как глубинный, инстинктивный код лояльности к «*своим*». Ощетинивание героя – это зооморфная реакция на чужака, активизирующая древний механизм защиты своей территории и стаи. В контексте войны эта территория – полк, который становится метафорой

Родины в миниатюре. Патриотизм проявляется не как осознанная идеология, а как бессознательная, почти биологическая преданность своему воинскому братству («*своим полковым*»), противопоставленному абстрактному и чуждому штабному начальству.

У П. О'Брайана зооморфизм передает характерологически-бытовой образ: «He was singularly gay, and from time to time, as he hurried about the deck, *he hummed or chanted a sort of song*» (мурлыкал себе под нос какую-то песенку) [P. O'Brian, 1972: 140].

В этом примере патриотизм предстает как внутренняя гармония и профессиональная удовлетворенность в рамках своего мира. «Мурлыканье» капитана, подобное кошачьему, это звуковой образ абсолютного комфорта, самодостаточности и сосредоточенности на своем деле. Патриотизм здесь растворен в ежедневной службе; это чувство долга, настолько органичное и естественное, что выражается в легком, почти бессловесном напеве.

Зооморфные метафоры раскрывают важные различия в понимании патриотизма. У Л.Н. Толстого он предстает как архетипический инстинкт защиты «своей стаи», пронизанный трагической жертвенностью и воспринимаемый как коллективная историческая судьба. П. О'Брайан же представляет патриотизм как профессиональное служение, где сдержанная удовлетворенность от выполнения долга заменяет некоторую напряженность. Если русская модель основана на принятии фатальной жертвенности, то английская воплощается в ежедневной практике самодисциплины и компетентности, где патриотизм становится не судьбой, а осознанным профессиональным выбором.

Сравнение с каким-либо механизмом лежит в основе машинной метафоры. В романе «Война и мир» составляет 5,3% (8 единиц), в романе «Командир и штурман» – около 3,6% (1 единица) от выявленных языковых средств внутри тематического параметра каждого художественного текста.

«Он сознавал себя здесь в соприкосновении с теми *пружинами, которые руководили всеми теми громадными движениями масс*, которых он в своем

полку чувствовал себя маленькую, покорную и ничтожную частью» [Толстой, 1983, т. 1: 313].

Здесь патриотизм проявляется как стихийное растворение личности в механизме истории. Герой ощущает себя не добровольным защитником, а винтиком («частью») в огромной системе («пружины»), управляющей массами. Патриотизм – это не сознательный выбор, а подчинение объективному ходу событий, где личная воля и значимость исчезают перед лицом коллективной судьбы нации.

«При таком настроении фельдмаршал...представлялся только помехой и тормозом предстоящей войны» [Толстой, 1983, т. 4: 209].

В этом случае патриотизм трактуется через эффективность исторического процесса. Даже высший чин оценивается не по заслугам или доблести, а по функциональности: он либо способствует работе «машины войны», либо становится ее «тормозом». Так, истинным патриотом оказывается тот, кто не мешает естественному, не зависящему от людей движению истории.

«...все были непроизвольными орудиями истории и производили скрытую от них, но понятную для нас работу» [Толстой, 1983, т. 3: 104].

Патриотизм здесь – пассивное орудие в руках высших сил. Люди, даже совершая подвиги, являются лишь инструментами («орудиями»), выполняющими «работу», смысл которой от них скрыт. Это фаталистический взгляд: служение Отечеству предопределено, а роль человека – безотчетно участвовать в этом процессе, не понимая своего истинного назначения.

«...and now from the *shelter of this silence*, he watched James Dillon with particular attention» (спрятавшись за щит молчания) [P. O'Brian, 1972: 45].

Здесь машинная метафора служит инструментом индивидуального контроля и тактики. Молчание – не пассивность, а активный «щит», элемент профессионального поведения, позволяющий анализировать ситуацию. Патриотизм проявляется через дисциплину, расчет и эффективное

использование любых средств для успеха миссии. Это прагматичный долг, где служение основано на личной компетенции, а не на подчинении стихии.

Природные метафоры (сравнение с природными явлениями, стихиями) в романе «Война и мир» составляют 11,4% (17 единиц), являются самым распространенным типом метафор в романе «Командир и штурман» – 57,1% (16 единиц) от выявленных языковых средств внутри тематического параметра каждого художественного текста.

«Поглядев на мост, он видел столь же разнообразные *живые волны солдат*, кутасы, кивера с чехлами, ранцы, стволы ружей и из-под киверов лица с широкими скулами...» [Толстой, 1983, т. 1: 175].

Патриотизм здесь выступает как стихийный природный поток. Сравнение солдат с «*волнами*» показывает защиту Отечества не как организованное действие, а как непрерывное движение природной массы. Индивидуальная воля растворяется в общем течении, подобном реке.

«Все просили подкреплений, все говорили, что русские держатся на своих местах и производят адский огонь, от которого *тает французское войско*» [Толстой, 1983, т.3: 248].

Патриотизм показан как разрушительная стихия огня. Русское сопротивление – это не тактика, а стихийный пожар, который «плавит» врага. Патриотизм здесь – слепая, всепоглощающая природная ярость, где люди становятся воплощением стихийной мести.

«В русском войске по мере отступления все более и более *разгорается дух озлобления против врага*; отступая назад, оно сосредотачивается и нарастает» [Толстой, 1983, т.3: 275].

Патриотизм как природный процесс горения. Использование слов «*разгорается*» и «*нарастает*» описывает патриотизм по законам физики и химии – как самоподдерживающуюся реакцию в народном организме. Это объективное, неконтролируемое состояние, подобное лесному пожару.

«*And by the glow of patriotic fervor*» (И пламя патриотизма, пылающее в их сердцах) [P. O'Brian: 2005, 14].

Патриотизм здесь как природное свечение, внутренний жар. Слово «*glow*» (отсвет, зарево) указывает не на разрушительный пожар, а на тлеющий внутренний огонь, подобный теплу или зареву. Это метафора устойчивой, контролируемой внутренней энергии, питающей долг.

«The broadsides rapped out one after another, *crimson-scarlet tongues* stabbing into the smoke» (темно-красные языки пламени) [Р. О'Бриан, 1972: 87].

Патриотизм показан как целевое, управляемое пламя. Хотя образ природный («языки пламени»), он описывает техническое действие – залп орудий. Огонь здесь – не стихия, а точный, направленный инструмент. Природная метафора служит для эстетизации и усиления образа мастерства.

«... even in this strong light Stephen could see *the curious inner glow of his big oval eyes*» (огонь, горящий в его больших овальных глазах) [Р. О'Бриан, 1972: 116].

Патриотизм как индивидуальная природная энергия. «Огонь в глазах» – это классическая природно-антропоморфная метафора, связывающая стихию с личными качествами: решимостью, страстью, концентрацией. Патриотизм проявляется как врожденный или воспитанный внутренний жар профессионала.

«...and all at once the third grew enormously, a *tongue of flame* that leapt up and up and higher still, *a most prodigious fountain of light* – a whole ship-load of olive-oil ablaze» (огненный столб) [Р. О'Бриан, 1972: 160].

Патриотизм здесь предстает как зрелищное природное явление – катастрофа. Величественный «столб» и «языки пламени» описывают гибель корабля через образы вулканического извержения или гигантского пожара. Это метафора драматического итога службы, где патриотическая жертва сравнивается с масштабным природным катаклизмом.

Природные метафоры у Л.Н. Толстого и П. О'Брайана раскрывают противоположные модели патриотизма. У Л.Н. Толстого стихийные образы создают картину патриотизма как неудержимой природной силы, где индивидуальное растворяется в коллективном историческом потоке. В

отличие от этого, П. О'Брайан использует природные метафоры для технического описания боя, где стихии подчинены профессиональному контролю. Если у Л.Н. Толстого патриотизм – это стихийное единство человека и природы, то у П. О'Брайана – инструментальное измерение военного мастерства, где эффективность действий заменяет метафизическую глубину переживания.

Анатомическая метафора в романе «Война и мир» составляет всего 0,7% (1 единица), в романе «Командир и штурман» – 17,9% (5 единиц) от выявленных языковых средств внутри тематического параметра каждого художественного текста.

«И по неопределенной, таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называется духом армии и составляет *главный нерв войны...*» [Толстой, 1983, т.3: 225] (организм человека).

Патриотизм представлен как жизненная сила единого национального организма. Армия уподобляется живому телу, а патриотический дух – ее «нерву», то есть системе, передающей волю и чувство всему целому. Это патриотизм как коллективная биология: любовь к Отечеству – не идея, а физиологическое условие существования и победы армии-организма.

«... and yet I had to reason with as much ardour as though I were filled with the same enthusiasm as in the first days of the Revolution, when we *were all overflowing with virtue and love*» (нас переполняли чувство добродетели и любовь к отечеству) [P. O'Brian, 1972: 74];

Патриотизм описан как физиологическое изобилие, эмоциональное наполнение. Герой вспоминает революционный энтузиазм как состояние, когда тело («нас») переполнялось чувствами (добродетель, любовь к отечеству). Это патриотизм как телесный опыт, почти физиологический подъем, который можно утратить и которому можно лишь рационально подражать («мне приходилось спорить с таким же жаром»).

«... but the *actual words were a blow to his heart*, and he walked through the crowded, busy streets of Gibraltar in a state of quite remarkable unhappiness» (слова

поразили его в самое сердце) [Р. О’Brian. 1972: 171] (главный орган живого организма).

Патриотизм проявляется как глубоко личная рана. Удар «в самое сердце» – это не просто обида, а повреждение жизненного центра, связанного с чувством долга, чести и личной идентичностью в рамках службы. Патриотизм здесь – это эмоционально-физическая уязвимость; преданность корпорации и долгу ощущается на уровне телесной боли, когда этой преданности наносят удар. Это патриотизм, проживаемый через личное страдание, а не через абстрактную идею.

Количественное соотношение тематических типов метафор в обоих романах представлено в Таблице 4 и в Приложении (диаграммы 3, 4).

Таблица 4 – Тематические параметры метафор в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Антропоморфная	23	15,3	3	10,7
Зооморфная	12	8	3	10,7
Флористическая	6	4	-	-
Машинная	8	5,3	1	3,6
Пространственная	62	41,4	-	-
Театральная	14	9,3	-	-
Природная	17	11,4	16	57,1
Научная	5	3,3	-	-
Музыкальная	2	1,3	-	-
Анатомическая	1	0,7	5	17,9

В ходе исследования был выявлен ряд специфических метафорических моделей в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (флористическая, пространственная, театральная, научная, музыкальная), которые не получили детального анализа в данной работе. Данное методологическое решение обусловлено принципом избирательности, необходимым для обеспечения

чистоты сравнительного лингвокультурного анализа. Основной причиной исключения указанных типов метафор из фокуса рассмотрения является их нерепрезентативность или полное отсутствие в романе П. О'Брайана «Командир и штурман».

Нами выявлено, что использование тематических метафор позволяет авторам акцентировать внимание читателей на военной семантике при реализации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романах, выразить авторскую оценку, эмоциональность. За семантикой слов, которые создают метафорический образ в сознании читателя, возникают субъективные, добавочные ассоциации, связанные со спецификой исследуемого концепта.

Проведенный анализ тематического параметра метафор в романах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана выявляет различие в понимании патриотизма, отражающее особенности национальных картин мира.

В романе Л.Н. Толстого патриотизм предстает как стихийное, явление, растворенное в природных и биологических процессах. Он метафорически уподобляется стихиям (огню, воде), физиологическим системам или природным инстинктам. Это неконтролируемая, коллективная сила, подчиняющая себе личность. Человек становится частью стихийного исторического «организма» или «механизма», где его индивидуальная воля исчезает.

В романе П. О'Брайана патриотизм раскрывается как прагматическое, профессиональное служение, описываемое через инструментальные и индивидуализированные образы. Даже природные метафоры (огонь, свет) служат для характеристики точных действий, технической эффективности или внутреннего состояния профессионала. Это рациональный долг, воплощаемый через личную компетентность, корпоративную солидарность и контроль над ситуацией. Чувства носят личный, а не соборный характер.

Таким образом, тематические метафоры у Л.Н. Толстого передают патриотизм как всеобъемлющую стихию, в которую погружен человек, тогда как у П. О'Брайана они рисуют патриотизм как систему профессиональных

практик, где человек сохраняет исполнительность и ответственность. Это противопоставление отражает глубинное различие между русской соборно-бытийной и английской прагматично-корпоративной моделями национального служения.

Преобладание пространственных метафор в романе Л.Н. Толстого неслучайно. Оно отражает фундаментальную ценность пространства в русской языковой картине мира, где «ширь», «даль», «родная земля» являются не просто фоном, а активными участниками исторической драмы. Патриотизм здесь буквально «вырастает» из пространства. В романе, «Командир и штурман» напротив, доминируют природные метафоры, но природа (море, ветер, огонь) выступает не как объект созерцания, а как среда профессиональной деятельности, которую нужно контролировать и использовать. Это соответствует прагматическому ценностному коду английской культуры.

Семантические параметры метафор

При семантической классификации метафорические наименования группируются по конкретному значению. В ходе нашего исследования мы выделили две основные группы:

1. Количественные метафоры широко представлены в романе «Война и мир» – 56% (84 единицы), в романе «Командир и штурман» – 50% (1 единица) от выявленных языковых средств внутри семантического параметра каждого художественного текста.

«Пьер торопился скорее ехать вперед, и чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это *море войск*, тем больше им овладевала тревога беспокойства и не испытанное еще им новое радостное чувство» [Толстой, 1983, т. 3: 189].

«*They were walking in a steady two-way stream across the hollow...*» (Они двигались двумя встречными колоннами) [P. O'Brian, 1972: 21] (количество).

Патриотизм предстает как упорядоченное, функциональное движение. Даже количественная метафора («поток», «колонны») лишена стихийности:

это «устойчивый» (*steady*), «двусторонний» (*two-way*) поток, то есть организованное, контролируемое перемещение. Патриотизм здесь – не погружение в стихию, а четкая работа механизма, где каждый элемент (человек) является частью отлаженной логистики службы. Долг проявляется в порядке и предсказуемости движения.

Количественные метафоры Л.Н. Толстого и П. О’Брайана раскрывают противоположные понимания патриотизма. Л.Н. Толстой через масштабные образы создает эпическую картину патриотизма как стихийной исторической силы, где индивидуальное растворяется в коллективной судьбе, а статистика становится мерой народной жертвенности. В отличие от этого, П. О’Брайан использует количественные показатели сугубо функционально как часть профессиональных действий для описания конкретных тактических ситуаций. Если у Л.Н. Толстого числа выражают метафизику исторического рока, то у П. О’Брайана они служат практическим инструментом военного ремесла, отражая разные культурные модели: патриотизм-судьба и патриотизм-профессия.

2. Звуковые метафоры в романе «Война и мир» составляет 38% (57 единиц), в романе «Командир и штурман» – 50% (1 единица) от выявленных языковых средств внутри семантического параметра каждого художественного текста.

« – Го, го, го! Ха, ха, ха, ха! Ух! Ух! – раздался между солдатами *грохот* такого здорового и веселого *хохота...* » [Толстой, 1983, т. 1: 220] (смех).

Здесь патриотизм предстает как органическое выражение народного единства. *Грохот, здоровый, веселый хохот* солдат – не просто звук, а физиологическая реакция всей армии. Это патриотизм как коллективное жизнеощущение, проявляющееся в стихийном, почти инстинктивном звуке, который снимает напряжение и сплачивает массу на эмоциональном уровне.

«*Крики голосов* все усиливались и усиливались и *слились в общий гул*, который могла произвести только несколькотысячная армия» [Толстой, 1983, т. 1: 331] (шум).

Патриотизм раскрывается как формирующаяся стихийная сила. Разрозненные голоса, «*усиливаясь и усиливаясь*», сливаются в единый «гул», то есть звук, который может издавать только многотысячное войско. Это метафора рождения соборной воли: индивидуальное растворяется в общем звуковом поле, создавая новую, мощную реальность, которая является голосом армии как единого целого, что и есть суть народного патриотизма у Л.Н. Толстого.

«Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его *затрещала канонада*, пальба, *стук колес* экипажа, и вот опять спускаются с горы *растянутые ниткой* мушкетеры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперед рядом с Шмитом, и *пули весело свистят* вокруг него, и он испытывает то чувство удесятеренной радости жизни, какого он не испытывал с самого детства» [Толстой, 1983, т. 1: 197] (звуки, свойственные одушевленным и неодушевленным объектам).

Патриотизм представлен как обострение жизни перед лицом смерти. Звуки войны (треск, пальба, стук) не ужасают, а, сливаясь в памяти, рождают «*удесятеренную радость жизни*». Даже свист пуль «*веселый*». Это патриотизм как высшее переживание бытия, где угроза смерти не подавляет, а, напротив, пробуждает в герое детскую, стихийную радость от чувства сопричастности к великому событию и защиты Родины.

«*'Porn, porn, porn, porn,'* went Stephen *in unison with his cello*, glancing at Jack ...» (Пом – пом – пом – пом в унисон с его виолончелью) [Р. О'Бриан, 1972: 138] (звуки, созвучные со звуками музыкального инструмента).

Патриотизм здесь – это гармоничный порядок. Звук «пом-пом-пом» – не стихийный гул, а осознанное, ритмичное созвучие с музыкальным инструментом (виолончелью). Это метафора слаженности, взаимопонимания и невербального диалога между героями. Патриотизм проявляется как корпоративная гармония, где долг и служба основаны на тонкой настройке, взаимном уважении и совместном создании общего «звучания» в рамках их профессионального мира.

Звуковые метафоры Л.Н. Толстого и П. О'Брайана раскрывают противоположные подходы к воплощению патриотизма. Л.Н. Толстой создает полифоническую звуковую картину войны, где «здоровый хохот» солдат и «общий гул армии» становятся акустическим выражением народного единства, передавая патриотизм как эмоциональное переживание исторического момента. П. О'Брайан использует звуковые образы как точечные инструментальные элементы, лишённые эпического размаха. Если у Л.Н. Толстого звук становится мерой коллективного духа, то у П. О'Брайана он сводится к точному воспроизведению конкретных акустических явлений, отражая разные культурные модели: патриотизм как стихийное единство и патриотизм как профессиональная практика.

Этот контраст отражает различие в понимании патриотизма. Для Л.Н. Толстого это коллективное переживание, выражаемое через полифонию народных звуков, для П. О'Брайана – индивидуальное профессиональное служение, где звуки носят прикладной, а не символический характер. Звуковые метафоры становятся индикатором культурных моделей патриотизма – русской соборности и английского индивидуализма.

Количественное равенство звуковых и количественных метафор в романе П. О'Брайана подчеркивает специфику восприятия войны как упорядоченного и профессионально контролируемого процесса. Звук здесь не создает эмоциональный фон (как «гул» у Л.Н. Толстого), а служит тактическим ориентиром. Это коррелируется с ценностью рационального контроля над реальностью, характерной для английской культуры.

Распределение выявленных метафор по семантическим группам, а также их количественные и процентные соотношения представлены в Таблице 5 и в Приложении (диаграммы 5, 6).

В рамках настоящего исследования класс метафор, основанных на сходстве в производимом впечатлении, был исключен из предмета анализа в связи с его нерепрезентативностью в одном из сопоставляемых корпусов. В романе П. О'Брайана «Командир и штурман» данный тип метафоры,

характеризующийся уподоблением объектов по вызываемому эмоциональному или сенсорному отклику, отсутствует.

Таблица 5 – Семантические параметры метафор в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Количественные	84	56	1	50
Звуковые	57	38	1	50
По сходству в производимом впечатлении	9	6	-	-

Проанализировав семантические параметры метафор, мы пришли к выводу, что самыми продуктивными в романе «Война и мир» являются количественные метафоры. В романе «Командир и штурман» присутствует количественная метафора и звуковая метафора. С помощью количественных метафор авторы изображают масштаб исторических сражений, мощь и силу армии, вставшей на защиту родины. Звуковая метафора выражает звуки войны, шум орудий.

Функциональные параметры метафор

Одна из основных функций метафоры – *номинативная*, заключающаяся в номинации объекта, еще не имеющего собственного наименования (застежка-молния). Метафорическая двуплановость таких наименований существует лишь в момент номинации; затем внутренняя форма метафорического наименования «угасает», «умирает»; связь с соответствующим сравнением утрачивается [Москвин, 1997: 58].

Большинство метафор в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» являются образными (98,7%, 148 единиц и 100%, 37 единиц соответственно от выявленных языковых средств внутри функционального параметра каждого художественного текста.), не утратившими метафорической двуплановости. Они составляют характерную особенность художественных произведений.

«Это было при большом сражении 7-го под Москвой. Надо было видеть, это был *потоп огня!*» [Толстой, 1983, т. 3: 373].

Патриотизм предстает как стихийный катаклизм, несущий очищение. Сражение уподоблено одновременно потопу и пожару, то есть двум библейским стихиям, знаменующим суд и обновление. Это патриотизм как историческое возмездие, где народная сила сметает врага не военной тактикой, а всепоглощающей природной яростью.

«Вправо вступала в область тумана гвардия, звучавшая топотом и колесами и изредка блестящая штыками; налево, за деревней, такие же *массы кавалерии* подходили и скрывались в *море тумана*» [Толстой, 1983, т. 1: 340].

Патриотизм раскрывается как таинственное растворение в родной стихии. Армия сливается с туманом, становясь частью ландшафта. Это не потеря, а преобразование: солдаты обретаю́т силу самой природы, а защита Отечества превращается в органичное единство с землей и ее стихиями.

«Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что *клочок поля*, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом» [Толстой, 1983, т. 1: 239].

Патриотизм здесь – глубинное, почти генетическое узнавание. Поле боя становится «*давно знакомым, родственным*» не через знание, а через кровную связь. Это патриотизм как память предков, где человек защищает не территорию, а часть своей глубокой сущности.

«The president cleared his throat again in *the dead silence*, and speaking in a clear, seamanlike voice that combined gravity, formality and cheerfulness» (мертвая тишина) [P. O'Brian, 1972: 180].

Патриотизм проявляется как ритуальная дисциплина и порядок. Тишина не пуста – она «мертвая», то есть абсолютная, искусственно созданная для торжественного момента. Это патриотизм как соблюдение формы, где уважение к долгу выражается в контроле даже над акустикой пространства.

«But the fire in his heart was burning so high in spite of the promised cruise that it was all he could do to get his words out smoothly...» (пламя в сердце жгло) [P. O'Brian, 1972: 115].

Патриотизм – индивидуальная страсть, требующая самоконтроля. Внутренний огонь – не стихия, а личное переживание, которое герой должен обуздать («сдерживать слова»). Это патриотизм как персональная мотивация, где долг сопряжен с борьбой против собственных эмоций.

«'Oh, sir,' cried Mr Marshall, shocked by the sudden *extreme ferocity of Stephen's glare*, 'upon my word - Mr Dillon, I appeal to you. . .!» (ярость, горевшая во взгляде) [P. O'Brian, 1972, 134].

Патриотизм представлен как целевая агрессия профессионала. Гнев не слепой, а направленный («во взгляде»), он «горит», то есть это концентрированная, управляемая энергия. Это патриотизм как инструмент служения, где даже негативные эмоции мобилизуются для защиты интересов корпорации.

Метафоры Л.Н. Толстого и П. О'Брайана, при внешнем сходстве образной техники, выполняют принципиально разные культурные функции. Л.Н. Толстой создает космогоническую картину истории, где метафоры возводят военные события до уровня мифологических катаклизмов, раскрывая патриотизм как онтологическую связь человека с родной землей. Напротив, П. О'Брайан использует метафоры для психологической характеристики и передачи профессиональной этики, где образы служат инструментами индивидуализации персонажей. Если Л.Н. Толстой через метафоры осмысливает судьбы народов, то П. О'Брайан исследует внутренний мир человека в экстремальных условиях, демонстрируя тем самым различное понимание патриотизма: как метафизического единства с историей против личного профессионального долга.

Таким образом, метафоры становятся реализацией культурных кодов, раскрывающих национальные модели патриотизма: у Л.Н. Толстого – метафизическую и соборную, у П. О'Брайана – психологическую и

профессиональную. Оба подхода сохраняют образную свежесть, но направляют ее на решение разных художественных задач: осмысление истории в ее космическом масштабе или исследование человеческого характера в экстремальных условиях.

Количественное соотношение функциональных типов метафор в романах представлено в Таблице 6 и в Приложении (диаграммы 7, 8).

Таблица 6 – Функциональные параметры метафор в произведениях

Функции метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Номинативная	2	1,3	-	-
Образная	148	98,7	37	100

В рамках настоящего исследования фокус анализа был сознательно ограничен образной метафорой как доминирующим и репрезентативным типом в романах. Концентрация на образной метафоре позволяет выявить не частные различия в использовании второстепенных тропов, а фундаментальные расхождения в поэтике и мировидении авторов, которые проявляются в способах конструирования развернутых образных систем для репрезентации ключевых концептов, таких как патриотизм.

Таким образом, проанализировав функциональные типы метафор в романе, мы пришли к выводу, что большинство метафор в исследуемых романах являются образными (почти 98,7% в романе «Война и мир» и 100% в романе «Командир и штурман»). Это обусловлено тем, что использование образных метафор помогает передать индивидуально-авторский способ вербализации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романе, воплотить через художественный текст, наряду с общепринятыми знаниями, частные, даже уникальные, составляющие данного концепта. К тому же, данные метафоры имеют стилистическую ценность и составляют характерную особенность художественных произведений.

Структурные параметры метафор

В зависимости от количества слов-носителей образа различают метафору простую, в которой всего одно слово является носителем метафорического образа, и метафору развернутую, в которой носителями одного метафорического образа является целая группа ассоциаций, цепочка метафор [Москвин, 1997: 63].

Развернутая метафора – принадлежность художественных произведений. Этот вид метафор встречается и в публицистике, однако, если в художественном тексте цепочка метафор может быть представлена неограниченным числом компонентов, то в публицистическом – она относительно компактна [Там же].

В романе «Война и мир» широко представлены простые метафоры. Они занимают около 74,6% (112 единиц) от выявленных языковых средств внутри структурного параметра художественного текста: «дерзость стрельбы», «характер мундира», «теплота патриотизма», «волны солдат», «поток толпы», «море войск». В романе «Командир и штурман» простые метафоры занимают примерно 51,3% (19 единиц) от выявленных языковых средств внутри структурного параметра художественного текста: «*the burning sands / раскаленные пески*», «*a tongue of flame / языки пламени*», «*the dead silence / мертвая тишина*», «*shelter of this silence / щит молчания*».

Развернутые метафоры в романе «Война и мир» занимают 25,4% (38 единиц), в романе «Командир и штурман» – 48,7% (18 единиц) от выявленных языковых средств внутри структурного параметра каждого художественного текста.

«Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее *вспыхивали* на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося *молнии скрытого, разгорающегося огня*)» [Толстой, 1983, т.3: 213].

Патриотизм представлен как стихийная энергия, вызревающая в народной толще. Метафора соединяет природные явления (грозу и огонь), чтобы показать патриотизм как внутреннее брожение, которое становится

видимым лишь в «*молниях*» на лицах. Это не идеология, а естественная, нарастающая реакция коллективного организма на угрозу, предвестник всеобщего взрыва.

«Пьер не смотрел на поле сражения, ... он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более *разгорающегося огня*, который точно так же (он чувствовал) *разгорался в его душе*» [Толстой, 1983, т.3: 241].

Патриотизм раскрывается как индивидуальное преобразование через слияние с коллективной стихией. Внутренний огонь героя («*в его душе*») зеркально отражает внешний огонь сражения. Патриотизм здесь – это мистическое единение личности с историческим моментом, где личное чувство не просто откликается на общее, а становится его частью, подчиняясь тем же законам «*разгорания*».

«As Jack crossed the open spaces he heard the sound of a harp, deadened to a tinkle by the shutters – *they were drawn already against the mounting sun*, and already geckoes were hurrying about on the sunlit walls» (по залитым солнечными лучами стенам) [P. O'Brian, 1972: 5].

Патриотизм косвенно выражен через образ упорядоченного, контролируемого пространства. Солнечный свет не стихия, а ограничен («*ставни уже задвинуты*»), ящерицы «*суетятся*» по стенам – все подчинено определенному распорядку. Это метафора мира, где даже природа включена в систему дисциплины. Патриотизм – это жизнь в рамках отлаженного порядка.

«And JD, though quieter now, is wholly unpredictable: *he is full of contained rage and unhappiness that will break out in some way*; but I cannot tell what» (внутри его кипят гнев и недовольство, которые однажды каким-то образом вырвутся наружу) [P. O'Brian, 1972: 120].

Патриотизм показан как потенциально деструктивная личная энергия, требующая контроля. Эмоции уподоблены кипящей жидкости, которая «*вырвется наружу*». Патриотизм здесь связан с необходимостью управлять личными страстями ради сохранения корпоративной целостности и эффективности службы. Долг предполагает сдерживание.

Анализ простых и развернутых метафор в романах Л.Н. Толстого и П. О’Брайана выявляет различия в их художественной функции и культурной семантике, несмотря на формальное сходство приемов.

Простые метафоры у Л.Н. Толстого носят основополагающий характер, создавая архетипические формулы, которые осмысливают патриотизм через природные стихии и выражают коллективное сознание нации. П. О’Брайан использует простые метафоры как технические показатели, служащие тактической конкретизации. Еще более показателен контраст в развернутых метафорах: у Л.Н. Толстого они приобретают космогонический масштаб, раскрывая патриотизм как философское прозрение через причастность к историческим катаклизмам, тогда как у П. О’Брайана развернутые метафоры остаются в рамках психологической характеристики и визуализации атмосферы, не поднимаясь до уровня философского обобщения.

Это различие отражает оппозицию двух культурных моделей: русской соборности, где патриотизм проявляется в сопричастности к судьбе нации, и английского прагматизма, где патриотизм проявляется через профессиональное выполнение долга и психологическую стойкость.

Распределение выявленных метафор по структурным группам, а также их количественные и процентные соотношения представлены в Таблице 7 и в Приложении (диаграммы 9, 10).

Таблица 7 – Структурные параметры метафор в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Простая	112	74,6	19	51,3
Развернутая	38	25,4	18	48,7

Использование развернутой метафоры подчеркивает своеобразие стиля авторов, создает ощущение эмоционального подъема за счет увеличения количества слов-носителей метафорического образа. Каждая такая метафора – художественное открытие, в котором какое-либо явление предстает с неожиданной стороны, с эстетических позиций автора произведения.

Контекстуальные параметры метафор

Лежащее в основе метафоры сравнение может быть представлено в контексте двумя способами.

Первый способ – назван и субъект, и объект сравнения (это практически все метафоры в романе «Война и мир», они составляют 94,6% (142 единицы), в романе «Командир и штурман» – 62,2% (23 единицы) от выявленных языковых средств внутри контекстуального параметра каждого художественного текста): «свист пуль», «театр войны», «игра интересов», «дух войска», «море огня» и т.д. «*bowl of the sky/чаша неба*», «*ferocity of glare/ярость взгляда*», «*the hoists of lanterns/гирлянда фонарей*». В.П. Москвин данные метафорические наименования, имеющие при себе ключевое (опорное) слово, называет замкнутой метафорой [Москвин, 2000: 127]. Вторым способом – назван только объект сравнения (в романе «Война и мир» занимает всего около 5,4% (8 единиц), в романе «Командир и штурман» – 37,8% (14 единиц) от выявленных языковых средств внутри контекстуального параметра каждого художественного текста). Такие метафоры В.П. Москвин называет незамкнутыми [Москвин, 2000:127]:

«Натянутая *струна* соскочила...» (Имеется в виду начало партизанской войны) [Толстой, 1983, т.4: 79].

Патриотизм представлен как сдерживаемая до предела народная энергия, нашедшая выход. Метафора струны, которая не лопнула, а «соскочила», указывает на освобождение эластичной, живой силы после долгого напряжения. Это не разрушение, а переход в новое качество – стихийную партизанскую войну, где патриотизм становится самоорганизующейся силой сопротивления, не нуждающейся в команде.

«Неразрешенный вопрос о том, смертельна или несмертельна ли была рана, нанесенная в Бородине, уже целый месяц висел над головой Кутузова» [Толстой, 1983, т. 4: 118].

Патриотизм здесь – историческая ответственность как неразрешимая ноша. Вопрос о судьбе армии и России после Бородина висит «над головой» как дамоклов меч. Это патриотизм как бремя власти, где личность полководца растворяется в исполнении высшего долга перед историей и народом. Решение принимает не человек, а сама судьба.

Метафорическое наименование не имеет при себе ключевого слова, играющего роль «отгадки» (по выражению Ю.И. Левина) [Левин, 1998: 458]. Например, в первом предложении подразумевается «струна напряжения», которая удерживала начало партизанской войны, а во втором – «рана, нанесенная французскому войску».

«Well, there's the fleet's own brazen *smiling serpent*», - remarked bow oar, as Jack ran up the steps» (А вот и наш улыбчивый наглый змей) [Р. О'Бриан, 1972: 32].

Патриотизм раскрывается через двойственность и скрытую опасность в служении. Змей – символ коварства, но он «улыбчивый» и «наш», то есть часть своей корпорации. Это метафора профессионального коварства и агрессии, направленной вовне. Патриотизм здесь – это готовность использовать любые средства, включая хитрость и силу, для защиты интересов флота («змея»), который является олицетворением национальной мощи.

«The Sophie came round fast and brought the wind on to her beam: heeling over so that *the silk black water* lapped at her port-sills, she raced towards the nearest gunboat» (черная шелковая вода) [Р. О'Бриан, 1972: 140].

Патриотизм проявляется как эстетизированное единение с морской стихией как сферой службы. Вода – не угроза, а «черный шелк», материал, по которому корабль скользит к цели. Это метафора контролируемого мастерства: море податливо и прекрасно, а патриотический долг заключается в искусном использовании этой стихии для достижения боевой задачи.

В состав данных примеров входят метафорические единицы «*smiling serpent*/улыбчивый змей» и «*the silk black water*/черная шелковая вода». В первом предложении «*smiling serpent*» улыбчивым змеем называют капитана судна, а во втором предложении под черной шелковой водой («*the silk black water*») подразумевается море. Смысл такой «метафоры-загадки», или незамкнутой метафоры чаще всего подсказывает контекст.

Анализ контекстуальных параметров метафор у Л.Н. Толстого и П. О'Брайана выявляет их фундаментальное различие, отражающее разницу художественных миров и национальных моделей восприятия.

Замкнутые метафоры служат разным целям. У Л.Н. Толстого они создают эффект определенности, выступая устойчивыми, архетипическими символами. Их замкнутость – знак соборного единства автора и читателя, разделяющего общий культурный код; это не загадки, а истины в последней инстанции. У П. О'Брайана замкнутые метафоры, напротив, лишены символической универсальности. Они визуально-тактильны конкретны, а их замкнутость диктуется профессиональной точностью описания.

Глубокий контраст проявляется в незамкнутых метафорах. Редкие у Л.Н. Толстого образы носят историко-философский характер. Их незавершенность – признак сверхчувственного смысла, требующего не бытовой, а метафизической расшифровки и осмысления истории как целого. Напротив, незамкнутые метафоры П. О'Брайана – это техника вовлечения в профессиональную деятельность. Их незавершенность предполагает, что читатель сам восстановит недостающие звенья на основе контекста.

Таким образом, если метафоры Л.Н. Толстого устремлены к универсальным истинам и онтологической ясности, то метафоры П. О'Брайана ориентированы на конкретику восприятия и интеллектуальную игру с читателем в рамках профессионального кода.

Данные различия отражают оппозицию восприятия языковой картины мира: русскую соборность, где искусство выражает общезначимые истины, и английский индивидуализм, где искусство становится игрой интеллекта и

воображения. Метафорические системы двух авторов становятся зеркалами национальных культурных моделей.

Для наглядного сравнения контекстуальных параметров метафор в произведениях Л.Н. Толстого и П. О’Брайана обратимся к Таблице 8 и Приложению (диаграммы 11, 12).

Таблица 8 – Контекстуальные метафоры в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Замкнутая метафора (назван объект и субъект)	142	94,6	23	62,2
Незамкнутая метафора (назван только объект)	8	5,4	14	37,8

Использование замкнутой метафоры позволяет создать полный, законченный образ, наиболее точно передать мысль автора, сформировать за счет первичного значения слов возникновение новых, свежих ассоциаций.

Выполненные исследования показывают, что употребление метафор дает возможность авторам вербально выразить содержание концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романе: изобразить масштаб исторических событий, мужество и силу, проявленные героями во времена наполеоновского нашествия, создать многомерные образы, передать дух войны.

Анализ метафор в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман» через призму классификации видов патриотизма (см. раздел 1.4) раскрывают значимые различия в национальных моделях концептуализации патриотизма.

1. По степени вовлеченности: в романе Л.Н. Толстого доминирует коллективный патриотизм, где личность растворяется в исторических стихиях – армия предстает как «*море войск*», «*живые волны*», «*единый организм*». Индивидуальная воля подавляется ходом истории. П. О’Брайан изображает

индивидуальный патриотизм, проявляющийся через личное мастерство, профессиональную ответственность и внутренний самоконтроль.

2. По интенции и восприятию: в романах преобладает истинный патриотизм, однако его природа различна. У Л.Н. Толстого это стихийная, почти биологическая сила («ощетинивание», «нерв войны»), часто фаталистическая, где человек становится «орудием истории». У П. О'Брайана патриотизм рационален и прагматичен – это истинный патриотизм профессионала, выражающийся в эффективности, точности и корпоративной солидарности. Показной патриотизм в проанализированных метафорических примерах практически отсутствует.

3. По сфере реализации: Л.Н. Толстой концентрируется на военном патриотизме, но возводит его до уровня метафизики, где сама природа и история становятся участниками борьбы. Даже бытовые моменты у него осмысляются в контексте глобальных исторических процессов. П. О'Брайан же четко разделяет военный патриотизм (залпы орудий, тактические маневры) и бытовой патриотизм, проявляющийся в повседневной службе, дисциплине, внутренних переживаниях и профессиональной этике моряков.

4. По способу языковой репрезентации: в произведениях патриотизм в основном не эксплицирован, что характерно для художественной литературы. Патриотизм показывается через действия, образы и косвенные признаки: у Л.Н. Толстого – через природные катаклизмы («потоп огня»), у П. О'Брайана – через техническую метафору («щит молчания»). Эксплицитные упоминания («дух армии», «патриотический пыл») редки и обычно служат основой для дальнейшего имплицитно раскрываемого образа.

Метафорические системы двух авторов выступают культурными кодами, раскрывающими национальные модели патриотизма. Л.Н. Толстой создает модель соборно-бытийного патриотизма, где защита Отечества есть стихийное единение с исторической судьбой нации. П. О'Брайан предлагает модель прагматично-корпоративного патриотизма, где служение основано на индивидуальной компетентности, профессиональной чести и рациональном

выполнении долга. Эти различия подтверждают, что ПАТРИОТИЗМ как концепт глубоко укоренен в специфике национальной картины мира и находит соответствующее выражение в языковых, в частности метафорических, структурах текста.

2.2. Эпитет как средство концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман»

Особое внимание авторы исследуемых произведений уделяют эпитетам. Они используют слово или целое выражение, которое благодаря своей структуре и особой функции в тексте приобретает новое значение или смысловой оттенок, выделяя в объекте изображения индивидуальные, неповторимые признаки и тем самым заставляя оценивать этот объект с необычной точки зрения. Об объекте изображения создается образное или конкретное представление, что производит на читателя определенное эмоциональное впечатление.

При анализе языковых средств важно учитывать, что границы между различными тропами не всегда являются жесткими. Один и тот же языковой фрагмент может совмещать признаки нескольких средств выразительности, что обусловлено многослойностью художественного образа. Так, один и тот же пример может рассматриваться нами в двух-трех аспектах, например: как эпитет и как метафора. Такое пересечение не является повтором, а отражает полифункциональность художественных средств, их способность одновременно выполнять несколько функций в процессе концептуализации.

Эпитеты в романе «Война и мир» составляют 22,4% (405 единиц), в романе «Командир и штурман» – 53,6% (112 единиц) от общего числа всех средств выразительности.

«Тимохин с таким *отчаянным криком* бросился на французов и с такою *безумною и пьяною решительностью*, с одной шпажкой, набежал на

неприятеля, что французы, не успев опомниться, побросали оружия и побежали» [Толстой, 1983, т. 1: 237].

Патриотизм здесь проявляется как инстинктивная ярость, выводящая человека за пределы обычного состояния. Эпитеты «отчаянный», «безумный», «пьяный» не несут негатива, они описывают состояние священной одержимости, в котором долг перед Родиной исполняется стихийно, без расчета.

«... совершилось то *величественное событие*, которое навсегда останется *лучшей славой* русского народа» [Толстой, 1983, т. 3: 285].

Эпитет «*величественное*» возводит событие в ранг эпохального, а «*лучшая слава*» присваивает ему высшее место в национальном пантеоне. Это оценочный, итоговый патриотизм, который уже не анализирует, а канонизирует. Он фиксирует момент, когда жертва и подвиг народа навеки становятся частью его духовной сущности.

Особо следует отметить своеобразие использования в романе «Война и мир» эпитетов, подчеркивающих национальную принадлежность, а тем самым и проявление патриотического чувства, любовь к родине:

«Где, как, когда всосала в себя из того *русского воздуха*, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда она взяла эти приемы...? Но *дух* и *приемы* эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, *русские*, которых и ждал от нее дядюшка» [Толстой, 1983, т. 2: 271].

Воздух можно рассматривать в нескольких значениях, одно из которых «окружающие условия, обстановка» [Даль, 1998: 316]. *Русский воздух* – это указание на национальное представление человека о мире, окружающих условиях. Единица *дух* означает «внутреннее состояние, моральная сила» и имеет один из синонимов слово «душа» как внутренний мир человека, мир его чувств, представлений. *Русский дух* – это понимание окружающей действительности, то есть отражение картины мира русского человека. Патриотизм здесь представлен как врожденное чувство, которое человек

неосознанно впитывает из культурной среды («*русский воздух*») и которое проявляется как естественная внутренняя сущность («*русский дух*»). Это природное, а не навязанное качество.

«... он, проникнувшись *русским патриотизмом* и любовью к Москве, предлагал перевести войска в ночи с правого на левый фланг и ударить на другой день на правое крыло французов...» [Толстой, 1983, т. 3: 187].

Эпитет «*русский*» указывает на национально-культурную специфику патриотического чувства. Это не абстрактная любовь к родине, а конкретное историческое явление, укорененное в опыте и характере русского народа. Патриотизм предстает как этнокультурная константа, определяющая поведение и мышление.

«Но я вам скажу вообще, папаша, такого *геройского духа, истинно древнего мужества* российских войск, которое они – оно, – поправился он, – показали или выказали в этой битве 26 числа, нет никаких слов достойных, чтоб их описать...» [Толстой, 1983, т. 3: 211].

Эпитеты «*геройский*» и «*истинное древнее*» возвышают конкретный военный подвиг до уровня вневременного идеала, превращая его из события в символ. Одновременно они укореняют ценность подвига, связывая его с непрерывной исторической традицией («*древнее*»). Патриотизм предстает не как ситуативная эмоция, а как устоявшаяся, освященная временем культурная норма.

«– Вот, ваше сиятельство, правда, правда истинная, – проговорил Тимохин. – Что себя жалеть теперь! Солдаты в моем батальоне, поверите ли, не стали водку, пить: *не такой день*, говорят. – Все помолчали» [Толстой, 1983, т. 3: 139].

Эпитет «*не такой*» в устах солдат создает эффект значимости исторического момента. Обыденное («*пить водку*») отменяется перед лицом исключительности события. Патриотизм проявляется как коллективное осознание священности момента, где личные потребности подчиняются высшему смыслу служения.

«Он понял ту *скрытую*, как говорится в физике, *теплоту патриотизма*, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти» [Толстой, 1983, т. 3: 140].

Как уже отмечалось в разделе 2.1, данный пример репрезентирует метафорическое осмысление патриотизма через образ физической энергии («теплоты»). Однако в рамках анализа эпитета нас интересует эмоционально-оценочная функция определения «скрытая», которое акцентирует имплицитный, глубинный характер патриотического чувства, его существование как потенциала, не требующего внешнего выражения.

«Успехам дня мы обязаны более всего действию этой батареи и *героической стойкости* капитана Тушина с ротой» [Толстой, 1983, т. 1: 138].

Эпитет «*героическая*» применительно к «стойкости» подчеркивает будничность характера подвига. Героизм проявляется не в единовременном порыве, а в постоянном, упорном сопротивлении. Патриотизм здесь – это профессиональная выдержка, превращающая обычную службу в подвиг благодаря непрерывности усилий и верности долгу.

Прилагательные-эпитеты делают предмет более конкретным, создают образ, который становится близким и понятным читателю, что помогает художественному восприятию произведения в целом. Эпитеты, передавая признак в его наивысшем проявлении, выступают как одно из самых действенных средств создания убедительного образа [Супрунова, Питина, 2024].

На основании анализа примеров из романа «Война и мир» можно сделать следующий вывод о трактовке патриотизма в романе Л.Н. Толстого.

Патриотизм предстает как стихийное, основополагающее и всеобъемлющее чувство, укорененное в самой природе русского народа. Он проявляется не как идеология или сознательный выбор, а как глубинная, врожденная энергия, впитываемая человеком из национальной среды. Эта энергия может выражаться в формах, выходящих за рамки разума – от

инстинктивной, «безумной» ярости солдата в бою до спокойной, «скрытой теплоты», объясняющей готовность к смерти.

Через эпитеты Л.Н. Толстой возводит конкретные события и черты характера в ранг вневременных, священных категорий. Подвиг становится «величественным» и «лучшей славой», мужество – «древним» и «геройским», а сам патриотизм – органичной нормой народной жизни. Даже отказ от водки в «не такой день» отражает коллективное осознание священности исторического момента.

Таким образом, патриотизм у Л.Н. Толстого – это соборное, метафизическое свойство национального организма, которое может проявляться как в стихийном порыве, так и в повседневной стойкости, но всегда остается внутренней, часто невербализуемой силой, определяющей судьбу народа, его национальный характер.

Рассмотрим примеры эпитетов в романе «Командир и штурман».

«In the pause that followed *the peevish crackling of pistols...*» (сердитые пистолетные выстрелы) [P. O'Brian, 1972: 54].

Патриотизм здесь обретает характерологические черты в рамках профессионального действия. Эпитет «сердитый» (*peevish*), примененный к звуку выстрелов, персонифицирует оружие, но не возвышенно, а с оттенком раздражительной рутины. Это патриотизм повседневности, где даже насилие становится привычным, почти бытовым делом с определенным «настроением».

«*The splendid flame* was still leaping up against the hills, though more palely as down broke all along the eastern sky...» (величественное пламя) [P. O'Brian, 1972: 161].

Патриотизм раскрывается через эстетизацию разрушения как части служения. Эпитет «великолепное» (*splendid*) превращает пламя горящего корабля в объект почти художественного созерцания. Это не трагедия, а зрелищное доказательство эффективности или драматизма войны. Патриотизм связан со способностью видеть и ценить эту суровую эстетику, воспринимать

элементы боя (даже катастрофу) через призму профессионального восхищения силой и масштабом происходящего.

В романе «Командир и штурман» автор особое внимание уделяет эпитетам, характеризующим своих персонажей – военных моряков, создает образ настоящих героев, профессионалов, знающих свое дело.

«A score or two of *prime seamen* (отборные матросы), and a good half of the people *real man-of-war's men*, (настоящие военные моряки) which is more than you can say for most line of battle ships nowadays» [P. O'Brian, 1972: 9].

Патриотизм сублимируется в качественную характеристику человеческого материала. Эпитет «отборные» (*prime*) указывает на высший сорт, ценность, а определение «настоящие военные моряки» (*real man-of-war's men*) – на принадлежность к чистой, эталонной породе. Патриотизм сводится к прагматике эффективности: сила флота и, следовательно, могущество нации зависят не от количества, а от наличия этих «отборных» профессионалов. Гордость за них – это и есть гордость за Отечество.

«Then there are your standing officers: *right taut old-fashioned sailormen*, for the most part» (настоящие военные волки) [P. O'Brian, 1972: 10] (бывалые моряки, хорошо выполняющие свой долг).

Патриотизм здесь предстает как органичное профессиональное состояние. Эпитеты «*right taut*» (испытанные) и «*old-fashioned*» (бывалые) описывают особую породу людей, чьи личные качества неотделимы от требований службы. Сравнение с «*военными волками*» подчеркивает инстинктивную адаптацию, где долг становится внутренней сущностью. Патриотизм – это безусловное соответствие эталону корпорации, проявляемое в естественном, отточенном мастерстве, которое превращает моряка в надежную часть военного механизма.

«...but they all of them had long swinging pigtails and they all had *the indefinable air of man-of-war's men*» (особая стать, которая сразу выдавала в них военных моряков) [P. O'Brian, 1972: 7] (неописуемый вид военных людей).

Данный пример также указывает на формирование особого типа личности, сформированной службой. Это коллективная идентичность, проявляющаяся в манерах, осанке, взгляде.

Эти эпитеты создают не романтизированный, а профессиональный образ героизма, где патриотизм воплощается в компетентности, дисциплине и корпоративной солидарности, что отражает специфику английской морской культуры с ее акцентом на профессионализме.

Данные примеры подчеркивают исключительное мастерство и соответствие профессиональному стандарту. Автор акцентирует не абстрактный героизм, а техническую грамотность и эффективность.

Автор романа «Командир и штурман» использует эпитеты для описания и характеристики главных персонажей – командира и офицеров. Он описывает командира умным, достойным, дальновидным и требовательным человеком. Автор иллюстрирует множеством эпитетов качества настоящего военного командира, ведущего свое судно к победе.

«The admiral took me aside and dwelt upon it at length - he is *a most acute, far-sighted commander*» (проницательный, дальновидный командир) [P. O'Brian, 1972: 63].

Эпитеты «*most acute*» (проницательный) и «*far-sighted*» (дальновидный) раскрывают патриотизм как высшую форму стратегического служения. Ценность командира для нации определяется не храбростью, а интеллектуальным превосходством – способностью предвидеть угрозы и планировать наперед. Патриотизм здесь – это ответственность, воплощенная в рациональном расчете, где защита Отечества обеспечивается силой мысли и долгосрочным управлением рисками.

«Jack's *cold glare* chilled his mirth...» (холодный взгляд) [P. O'Brian, 1972: 107] (острый, проницательный взгляд капитана).

Патриотизм в этих примерах предстает не как громкое чувство, а как сугубо профессиональный набор качеств, где служение Отечеству измеряется эффективностью, рациональностью и самоконтролем. Идеальный командир

характеризуется эпитетами, подчеркивающими его рациональную самодостаточность, стратегическое мышление и безупречный эмоциональный контроль. Его ценность для нации – в способности решать проблемы самостоятельно, предвидеть угрозы и подавлять личные чувства ради точного исполнения долга. Таким образом, патриотизм у П. О’Брайана – это прагматическая добродетель профессионала, где любовь к родине доказывается безупречной работой, расчетом и дисциплиной.

П. О’Брайан в романе «Командир и штурман» использует эпитеты не только для характеристики героев, но и для описания судна, на котором им удавалось проводить множество сражений, каждый раз проверяя свой корабль на прочность.

«She had fought a couple of *creditable actions* under his predecessor, one against a French twenty-gun ship-rigged privateer from Toulon, and the other in the Gut of Gibraltar, protecting her convoy from a swarm of Algeciras gunboats rowing out in a calm» (участвовала в паре похвальных сражений) [P. O’Brian, 1972: 11].

Эпитет «*creditable actions*» (похвальные сражения) подчеркивает не просто участие в боях, но достижение признанных результатов. Корабль становится носителем коллективной славы и традиций.

В примерах П. О’Брайана патриотизм материализуется через образ корабля как идеального воплощения служения. Эпитеты «элегантный», «чистые линии» и «великолепно скроенный» показывают красоту как результат безупречной функциональности, технического совершенства судна.

Дисциплина превращается в ритуал: «надраенная палуба» и «парадная аккуратность» отражают не гигиену, а моральную чистоту и корпоративную честь экипажа. А эпитет «похвальные сражения» наделяет корабль собственной славной биографией, делая его носителем флотской традиции.

Таким образом, патриотизм здесь – это ежедневное поддержание эталона: служение кораблю через мастерство, порядок и верность традиции становится высшей формой служения Отечеству.

Многочисленные эпитеты П. О'Брайан использует для описания военных сражений, боев и долгожданных побед, достигнутых благодаря упорству, мастерству, слаженной работе команды и дальновидности, уму капитана, его умению принимать быстрые и правильные решения.

«He was very particular about it indeed - as important as your *great fleet actions*, says he» (великие морские сражения) [P. O'Brian, 1972: 63].

«*Such a magnificent fight*» (Это же такой великолепный бой) [P. O'Brian, 1972: 177].

Эпитеты «*great fleet actions*» (великие морские сражения), «*magnificent fight*» (великолепный бой) подчеркивают историческую важность и эпический размах событий. Они раскрывают патриотизм как оценку профессионального масштаба и исторической значимости. Патриотическое чувство здесь – это гордость не за абстрактную родину, а за мастерство, проявленное флотом в сражениях. Служение доказывается участием в «великом» деле, а высшая ценность – вклад в морскую мощь и славу нации через безусловно проведенные, «великолепные» операции.

Эпитеты П. О'Брайана формируют особую поэтику профессионального служения, где патриотизм раскрывается не через эмоциональный порыв, а через безусловное исполнение долга. Создавая мир, в котором физический порядок отражает нравственную чистоту, а техническое совершенство становится эстетическим идеалом, автор утверждает модель «патриотизма-компетентности». Этот подход, основанный на корпоративной солидарности и рациональном контроле, демонстрирует специфически английское понимание служения родине как практической философии жизни, где любовь к отечеству выражается через профессиональное мастерство, верность традициям и институциональное совершенство.

Эпитеты Л.Н. Толстого формируют модель «патриотизма сердца» – экзистенциального, эмоционально-духовного чувства, основанного на жертвенности и соборности. Такие определения, как «*священная земля*» и «*чистая жертва*», не только описывают, но вызывают у читателя глубокое

эмоциональное сопереживание. Автор создает поэтизированный образ народного подвига, где патриотизм предстает не как профессиональная добродетель, а как органическая черта национального характера – жертвенность, неразрывная связь с родной землей и единение с понятиями «Родина» и «народ».

Таким образом, если эпитеты П. О’Брайана создают картину мира, где патриотизм есть результат профессиональной культуры и рационального выбора, то эпитеты Л.Н. Толстого рисуют патриотизм как органическое, стихийное чувство, вырастающее из глубины национального духа и находящее выражение в эмоциональной искренности, жертвенности и соборном единстве. Это различие отражает фундаментальные различия в национальных культурах: английский прагматизм и рационализм и русская эмоциональность и духовность в понимании идеи служения родине.

Детализированное количественное и процентное соотношение анализируемых единиц представлено в начале второй главы, в Таблице 2, также в диаграммах 1 и 2 Приложения.

Далее рассмотрим данные примеры с точки зрения классификации, подробно представленной в первой главе в разделе 1.4.

Эпитеты в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» служат одним из ключевых средств репрезентации истинного, эмоционально-духовного патриотизма, носящего коллективный и всеобщий характер. Такие определения, как *«величественное событие»*, *«лучшая слава русского народа»*, *«отчаянный крик»* и *«безумная решительность»*, передают высшую степень проявления чувства, подчеркивая стихийную жертвенность и народный порыв.

Этот патриотизм носит эксплицитно-эмоциональную окраску и связан, прежде всего, с военной сферой как моментом наивысшего национального единения. Особое значение имеют эпитеты, утверждающие органическую, природную связь личности с родиной, как в случае с *«русским воздухом»* и

«русским духом». Здесь патриотизм представлен как нечто врожденное, что делает его истинным.

В романе П. О'Брайана «Командир и штурман» эпитеты формируют иную модель – патриотизм как профессиональный долг и корпоративная честь. Он имеет преимущественно коллективный характер, воплощаясь в идеальном воинском коллективе – экипаже корабля. Эпитеты, описывающие моряков («*prime seamen*», «*real man-of-war's men*», «*right taut old-fashioned sailormen*») и их командира («*most acute, far-sighted*»), акцентируют прагматичные ценности: компетентность, дисциплину, самообладание и преданность традициям.

Этот патриотизм редко называется прямо, а выводится из восхищения техническим совершенством («*great fleet actions*», «*magnificent fight*») и результативностью («*creditable actions*»). Он проявляется в военной сфере через культ профессионализма, где любовь к отечеству тождественна безупречному исполнению служебного долга.

Итак, при помощи эпитетов Л.Н. Толстой создает образ «патриотизма сердца» – стихийного, эмоционального и жертвенного, укорененного в коллективном народном духе и истинном чувстве связи с землей. Используя эпитеты, П. О'Брайан выстраивает модель «патриотизма-компетентности» – рационального, корпоративного и дисциплинированного, где служение нации осуществляется через коллективное следование профессиональному кодексу и институциональным традициям в военной сфере.

Таким образом, через систему эпитетов проявляется различие культур: русский патриотизм предстает как эксплицитная духовная и эмоциональная сила, в то время как английский – как имплицитная, воплощенная в действии и порядке, этика служения. Оба подхода репрезентируют истинный патриотизм, но если у Л.Н. Толстого его суть – в порыве и чувстве, то у П. О'Брайана – в эффективности и долге.

2.3. Фразеологизм как средство концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман»

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев, 1954: 37]. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие народа.

В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно фразеологизмы как будто навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации [Телия, 1996: 67]. Писатели часто используют фразеологизмы при создании художественных произведений, чтобы передать культурно-национальный колорит.

В современной лингвистике существуют различные подходы к определению объема фразеологии. Согласно узкому подходу, представленному в трудах В.В. Виноградова (1946) и А.И. Молоткова (1977), к фразеологизмам относятся лишь устойчивые сочетания с полностью или частично переосмысленным значением (сращения и единства), тогда как фразеологические сочетания занимают периферийное положение. В отличие от этого, сторонники широкого понимания фразеологии (Н.М. Шанский, 1969; В.Н. Телия, 1996) включают в ее состав все воспроизводимые единицы, в том числе пословицы, поговорки и крылатые выражения. Выбор широкого подхода в данной работе обусловлен спецификой материала и целью исследования: изучение художественного концепта требует учета не только

идиоматики в узком смысле, но и всех типов воспроизводимых единиц, участвующих в формировании ценностной картины мира в романе.

Рассмотрим фразеологические единицы с точки зрения семантики. А.М. Чепасова выделяет два больших раздела во фразеологическом составе языка – *номинативные* фразеологизмы (соотносятся со знаменательными частями речи) и *грамматические* (соотносятся со служебными) [Чепасова, 2006: 16]. В нашем исследовании мы не останавливаемся на изучении грамматических фразеологизмов, так как они не являются материалом для анализа семантики в отрыве от номинативных единиц.

Анализ структурных моделей фразеологизмов в романе «Война и мир» был выведен за рамки настоящего компаративного исследования в силу методологических ограничений. Несмотря на выборку 150 единиц, распределенных по синтаксическим типам (сочетания слов, словосочетания, простые и сложные предложения), их рассмотрение было признано методологически нерелевантным для достижения основной цели работы – контрастивного лингвокультурологического сопоставления. Статистические данные по распределению фразеологизмов представлены в Таблице 9, для наглядности дублируются в диаграмме 13 Приложения.

Таблица 9 – Структурные модели фразеологизмов в романе «Война и мир»

Модель фразеологизма	Количество использованных фразеологизмов	%
Сочетание слов	37	24,7
Словосочетание	79	52,6
Простое предложение	31	20,7
Сложное предложение	3	2

Семантические классы фразеологизмов включают процессуальные, качественно-обстоятельственные, атрибутивно-предикативные, предметные и количественные, поскольку они являются основными в текстах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман», вербализуя концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM. Атрибутивно-предикативные и

количественные фразеологизмы не были рассмотрены в данном исследовании по тем же причинам, что и структурные модели фразеологизмов.

Самыми продуктивными в романе «Война и мир» являются *процессуальные фразеологические единицы*. Они составляют 61,4% (92 единицы) от количества изученных фразеологизмов внутри семантических типов художественного текста. В романе «Командир и штурман» данные фразеологизмы занимают около 60% (12 единиц) от количества изученных фразеологизмов внутри семантических типов художественного текста. Данные фразеологические единицы обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс, то есть как протяженное во времени свойство предмета. К этому классу относятся фразеологизмы, значение которых передается глаголами или глагольными словосочетаниями.

Анализ процессуальных фразеологизмов в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» показывает, как глагольные словосочетания становятся ключевым инструментом для изображения действия, морального выбора и специфики среды.

«Все, что связывало его воспоминание с прошедшим, отталкивало его, и потому он старался в отношениях этого прежнего мира только не быть несправедливым и *исполнять свой долг* (выполнять то, что должен)» [Толстой. 1983, т. 3: 126].

Здесь патриотизм представлен как внутренний, аскетический нравственный императив. Для героя это не внешнее обязательство, а сознательное самоограничение, отказ от личных связей («*отталкивало его*») ради следования абстрактной, но абсолютной категории справедливости.

«Я думал, истинно *несу службу* (служу) перед государем и отечеством, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу» [Толстой, 1983, т. 3: 109].

Патриотизм раскрывается как непосредственная, личная преданность высшим символам (государю и Отечеству), которую нельзя делегировать или подменить. Герой отвергает формальное подчинение («*служу Барклаю*»), так

как для него патриотизм – это прямой, непосредственный завет, вопрос личной чести и прямых отношений со священными объектами верности.

Эти фразеологизмы являются смысловым стержнем, определяющим мотивацию героев. «*Исполнять долг*» для Андрея Болконского – это внутренняя нравственная категория, отрешенная от личных симпатий. «*Нести службу*» в устах старого генерала – это вопрос чести и преданности непосредственно государю и отечеству, а не конкретному командиру (Барклаю). Л.Н. Толстой показывает патриотизм как ежедневное, порой неблагодарное, но осознанное служение.

«Ежели бы я был г'азбойник, я бы пг'осил милости, а то я сужусь за то, что *вывожу на чистую воду* (разоблачить) г'азбойников» [Толстой, 1983, т. 2: 142].

Этот фразеологизм в речи Денисова, отражает народное понятие справедливости. Патриотизм здесь проявляется не на поле боя, а в борьбе с казнокрадством и несправедливостью внутри своей же армии. Это активная, деятельная позиция человека, который не может мириться с ложью и воровством, наносящим урон общему делу.

«В соседних домах тоже *разнесся слух*, что есть подводы, и на двор к Ростовым стали приходиться раненные из других домов» [Толстой, 1983, т. 3: 322].

Данный фразеологизм изображает стихийный процесс, не управляемый сверху. В кризисной ситуации (оставление Москвы) информация и помощь распространяются сами собой, по народным каналам. Это подчеркивает самоорганизацию и соборное единство русского народа в час беды, что является одной из высших форм патриотизма по Л.Н. Толстому.

При анализе англоязычного материала мы разграничиваем узуальные фразеологические единицы (зафиксированные в лексикографических источниках) и контекстуально-устойчивые обороты, профессионализмы и клише, характерные для военно-морского текста, которые в рамках

художественного текста выполняют функцию, сходную с фразеологизмами – передают культурные и корпоративные коды среды.

«...hoping ere long you will be called upon *to draw it* once more in the honourable defence of your country» (обнажить шпагу) [P. O'Brian, 1972: 180] (вынуть из ножен).

Устойчивое фразеологическое сочетание *to draw a sword* (обнажить шпагу) является узуальным, официальным, ритуализированным словарным оборотом, устойчиво ассоциирующимся с военно-морским, офицерским кодексом чести. Он символизирует готовность к службе и долгу, но лишен той глубокой внутренней рефлексии, которая свойственна толстовским героям. Патриотизм здесь – это следование уставу и ожиданиям общества.

«What is more, one captain's rating can be disrated by another, and if you trouble my sleep, by God, I shall *turn your boy before the mast* and flog the tender pink skin off his back every day for the rest of the commission» (разжалую вашего юнгу в матросы) [P. O'Brian, 1972: 17] (не щадить).

Патриотизм поддерживается через жесткую дисциплину и угрозу телесного наказания. Этот фразеологизм обнажает механику «патриотизма-дисциплины»: верность и порядок обеспечиваются страхом перед унижительной расправой. Патриотизм здесь – это система принуждения, где долг навязывается через абсолютную власть капитана и угрозу физического наказания.

Морской идиоматический оборот «*turn your boy before the mast*», означающий разжаловать, лишить офицерского звания и перевести в простые матросы, является контекстуальным фразеологизмом, характерным для языка и реалий военно-морского флота, служащий для создания образа абсолютной власти капитана и жестокой дисциплины, царившей на кораблях того времени. Угроза капитана сочетает в себе как профессиональное унижение (разжалование), что идеально передает концепцию патриотизма-дисциплины через призму страха и подчинения.

«Not like that wicked little old Turk, and *the sharp raps he give us*» (задал нам перцу) [Р. О'Бриан, 1972: 92] (жестко наказать).

Этот фразеологизм, как и предыдущий, подчеркивает, что отношения в матросской среде и с начальством строятся на суровой дисциплине и силе. В этом примере патриотизм представлен как дисциплина, насаждаемая через страх и наказание. Жестокое обращение («задать перцу») со стороны начальства не осуждается, а описывается как данность, формирующая отношения в иерархии. Патриотическая верность здесь – не добровольный выбор, а вынужденное подчинение.

«If they were not *kept well in check* by the steady officers, the bosun and the gunner, and I must admit that fellow Marshall too, I think there would be trouble with them» (держали в ежовых рукавицах) [Р. О'Бриан, 1972: 99] (строго, сурово обращаться с кем-либо).

Фразеологизм означает строгий, неусыпный контроль. Он отражает главную задачу офицеров – предотвратить бунт и поддерживать порядок любой ценой. Это мир патриархальный и иерархичный, где патриотизм матросов часто является вынужденным повиновением, а не осознанным выбором. Патриотизм здесь раскрывается как профилактическая мера против хаоса, необходимый контроль для поддержания боеспособности. Фразеологизм подчеркивает, что порядок и, следовательно, сама возможность служить Отечеству, держатся на постоянном, неусыпном подавлении потенциального бунта.

У Л.Н. Толстого процессуальные фразеологизмы раскрывают внутренний мир, нравственные искания и стихийную народную этику. Патриотизм – это сложное сочетание долга, чести и сердечного чувства.

У П. О'Брайана аналогичные фразеологизмы служат для изображения внешней дисциплины, жесткой иерархии и механизмов выживания в закрытой системе. Патриотизм здесь чаще является следствием суровой дисциплины и корпоративного духа, а не результатом глубокой внутренней работы.

Поскольку данный тип фразеологизмов широко представлен в романе «Война и мир», мы разделили процессуальные фразеологизмы на следующие подгруппы, обозначающие:

а) *разнообразную деятельность*: «несу службу», «исполнять долг» и т.д.

б) *моральное состояние, переживания, чувства*: «создалось ощущение», «сложили головы», «щемило сердце», «пустил слезу», «замирал от волнения» и т.д.

в) *отношение к кому-, чему-либо*: «возлагал надежды», «упустил из виду», «души не чаял», «свести счеты», «взяли верх» и т.д.

г) *фразеологизмы, обозначающие движение*: «разнесся слух», «носится в воздухе», «вышли на первый план».

Наиболее многочисленными являются группы с семантикой действия и морального состояния, они широко представлены в романе. Наименее представлены фразеологизмы, действия которых постоянно совершаются кем-либо. Особо следует отметить, что одна и та же фразеологическая единица может обладать сразу несколькими значениями. Например, фразеологизм «исполнить долг» обладает значением деятельности, но так же выражает душевное состояние героя. В связи с этим, при анализе данных фразеологизмов, мы не производили точного определения количественного состава подгрупп, а выделили один класс – процессуальные фразеологизмы.

Следующий класс фразеологических единиц – *качественно-обстоятельственные*. Они обозначают качество или обстоятельство действия и значение степени проявления действия или признака. В романе «Война и мир» такие фразеологизмы составляют 20,6% (31 единица), в романе «Командир и штурман» – 40% (8 единиц) от количества изученных фразеологизмов внутри семантических типов. Анализ качественно-обстоятельственных фразеологизмов в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» раскрывает ключевые различия в изображении мотивации, действий и самого духа двух армий.

«Мы должны (*драться*) *до последней капли крови* (сражаться до последней возможности, до конца, жертвуя всем), – сказал полковник, ударяя по столу, – и умереть за своего императора» [Толстой, 1983, т. 1: 82].

«Они так дрались, *не щадя живота своего* (не жалея жизни), мы сами поголовно пойдем, возьмем еще рекрут, и всем нам только клич кликни, гусай (так он выговаривал государь), мы все умрем за него!» [Толстой, 1983, т. 3: 98].

Эти фразеологизмы являются квинтэссенцией жертвенного патриотизма. «*До последней капли крови*» – это официальная, почти риторическая формула, произносимая на военном совете. «*Не щадя живота своего*» – это народная, фольклорная формула, идущая от сердца солдата. Оба оборота выражают абсолютную, безоговорочную готовность к самопожертвованию, но первый – с оттенком долга, а второй – с оттенком искренней, яростной любви к Отечеству.

«...он *всеми силами души* (очень сильно) любил этот наш русский народ» [Толстой, 1983, т. 4: 264].

Этот оборот описывает не внешнее действие, а внутреннюю, духовную интенсивность чувства. Он характеризует глубину связи человека с народом. Патриотизм здесь – это не долг и не жертва, а всепоглощающая, почти метафизическая любовь, составляющая сущность личности.

«Старый человек, столь же опытный в придворном деле, как и в военном, тот Кутузов, который в августе того же года был выбран главнокомандующим *против воли* (насильно) государя, тот, который удалил наследника и великого князя из армии, тот, который своей властью предписал оставление Москвы... » [Толстой, 1983, т. 4: 206].

Этот фразеологизм имеет ключевое идейное значение. Он показывает, что истинная мудрость и спаситель нации («народный» полководец Кутузов) действует вопреки официальной, придворной воле. Патриотизм народа и его лучших представителей вступает в конфликт с патриотизмом официальным, и первый оказывается прав.

«The Sophie lay there unmolested, putting herself to rights all through that sunny gentle day, *as busy as a hive*, watchful, prepared, bristling with pugnacity (трудились как пчелы) [P. O'Brian, 1972: 141] (работать с большим усердием).

Это классический фразеологизм, рисующий картину слаженной, коллективной и эффективной работы. Он идеально характеризует английский флот как высокоорганизованный механизм, где каждый знает свое дело. Патриотизм здесь проявляется в профессиональном исполнении долга, дисциплине и абсолютной готовности корабля к бою. Это патриотизм-ремесло, патриотизм-механизм.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы в романе Л.Н. Толстого служат для раскрытия глубины чувства, масштаба жертвы и духовной сущности патриотизма. Он показан как стихийная, духовная и часто трагическая сила. У П. О'Брайана аналогичные обороты рисуют патриотизм как внешнее проявление высочайшей организации, дисциплины и профессионального мастерства. Это сила не столько души, сколько отлаженного механизма, где долг выполняется не через жертву, а через безупречную эффективность.

Таким образом, через фразеологизмы этого класса Л.Н. Толстой воспекает патриотизм как состояние души, а П. О'Брайан – как состояние системы.

Рассмотрим *предметные* фразеологизмы. Они обозначают предмет в самом широком значении. В романе «Война и мир» их всего около 4,7% (7 единиц) от количества изученных фразеологизмов внутри семантических типов, в романе «Командир и штурман» не представлены.

«Ежели уже так пошло – надо драться, *защищать честь мундира* (защищать безупречную репутацию), пока Россия может и пока люди на ногах... » [Толстой, 1983, т. 3: 131].

Патриотизм воплощается в кодексе офицерской чести, верности присяге и корпоративной солидарности. Однако у Л.Н. Толстого это понятие двойственно: с одной стороны, оно выражает искреннюю готовность умереть

за Родину, с другой – в светском обществе сводится к пустой риторике, скрывающей карьеризм и боязнь позора. Авторское уточнение «*безупречная репутация*» акцентирует внешний, социальный аспект, раскрывая не только патриотический порыв, но и критику показного понимания долга. Таким образом, патриотизм предстает не как чистое чувство, а как сложный комплекс искреннего порыва и социальной условности, где подлинная жертвенность рискует подмениться ритуальным сохранением все той же «*безупречной репутации*».

«*Пушечное мясо* (солдаты, насильственно посылаемые на смерть)! – с грустью думал он, глядя на это огромное количество тел, весело полоскавшихся в грязном пруде» [Толстой, 1983, т. 1: 194].

Этот фразеологизм являет собой радикальное отрицание парадного, милитаристского патриотизма. Толстой через метафору «*мяса*» проводит деконструкцию самой идеи патриотической жертвы, обнажая ее антигуманную сущность. Патриотизм, основанный на превращении человека в расходный материал, лишается нравственного основания. Грусть и ужас героя – это прозрение, что подлинная любовь к Отечеству не может строиться на отрицании ценности «огромного количества тел» его защитников. Истинный патриотизм, по Л.Н. Толстому, должен начинаться с признания абсолютной ценности каждой жизни, отправляемой на войну. Это патриотизм-гуманизм, противостоящий патриотизму-каннибализму государственной машины.

Эти два предметных фразеологизма создают в романе напряженное идейное противостояние: фразеологизм «*честь мундира*» олицетворяет официальную, сословную концепцию долга и патриотизма, которая может быть как искренней, так и лицемерной. Фразеологизм «*пушечное мясо*» представляет собой горькое разоблачение этой концепции, напоминая о той страшной цене, которую платит народ за «*честь*» и амбиции правящего класса.

Через подобные выражения Л.Н. Толстой утверждает свою главную мысль: истинный патриотизм заключается не в следовании условностям, а в

осознании ценности каждой человеческой жизни и в народном, а не генеральском, понимании смысла войны.

Статистические данные по распределению семантических типов фразеологизмов представлены в Таблице 10 и в Приложении (диаграммы 14, 15).

Таблица 10 – Семантические типы фразеологизмов в произведениях

Тип фразеологизмов	Роман «Война и мир»		Роман «Командир и штурман»	
	Количество использованных фразеологизмов	%	Количество использованных фразеологизмов	%
Процессуальные	92	61,4	12	60
Качественно-обстоятельственные	31	20,6	8	40
Атрибутивно-предикативные	18	12	-	-
Предметные	7	4,7	-	-
Количественные	2	1,3	-	-

В ходе исследования установлено, что корпус фразеологических единиц в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» характеризуется большим типологическим разнообразием по сравнению с романом П. О’Брайана «Командир и штурман». Для обеспечения чистоты сравнительного анализа и соблюдения принципа сопоставимости лингвистических данных в рамках настоящей работы предметом рассмотрения избраны те типы фразеологизмов, которые репрезентированы в обоих исследуемых текстах.

Нами выявлено, что наиболее продуктивными среди семантических типов фразеологизмов в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» являются процессуальные. Использование данных фразеологических единиц позволяет создать ощущение непрерывного движения, действия, передать внутренние переживания героев, их отношение к совершающимся событиям.

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологические единицы выражают дух и своеобразие нации, раскрывают особенности русского народа, готового защищать родную землю от врагов до последней капли крови. В романе «Командир и штурман» фразеологизмы представлены

меньшим количеством, они указывают на индивидуально-авторский стиль, показывают жизнь моряков на судне во время боя и в мирное время.

Сравнительный анализ фразеологизмов в романах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана раскрывает принципиально разные системы патриотизма. У Толстого мы видим сложный органический сплав, где коллективный патриотизм проявляется как стихийная соборная сила, индивидуальный – как глубоко личное нравственное чувство, а обыденный – как растворенное в повседневности братство. Уникальность этого подхода – в его антириторичности и укорененности в национальном характере, где патриотизм становится естественным состоянием души.

Совершенно иную картину находим у П. О'Брайана, где патриотизм сводится к военно-профессиональному долгу. Индивидуальное начало здесь подменяется корпоративной идентичностью, коллективный порыв – жесткой дисциплиной, а обыденное измерение – технической эффективностью. Патриотизм здесь не вырастает изнутри, а навязывается через устав и субординацию, вытесняя живое чувство профессиональным функционалом.

Таким образом, если Л.Н. Толстой изображает патриотизм как духовно-нравственный феномен, порожденный всей полнотой национальной жизни, то П. О'Брайан показывает его как функциональный принцип эффективной работы военного механизма в рамках имперской системы.

Анализ фразеологических единиц в романах Л.Н. Толстого и П. О'Брайана позволяет систематизировать их по следующим видам патриотизма, выявляя ключевые различия в национальных моделях.

1. По степени вовлеченности:

Коллективный патриотизм у Л.Н. Толстого представлен оборотами, описывающими стихийную самоорганизацию народа и общее чувство: *«разнесся слух»*, *«носится в воздухе»*. Это патриотизм как соборное, надличностное явление.

Индивидуальный патриотизм у П. О'Брайана выражен через готовность к личному действию в рамках корпорации: *«обнажить шпагу» (draw it)*. Здесь

патриотизм – это индивидуальная готовность выполнить ритуализированный долг.

2. По интенции и восприятию:

Истинный (подлинный) патриотизм у Л.Н. Толстого раскрывается через внутренний нравственный императив и искреннюю преданность: «*исполнять свой долг*», «*несу службу перед государем и отечеством*», «*всеми силами души*». Его истинность – в органичности и сердечном чувстве.

Ложный (показной) патриотизм у Л.Н. Толстого подвергается критике через обнажение социальной условности и карьеризма: «*защищать честь мундира*» (в двусмысленном контексте). У П. О’Брайана патриотизм как система принуждения зачастую предстает как вынужденное подчинение, насаждаемое извне: «*держали в ежовых рукавицах*» (*kept well in check*), «*задать перцу*» (*sharp raps*), «*разжаловать в матросы*» (*turn your boy before the mast*).

3. По сфере реализации:

Военный патриотизм у Л.Н. Толстого – это жертвенность и стойкость, часто возведенные в абсолют: «*до последней капли крови*», «*не щадя живота своего*»; у П. О’Брайана – это профессиональная эффективность и дисциплина: «*трудились как пчелы*» (*as busy as a hive*). Акцент на слаженности как условии победы.

Бытовой (обыденный) патриотизм у Л.Н. Толстого проявляется в повседневной нравственной позиции: «*выводить на чистую воду*» (борьба с несправедливостью внутри системы). Это ПАТРИОТИЗМ как гражданская активность. У П. О’Брайана бытовой аспект сводится к поддержанию порядка как основы боеспособности, что также является служением.

4. По способу языковой репрезентации:

Имплицитный патриотизм доминирует у Л.Н. Толстого. Чувство не названо, но явлено через описание действий и состояний: «*отталкивало его*» (в контексте долга), «*создалось ощущение*», «*щемило сердце*». Патриотизм растворен в ткани жизни.

Эксплицитный патриотизм характерен для П. О'Брайана, где долг четко артикулирован в уставных формулах: «*hoping... you will be called upon to draw it... in the honourable defence of your country*». Это прямое вербальное предписание поведения.

Фразеологизмы у Л.Н. Толстого репрезентируют патриотизм как сложный внутренний процесс – от глубоко личного нравственного выбора («исполнять долг») до стихийного народного подъема («разнесся слух»). У П. О'Брайана фразеологизмы описывают патриотизм как внешний, регламентированный порядок действий, поддерживаемый дисциплиной, иерархией и корпоративным духом («трудились как пчелы», «держали в ежовых рукавицах»). Таким образом, если у Л.Н. Толстого патриотизм живет в душе и совести, то у П. О'Брайана – в уставе и механизме командования.

2.4. Другие средства выразительности, репрезентирующие концептуализацию патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман»

Концептуализация патриотизма, представленная в романах различными языковыми средствами, помогает наиболее полно раскрыть специфику изучаемого концепта в произведении, а также выразить мировоззрение автора.

В романе «Война и мир» концептуализации патриотизма способствуют такие выразительные языковые средства, как эпитет, метафора, метонимия, антитеза, фразеологизм, сравнение, повтор и многие другие.

Роман П. О'Брайана «Командир и штурман» также насыщен различными средствами выразительности. Автор использует их как для описания природы, так и для передачи характеров героев, их быта, жизненного уклада. Проанализировав картотеку, мы выявили использование следующих средств выразительности: эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения, гиперболы, градация, фразеологизмы.

Далее рассмотрим важные для понимания концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM языковые средства.

- **Сравнения** в романе «Война и мир» составляют 5,3% (95 единиц), в романе «Командир и штурман» – 9,7% (35 единиц) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

«Французское нашествие, как *разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану*, чувствовало свою погибель» [Толстой, 1983, т. 3: 270].

Данный пример показывает уподобление французской армии разъяренному зверю, который получив смертельное ранение в бою, продолжал сражаться, чувствуя приближающуюся гибель. Патриотизм русских представлен здесь косвенно, как сила, наносящая смертельную рану стихии зла. Победа над врагом здесь – это не военный успех, а усмирение слепой, разрушительной стихии, угрожавшей миропорядку. Патриотизм обретает черты праведной борьбы.

«Багратион окликнул офицера, и Тушин, *робким и неловким движением, совсем не так, как салютуют военные, а так, как благословляют священники*, приложив три пальца к козырьку, подошел к генералу» [Толстой, 1983, т. 1: 205].

Патриотизм раскрывается через сакральное измерение воинского долга. Жест офицера, уподобленный священническому благословению, стирает границу между мирским и духовным служением. Защита Отечества приравнивается к религиозному подвигу, а армия – к соборному сообществу.

«He held the letter up to the light, and there, as firm, *comforting and immovable as the rock of Gibraltar*, he saw *the Admiralty's watermark, the eminently respectable anchor of hope*» (надежный, утешительный и незыблемый, как скала Гибралтара, водяной знак Адмиралтейства – неизменно внушающий к себе уважение якорь надежды) [P. O'Brian, 1972: 4].

В данном примере патриотизм предстает как абсолютная, почти материальная опора в служении. Автор иллюстрирует уподобление знака

Адмиралтейства, символа государственной власти, скале. Использовано слово *rock*, то есть *скала, камень* такая же нерушимая, надежная, прочная, как надежен знак Адмиралтейства для военного человека. Это патриотизм доверия к системе: верность Отечеству держится на вере в незыблемость и надежность его институтов.

«They anchored over there under the guns of the Spanish batteries *as firmly as though they were to be reviewed by the King*» (Они встали на якорь под защитой испанских батарей, проделав маневр так четко, словно находясь на параде, наблюдаемом королем) [P. O'Brian, 1972: 173].

Патриотизм представлен как идеальная дисциплина и выучка, ставшие второй натурой. Сравнение боевого маневра с парадным смотром показывает, что высшая форма служения – это безупречное исполнение долга в любых условиях. Патриотизм растворен в мышечной памяти и корпоративной гордости: команда работает слаженно не из-за страха, а потому, что ее внутренний стандарт требует такого совершенства всегда, будь то парад перед королем или бой под вражескими батареями.

- **Антитеза** в романе «Война и мир» занимает 1,9% (34 единицы), в романе «Командир и штурман» – 3,9 % (14 единиц) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

«При самом *малом напряжении*... и при самой *ничтожной потере* были приобретены самые *большие результаты* во всю кампанию, был сделан *переход от отступления к наступлению*, была обличена слабость французов и был дан тот толчок, которое только и ожидало Наполеоновское войско для начатия бегства» [Толстой, 1983, т. 4: 88].

Антитеза («*малое напряжение*»/«*большие результаты*», «*ничтожная потеря*»/«*переход от отступления к наступлению*») подчеркивает, что истинная сила патриотизма – не в количестве жертв, а в качественном преобразении духа. Победа достигается не грубой силой, а моральным перевесом и своевременным «толчком», который народная война дает

захватчику. Патриотизм – это мудрая сила, которая умеет малым добиваться великого, следуя высшей справедливости истории.

«The Sophie's people bore up under all this with wonderful spirit, however, a worn, lean and eager crew, filled with precise ideas of what they should do the minute they stepped ashore from the liberty-boat -filled, too, with a tolerably precise notion of the change in relations on the quarter-deck...» (усталые, похудевшие, но горящие энтузиазмом люди переносили все эти тяготы с удивительной стойкостью) [P. O'Brian, 1972: 98].

Патриотизм предстает как внутренняя стойкость, преодолевающая физическое истощение. Антитеза между внешним состоянием («изнуренные, исхудалые») и внутренним настроением («горящие энтузиазмом», «удивительный дух») показывает патриотизм как профессиональную выдержку. Это не слепой порыв, а дисциплинированная воля, которая сохраняет боевой дух вопреки лишениям. Долг выполняется не благодаря, а вопреки физическим пределам, что и составляет суть корпоративной этики служения.

«"I am acquainted with His Highness," said Jack, who had been shipmates with that singularly unattractive *hot-headed cold-hearted* bullying Hanoverian» (горячая голова и холодное сердце) [P. O'Brian, 1972: 119].

Патриотизм раскрывается как контролируемая двойственность, необходимая для эффективности. Антитеза «горячая голова/холодное сердце» описывает идеальный психологический набор профессионала: страсть и скорость в принятии решений сочетаются с беспристрастностью и жестокостью в их исполнении. Патриотизм здесь – это прагматичное самоуправление, где любовь к Отечеству и долг требуют не цельности натуры, а умения включать нужные качества по ситуации.

• **Анафора** в романе «Война и мир» занимает 2,2% (39 единиц), в романе «Командир и штурман» – 1,4% (5 единиц) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

«Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казахи,

кавалерийские; *были* мелкие, сборные, пешие и конные, *были* мужицкие и помещичьи, никому не известные. *Был* начальником партии дьячок, взявший в месяц несколько сот пленных. *Была* старостиха Василиса, побившая сотни французов» [Толстой, 1983, т. 4: 130].

Здесь патриотизм раскрывается как всеобъемлющее, стихийное явление, принимающее бесчисленные формы. Повторение слова «*были*» создает эффект эпического перечисления, где каждая новая фраза добавляет еще один штрих к картине народной войны. Это не систематизация, а нагромождение фактов, показывающее, что патриотизм – это не идея, а сама жизнь, прорывающаяся в сопротивлении на всех уровнях: от армии до дьячка и старостихи. Анафора передает мощь количественного роста народного движения, где патриотизм становится органичным состоянием каждого – независимо от чина, пола или рода занятий.

«After this, nothing. *Not the remotest light, not a gun-flash*» (Ни огонька, ни вспышки оружейного выстрела) [P. O'Brian, 1972: 177].

Патриотизм представлен здесь через отрицание – как напряжение передышки и профессиональная бдительность. Повторение отрицания «*not*» фиксирует полное затишье после боя, но это не покой, а настороженная пустота. Отсутствие света и выстрелов – не мир, а тактическая пауза, которую настоящий моряк должен «считать». Патриотизм проявляется в этом предельном внимании к деталям среды даже в моменты кажущегося спокойствия. Это дисциплина восприятия, где долг требует фиксировать и анализировать все, даже тишину и темноту, как элементы оперативной обстановки.

• **Повтор** в романе «Война и мир» составляют 2,7% (48 единиц), в романе «Командир и штурман» – 1,1% (4 единицы) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

«Он действительно был *влюблен* и *в царя, и в славу русского оружия*, и в надежду будущего торжества. И не он один испытывал это чувство в те памятные дни, предшествовавшие Аустерлицкому сражению: девять десятых

людей русской армии в то время были *влюблены*, хотя и менее восторженно, в своего царя и в славу русского оружия» [Толстой, 1983, т. 1: 318].

В данном примере подчеркнута общее восхищение царем, связано с гордостью за великую мощь военного оружия. Присутствует мысль о единстве: начиная от царя и заканчивая оружием. Следовательно, так происходит единение всего общества (все сословия). Здесь патриотизм представлен как массовое, почти мистическое единение через общий объект любви.

«*"We may have done it"*, said Jack inwardly, leaning his hands on the taffrail and staring back along the Sophie's lengthening wake. His heart was still beating with the tension of waiting for those broadsides, with the dread of what they might do to his Sophie; but now its beat had a different urgency. "*We may have done it"*, he said again» (Может быть, мы и вырвались) [Р. О'Бриан, 1972: 163].

В данном контексте автор использует намеренное повторение одного и того же высказывания для того, чтобы выразить предположение, надежду на хороший, положительный исход дела. Герой повторяет высказывание несколько раз, тем самым успокаивая и настраивая себя на удачное завершение начатого. Патриотизм проявляется в личной ответственности за судьбу вверенного ему «малого отечества» – корабля. Долг требует не слепой веры, а холодного расчета и волевого усилия, чтобы превратить надежду в уверенность.

- **Олицетворение** в романе «Война и мир» составляют 3,5% (63 единицы), в романе «Командир и штурман» – 4,5% (16 единиц) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

Л.Н. Толстой при помощи олицетворения воплощает в образе военных орудий человеческие чувства, эмоции, действия.

«... ближе, ближе, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее, и *ядро, как будто не договорив всего, что нужно было*, с нечеловеческою силой взрывая брызги, шлепнулось в землю недалеко от балагана» [Толстой, 1983, т. 1: 202].

Патриотизм в этом примере предстает как глубоко физиологическое переживание исторической судьбы. Он выражается не через слова или идеологию, а через погружение в общую реальность войны. Герой не декларирует любовь к Родине, а переживает ее через трепет земли, свист ядра и близость смерти. Это стихийное чувство, где индивидуальное сознание растворяется в коллективном испытании, а готовность к жертве становится не осознанным выбором, а естественным состоянием души перед лицом общей угрозы.

«Он давал заметить пули, которые беспрестанно визжали, пели и свистали около них» [Толстой, 1983, т. 1: 208].

Здесь патриотизм проявляется как стоическое и эстетизированное принятие войны. Пули, «певшие и свистевшие», превращаются из символов смерти в часть профессиональной реальности солдата. Это показывает патриотизм не как эмоциональный порыв, а как привычку к постоянной опасности и внутреннюю стойкость, где долг выполняется без пафоса, в ежедневном соприкосновении со смертью.

Автор романа «Командир и штурман» использует олицетворение, перенося свойства человека на неодушевленный объект. Он наделяет судно под названием «Софи» человеческими способностями и свойствами.

«*This was splendid: the Sophie was running in fast, prepared, confident and happy*» (Зрелище было великолепное: «Софи» мчалась на всех парусах. Командир ее был готов ко всему, уверен в своих силах — одним словом, счастлив) [P. O'Brian, 1972: 140].

Здесь патриотизм — это безупречная работа слаженного механизма. Чувство долга проявляется не в словах, а в технической эффективности, уверенности и гармоничном движении корабля. Ключевое слово — «счастливый» (*happy*), означающее идеальное состояние экипажа, где профессиональное мастерство становится высшей формой служения. Олицетворение здесь подчеркивает не просто функциональность, но почти эмоциональную синхронизацию корабля и команды.

«The Sophie lay there unmolested, putting herself to rights all through that sunny gentle day, as busy as a hive, watchful, prepared, bristling with pugnacity» («Софи» нежилась в лучах солнечного дня, приводя себя в порядок) [P. O'Brian, 1972: 141].

В этом примере патриотизм олицетворен в образе корабля как идеально организованного организма. Он всегда в состоянии постоянной профессиональной готовности. Корабль *«приводит себя в порядок»* – персонификация и олицетворение показывают самодостаточность, внутреннюю дисциплину и постоянную боевую готовность корабля. Корабль предстает не как бездушное судно, а как олицетворенный патриотический организм – идеальный служащий Английского флота. Как уже отмечалось в разделе 2.3, данный пример репрезентирует коллективный патриотизм. Однако в рамках анализа олицетворения нас интересует его специфика: коллективный субъект здесь представлен не через образ толпы или народа, а через метафорическое уподобление корабля живому организму. Сравнение с ульем (*«as busy as a hive»*) подчеркивает коллективный, целеустремленный труд, лишенный суеты. Ключевые эпитеты – *«watchful, prepared, bristling with pugnacity»* – прямо наделяют корабль качествами бойца – патриота, который всегда на страже интересов родины. Через олицетворение корабля патриотизм репрезентирует практическое, деятельное состояние служения, воплощенное в идеальном порядке, самодисциплине и постоянной боевой готовности военного организма. Это образ корпоративного, профессионального патриотизма, свойственного морской традиции.

Олицетворения у Л.Н. Толстого и П. О'Брайана раскрывают контрастные модели патриотизма. У П. О'Брайана они служат созданию образа корабля как идеального механизма, где технические детали наделяются человеческими чертами, чтобы подчеркнуть профессиональную слаженность и корпоративный дух. Л.Н. Толстой же использует олицетворения для онтологизации войны, наделяя ее чертами живого, своевольного существа. Если английский автор создает технизированную картину, где олицетворения

конкретизируют деятельность, то русский писатель раскрывает через них метафизическую природу войны как стихии, неподконтрольной человеку. Это различие отражает расхождение национальных картин мира: рационально-прагматический подход против экзистенциально-философского, где война обладает душой и волей.

- **Аллегория** в романе «Война и мир» не представлена, в романе «Командир и штурман» занимает 0,8% (3 единицы) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

«...he had known often enough, in former years - the contained *look of a fox* about to do something utterly insane» (взгляд лиса) [P. O'Brian, 1972: 113].

В этом примере патриотизм раскрывается как профессиональная одержимость и готовность к иррациональному риску во имя долга. Сравнение с лисом, «готовым на безумство», лишает патриотизм ореола возвышенной жертвенности. Вместо этого он предстает как расчетливая, почти инстинктивная агрессия, ставшая частью профессиональной природы военного. Это патриотизм как ремесло: долг выполняется не через эмоциональный порыв, а через холодную готовность к опасному, внешне «безумному» действию, которое является частью служебного расчета и мастерства. Чувство долга растворено в профессиональном инстинкте, где риск – естественная часть работы.

П. О'Брайан через лаконичные, но емкие аллегорические образы создает систему социальных кодов, отражающих иерархические отношения и личные качества персонажей. В его военно-морской культуре патриотизм проявляется не через эмоциональные декларации, а через верность корпоративным ценностям и профессиональному долгу, выраженным опосредованно – через символику аллегорий.

- **Гипербола** в романе «Война и мир» составляют 0,7% (13 единиц), в романе «Командир и штурман» также – 0,8% (3 единицы) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

«*You get into a fine flow of patriotic fervour – you are ready to plunge into the thick of the battle – and you are asked to sign this sort of thing*» (Вас охватывает прилив патриотических чувств, вы готовы ворваться в самую гущу боя) [P. O'Brian, 1972: 49].

«*There I was, worrying. . . ha, ha. . . such a neat little brig- know her well. . . ha, ha. . . should have thought myself the happiest of men with the command of the sheer-hulk, or the Vulture slop-ship*» (я считал бы себя самым счастливейшим из смертных, получив под свое командование какое-нибудь захудалое суденышко) [P. O'Brian, 1972: 4].

В этих примерах патриотизм – это живой порыв, который система пытается облечь в бюрократические формы, и одновременно – ироничное смирение, где истинная преданность проявляется в готовности служить даже на незаметном посту. Это патриотизм без пафоса: как искреннее чувство, сталкивающееся с рутинной, и как верность долгу, а не статусу.

Гипербола у П. О'Брайана, несмотря на минимальное использование, служит инструментом психологического усиления, подчеркивая абсолютную преданность службе и максимальную эмоциональную вовлеченность персонажей в военный долг. В отличие от эпического размаха гипербол Л.Н. Толстого, П. О'Брайан использует преувеличение для индивидуализации переживаний, создавая контраст между обыденностью службы и исключительностью патриотического порыва, где даже минимальная возможность участия в войне воспринимается как высшее счастье.

- **Градация** в романе «Война и мир» составляют 0,5% (9 единиц), в романе «Командир и штурман» – 1,7% (6 единиц) от общего числа всех средств выразительности в каждом художественном тексте.

Автор романа «Командир и штурман» использует градацию для того, чтобы показать последовательность, постепенность действий. Каждое последующее слово усиливает значение предыдущего, нарастает эмоциональное напряжение. При помощи градации создается определенное

впечатление. В данном художественном произведении это достигается с помощью описания боевых сражений.

«So instead of boarding we passed under her stern: her mizen went by the board with the shock, and *we flew to the guns and poured in a raking broadside*» (мы кинулись к пушкам и дали по нему бортовой залп) [Р. О'Бриан, 1972: 47].

В данном примере градация создает эффект стремительной последовательности тактических действий. Три глагола образуют нарастающую интенсивность: от маневра (*passed*) к быстрому перемещению (*flew*) и кульминационному действию (*poured*). Это отражает идеальную слаженность и профессиональную точность экипажа в бою. Патриотизм здесь – это безупречная работа боевого механизма. Чувство долга проявляется не в словах, а в мгновенном, точном и слаженном действии всей команды как единого организма. Это патриотизм-профессионализм, где верность Отечеству доказывается мастерством и эффективностью в выполнении задачи.

«But he was bitterly disappointed: *a twelve-pound ball could pierce at five hundred yards: it could send up a shower of lethal splinters, carry away a yard, do great execution*» (пробить отверстие двенадцати фунтовым ядром, осыпать ливнем смертоносных осколков, разmozжить рей, нанести большой урон) [Р. О'Бриан, 1972: 29].

В этом примере градация достигает пика разрушительной силы: от точечного повреждения (*pierce*) к массовому поражению (*shower of lethal splinters*), затем к структурному разрушению (*carry away a yard*) и финальной тотальной оценке ущерба (*do great execution*). Каждая последующая ступень усиливает масштаб разрушений, создавая нарастающий эффект мощи и точности артиллерийского огня. Патриотизм здесь – это профессиональная ярость и расчет. Чувство долга проявляется как стремление к максимальной разрушительной силе орудия. Это патриотизм эффективности, где служение измеряется не жертвенностью, а технической способностью «пробивать», «разmozжить» и «нанести урон».

Градация у П. О'Брайана служит не эпическому нарастанию, как у Л.Н. Толстого, а созданию технически выверенной динамики военных действий. Она подчеркивает не эмоциональную напряженность, а профессиональную слаженность и предсказуемую эскалацию боевых операций, что соответствует общей картине войны как сферы компетентности, а не стихийного героизма.

Количественное и процентное соотношение анализируемых единиц представлено в начале второй главы в Таблице 2, а также визуализировано в Приложении (диаграммы 1 и 2).

Романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман» изобилуют различными языковыми средствами, среди которых такие, как сравнение, метонимия, олицетворение, аллегория, градация, антитеза, повтор. Проанализировав языковые средства в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман», мы пришли к выводу о том, что самыми распространенными средствами выразительности является сравнение. Однако, сравнения открыто не выражают чувство патриотизма, они помогают читателю выявить важные, новые, преимущественные свойства в объекте сравнения для их образного представления.

Языковые средства выразительности в обоих романах служат инструментом репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, однако их функции и смысловая нагрузка различны, что отражает ключевые различия в национальных моделях.

В романе Л.Н. Толстого средства выразительности работают на создание коллективного, истинного патриотизма, носящего эксплицитно-эмоциональный характер. Сравнения (армия, как «разъяренный зверь»), олицетворения (ядро, которое «не договорив», шлепнулось) и метонимии (армия, выражающая радость) служат для поэтизации войны, представления ее как стихийной силы, где патриотизм – это всеобщее, надличное чувство. Эти средства подчеркивают жертвенность и духовное единение народа,

актуализируя истинный патриотизм через образы стихийного народного подвига. Антитеза («при самом малом напряжении... самые большие результаты») и градация используются для контрастного выделения масштаба подвига и народного единства, что соответствует модели патриотизма как соборного чувства.

В романе П. О'Брайана средства выразительности формируют модель коллективного, но корпоративного патриотизма, основанного на прагматизме и профессиональном долге, часто выражаемого имплицитно. Сравнения (водяной знак «как скала Гибралтара», столб огня «как кипарис») и олицетворение («счастливый» корабль) не поэтизируют войну, а конкретизируют и рационализируют ее, подчеркивая надежность, точность и эффективность как высшие ценности. Они репрезентируют патриотизм через призму профессиональной компетентности и технического совершенства. Антитеза («горячая голова и холодное сердце») здесь раскрывает не контраст масштабов, а внутренний баланс, необходимый для профессионала, акцентируя рациональный самоконтроль. Градация передает не накал чувств, а слаженную последовательность тактических действий, отражая патриотизм как безупречное исполнение долга в военной сфере.

Итак, языковые средства у Л.Н. Толстого служат для эмоционального и духовного переживания патриотизма как стихийной народной силы, акцентируя его истинность и всенародный характер. У П. О'Брайана те же средства (сравнение, олицетворение) работают на рациональную конкретизацию и профессионализацию этого чувства, репрезентируя концепт PATRIOTISM как корпоративную этику и техническую эффективность в рамках военного служения.

Таким образом, разница в использовании выразительных средств подтверждает различия лингвокультур: русский патриотизм как чувство-порыв и английский патриотизм как долг-компетенция.

2.5. Контекстуальные репрезентанты патриотизма как отражение национальной ментальности

Концептуализация патриотизма в художественном тексте редко сводится к прямой номинации. Особенно это характерно для сложных ментальных образований, каким является концепт ПАТРИОТИЗМ, содержание которого формируется не только семантикой используемых лексических единиц, но и системой ценностей, поведенческих моделей и эмоциональных реакций, воплощенных в повествовании. В рамках лингвокультурологического и когнитивного подходов концепт понимается как многомерная единица сознания, вербализация которой происходит через совокупность языковых средств разных уровней, выступающих его контекстуальными репрезентантами [Джамбаева, 2017: 67].

Анализ таких репрезентантов предполагает выявление не отдельных ключевых слов, а целых высказываний и дискурсивных фрагментов, которые актуализируют различные смысловые слои (когнитивные признаки) концепта. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» патриотизм предстает не как абстрактная доктрина, а как живое, стихийное чувство, пронизывающее все слои общества – от солдата до главнокомандующего. Его языковое воплощение исключительно разнообразно: от прямых деклараций долга и жертвенности до сложных образных структур, передающих эмоциональное и эстетическое переживание войны как общенародного испытания.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо уточнить процедуру идентификации контекстуальных репрезентантов. Вслед за исследователями лингвоконцептологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик) мы понимаем репрезентант как любую языковую единицу (слово, словосочетание, высказывание), которая в данном контексте актуализирует смысловые компоненты (когнитивные признаки) концепта. Отбор примеров, представленных ниже, производился на основе трех взаимосвязанных критериев: семантического (связь с ядром концепта), контекстуально-

смыслового (актуализация признаков концепта в контексте) и аксиологического (наличие оценки). Такой подход позволяет включить в анализ как прямые высказывания о патриотизме, так и косвенные, образные репрезентации, что особенно важно при изучении художественного текста, где прямое название чувства часто уступает место его художественному воплощению.

В данном разделе мы сознательно отказываемся от строгих количественных подсчетов. Это обусловлено природой материала: контекстуальные репрезентанты не всегда поддаются однозначной категоризации и часто выполняют несколько функций одновременно. Задача раздела – выявить и качественно описать основные стратегии имплицитной репрезентации патриотизма, дополнив данные формализованного анализа метафор, эпитетов и фразеологизмов, представленные в разделах 2.1–2.3. Это позволит составить целостное представление о концептуализации патриотизма в творчестве Л.Н. Толстого и П. О’Брайана, где прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные средства репрезентации концепта образуют единую смысловую систему.

В нашей работе мы приводим наиболее яркие репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ, анализируем их с помощью классификации видов патриотизма (Подробнее см. в 1.4).

1. ... и ему понятно стало то, что хотел выразить солдат, говоривший о том, что *всем народом навалиться хотят* [Толстой, 1983, т.3: 169].

2. ... я *принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть* [Толстой, 1983, т.3: 175].

3. *Какое геройство, граф!* [Толстой, 1983, т.3: 175].

4. Это очень основательно: *нельзя позволять грабить свой край ...* [Толстой, 1983, т.3: 181].

5. *Военное сословие самое почетное* [Толстой. 1983, т.3: 185].

6. Эти *дымы выстрелов* и, странно сказать, *звуки их производили главную красоту зрелища* [Толстой, 1983, т.3: 200].

7. ... бум-бум-бум, - отвечали *красивые, твердые, верные звуки* [Толстой, 1983, т.3: 200].

8. ... эти *дымы*, эти блестящие *штыки* и *пушки*, это *движение*, эти *звуки* [Толстой, 1983, т.3: 201].

9. ... *с криком «ура»* бежали солдаты... [Толстой, 1983, т.3: 207].

10. ... толпы бегущих русских солдат, которые, *падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бежали на батарею* [Толстой, 1983, т.3: 208].

11. *Неприятель отбит* на левом фланге и *поражен* на правом фланге [Толстой, 1983, т.3: 218].

12. *Отбиты* везде, за что я *благодарю* бога и *наше храброе войско* [Толстой, 1983, т.3: 219].

13. *Неприятель побежден*, и завтра *погоним его из священной земли русской* [Толстой, 1983, т.3: 219].

14. ... настроение, называемое *духом армии* и составляющее главный *нерв войны* [Толстой, 1983, т.3: 219].

15. ... вытекало не из хитрых соображений, а *из чувства*, которое *лежало в душе* главнокомандующего, так же как и *в душе каждого русского человека* [Толстой, 1983, т.3: 220].

16. ... *назавтра мы атакуем неприятеля...* [Толстой, 1983, т.3: 220].

Некоторые из приведенных здесь примеров уже анализировались в разделе 2.1 в качестве метафор. Если ранее эти примеры анализировались с точки зрения их вклада в построение развернутых метафорических систем, репрезентирующих патриотизм, то теперь фокус смещается на их способность актуализировать концепт ПАТРИОТИЗМ через ситуативный, ассоциативный или ценностный контекст. Один и тот же языковой фрагмент может одновременно выполнять несколько функций: быть метафорой по форме и контекстуальным репрезентантом по своему содержательному вкладу в раскрытие концепта. Таким образом, повторное обращение к примерам не дублирует анализ, а дополняет его, позволяя увидеть полифункциональность языковых средств в процессе художественной концептуализации.

Как уже отмечалось в разделе 2.1, пример 1 репрезентирует метафору коллективного действия, где глагол «навалиться» передает идею стихийной, неодолимой силы народного единства. Однако в рамках анализа контекстуальных репрезентантов нас интересует актуализация концепта ПАТРИОТИЗМ через идею соборности: патриотизм здесь предстает не как индивидуальное чувство, а как всеобщий, стихийный порыв, объединяющий всех без исключения («всем народом»).

Как было отмечено в разделе 2.1, пример 2 репрезентирует риторическую конструкцию, сочетающую декларацию долга («принесу пользу») и высшую степень жертвенности («готов умереть»). Однако в рамках анализа контекстуальных репрезентантов нас интересует прямая номинация ценностных ориентиров: слова «отечество» и «готов умереть» эксплицитно вводят концепт ПАТРИОТИЗМ через идею служения и самопожертвования, что является ядерным признаком данного концепта.

Пример 3 содержит восклицательное предложение, в состав которого входит единица «геройство», означающая «геройское поведение, мужество, храбрость» [Толковый словарь русского языка, 2001: 83]. «Геройство» – это одно из прямых проявлений патриотизма в экстремальных условиях войны. Концепт ПАТРИОТИЗМ реализуется через концепт ГЕРОИЗМ.

Пример 4 выражает отношение русского человека к своей земле, стране, чувство патриотизма, любви к своему краю. Малая родина играет большую роль для каждого русского человека, поэтому отстоять ее, не дать врагу разграбить край – дело чести любого солдата. «Свой край» – синонимично «родине», «отечеству», но с более личной окраской, а конструкция с «нельзя» формирует императив защиты, что является ядром патриотического долга.

Пример 5 имеет положительную коннотацию. Автор проявляет уважение к военному сословию, говоря о том, что это почетно. Военное сословие всегда занимало особое место в обществе, так как именно эти люди зачастую жертвуют своей жизнью, чтобы защитить государство от врагов, проявляя самоотверженность и любовь к своей Родине. «Военное сословие» –

в контексте эпохи прямо ассоциируется со служением Отечеству. «Самое почетное» – прямая положительная оценка, отражающая одну из социальных ценностей, связанных с патриотизмом: высший статус принадлежит тем, кто защищает страну.

В примерах 6, 7, 8 автор восхищается всем, что касается звуков войны и тем, что их производит, используя такие эпитеты, как *красивые* (звуки), *блестящие* (штыки и пушки). Это то, что олицетворяет победу над врагом. Каждый офицер и солдат верит, что результатом войны станет победа. Слово «победа» носит исключительно положительную коннотацию, поэтому все ассоциации, связанные с этим словом также имеют положительное значение. В примере 8 нанизывание образов войны с помощью бессоюзия создает эффект целостного, волнующего и притягательного зрелища. Это репрезентация патриотизма как эмоционального подъема, вызванного масштабом и мощью национального усилия.

Примеры 9, 10 указывают на бесстрашие, воодушевление русских солдат, на их желание ускорить победу «*падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бежали*», сломить врага «*с криком «ура»*». Междометие «ура» имеет для русского народа большое значение. Являясь боевым кличем, объединяет, воодушевляет и придает силы на совершение подвигов во имя Отечества. Характеристики «*весело*» и «*бурно*» для описания атаки под огнем репрезентируют патриотизма как внутреннюю силу, преображающую смертельный бой в проявление высшего жизнеутверждающего духа.

Примеры 11, 12, 13, 16 имеют положительную коннотацию. Видна активная позиция героев, настроенных на победу. В состав примера 12 входит устойчивое словосочетание «*благодарю бога*», которое свидетельствует о духовности русского человека. Единицы «*поражен*», «*побежден*» в примерах 11, 13 имеют сходное значение нанести поражение противнику, победить, выиграть бой, войну, одержать победу. В составе примера 13 словосочетание «*священная земля русская*» указывает на высшее проявление любви человека к родной земле, краю, стране, напрямую обожествляет объект патриотизма,

переводя чувство из плоскости политической в духовную. Это мощнейший репрезентант, обосновывающий жертвенность.

Как уже отмечалось в разделе 2.1, пример 14 репрезентирует анатомическую метафору, уподобляющую армию живому организму, а патриотический дух — его «нерву» (главной жизненной силе). Однако в рамках анализа контекстуальных репрезентантов нас интересует концептуализация патриотизма как коллективного, невербализованного чувства, которое определяет боеспособность армии и исход сражения сильнее, чем тактика или вооружение («главный нерв войны»). Настроение армии автор рассматривает как составляющую духовного подъема, который приведет к победе русский народ. Под духом армии можно понимать высокий моральный дух, патриотизм, беспредельную преданность Родине, сознательное выполнение воинского долга.

В примере 15 автор указывает на созвучие мысли и чаяний о победе всех русских людей, как главнокомандующего, так и каждого русского человека, подчеркивает душевную настрой всего русского народа. В душе каждого русского человека мысль о победе над врагом, не жалея оружия и жизни поддерживалась моральным духом армии, воодушевлением от прежних побед, патриотическими чувствами солдат и всего русского народа. Чувство патриотизма масштабируется от главнокомандующего до «каждого русского человека». Это прямая репрезентация патриотизма как глубинной, внесловной основы национального характера.

В примерах 2, 3, 12 слова *храбрость, отечество, геройство*, в примерах 2, 12, 13, 16 словосочетания *готов умереть, храброе войско, неприятель отбит* прямо репрезентируют концепт ПАТРИОТИЗМ. В примерах 2, 12 исследуемый концепт не только номинируется, но при этом выражается авторская оценка изображаемых событий исторического значения. Главная мысль, заложенная в данных примерах, — принести пользу в сражении ценой жизни — показывает самоотверженность, безусловную любовь к Родине, желание одержать победу, а следовательно, патриотизма.

Представленные примеры можно разделить на две группы:

1. Прямые высказывания (примеры 1-5, 11-16): концепт ПАТРИОТИЗМ вербализуется через лексику служения, долга, жертвы, героизма и прямой оценки.

2. Косвенные, образные репрезентации (примеры 6-10): концепт ПАТРИОТИЗМ передается через эстетизацию войны и описание коллективного духа, что является художественным воплощением патриотического чувства.

Данные примеры являются контекстуальными репрезентантами концепта, так как формируют целостное семантическое поле ПАТРИОТИЗМ через систему взаимосвязанных идей и ценностей.

Таким образом, концепт ПАТРИОТИЗМ репрезентируется в тексте не изолированными лексемами, а разветвленной сетью контекстуальных репрезентантов, которые, взаимодействуя друг с другом, создают его сложное, многогранное языковое воплощение.

Приведем классификацию патриотизма согласно схеме, подробно описанной в разделе 1.4.

Для Л.Н. Толстого в романе «Война и мир», патриотизм – это глубокое, часто невербализованное чувство, общее для всего народа и проявляющееся в храбрых поступках. Данные примеры наглядно это иллюстрируют.

1. По степени вовлеченности:

- Коллективный патриотизм – это чувство единства, общности *«всем народом»*, *«дух армии»*, который, по Л.Н. Толстому, и решает исход сражений. Коллективный патриотизм является доминирующим и представлен наиболее широко. Это прямо соответствует основной идее Л.Н. Толстого о патриотизме.

Пример 1: *«...всем народом навалиться хотят»*. Ключевая мысль *«всем народом»* – архетипическое выражение коллективного патриотизма, идеи народной войны. Пример 14: *«...дух армии, составляющий главный нерв войны»*. *«Дух армии»* – это концептуальное словосочетание, прямо указывающее на коллективное, почти мистическое чувство, объединяющее

солдат. Пример 15: «... из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего, так же как и в душе каждого русского человека». Фраза подчеркивает общность чувства у офицера и простого человека, стирая сословные различия перед лицом общей беды.

- Индивидуальный патриотизм проявляется в личном осознанном выборе и готовности к самопожертвованию.

Пример 2: «... я принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть». Это прямая декларация индивидуальной готовности к высшей жертве. Репрезентант «готов умереть» – максимальное выражение личного патриотического долга. Пример 3: «Какое героичество, граф!». Слово «героичество» здесь оценивает индивидуальный поступок, но важно, что это оценка со стороны, а не внутреннее переживание персонажа.

2. По интенции и восприятию:

- Истинный патриотизм в толстовской трактовке – это естественное, глубокое чувство, выражающееся в конкретных действиях. Примеры 1, 2, 4, 9, 10, 13, 15, 16: Желание *всем миром «навалиться»*, готовность умереть, запрет грабить «свой край», атака с криком «ура», защита «священной земли» – все это проявления деятельного, жертвенного патриотизма, исходящего из глубины народного духа.

- Ложный (показной) патриотизм в данном отрывке явно не представлен, однако общая стилистика примеров (эстетизация войны, патетика) косвенно может отсылать к его критике Л.Н. Толстым в других эпизодах романа (салоны Петербурга). Приведенные цитаты демонстрируют авторскую симпатию к изображаемому чувству.

3. По сфере реализации:

- Военный патриотизм является центральной, практически исключительной сферой репрезентации в данных примерах, что обусловлено военным контекстом эпопеи. Военный патриотизм связан непосредственно с армией, сражениями, защитой страны с оружием в руках. Это одна из центральных тем в данных примерах.

Пример 4: Репрезентант *«свой край»* – это конкретизация отечества, его защита оправдывает военные действия. Пример 5: фраза *«Военное сословие самое почетное»* репрезентирует идеологию военного патриотизма, где ценность человека определяется его принадлежностью к армии. Примеры 6, 7, 8: Описание звуков и вида боя (*«бум-бум-бум»*, *«красивые, твердые, верные звуки»*, *«блестящие штыки и пушки»*). Здесь патриотизм проявляется через эстетизацию войны, восприятие ее как величественного и даже красивого зрелища, что характерно для романтизированного взгляда на военное дело. Примеры 9, 10: *«с криком «ура» бежали солдаты...»*, *«весело и бурно бежали на батарею»*. Лексема *«ура»* – ключевой маркер военного патриотизма. Характерно, что солдаты бегут *весело* – это передает азарт коллективный энтузиазм в атаке. Примеры 11, 12, 13, 16: Официальные реляции и приказы (*«Неприятель отбит...»*, *«Отбиты везде»*, *«погоним его из священной земли русской»*, *«мы атакуем неприятеля»*). Это язык военного патриотизма на уровне командования, полный уверенности, решимости и веры в победу. Словосочетание *«священная земля русская»* показывает объект защиты.

4. По способу языковой репрезентации:

- Эксплицитный патриотизм выражен прямо, через лексику служения, долга и жертвы.

Примеры 1, 2, 3, 4, 5, 11-16: Использование прямой номинации и оценки: *«польза отечеству»*, *«геройство»*, *«нельзя позволять грабить»*, *«самое почетное»*, *«побежден»*, *«храброе войско»*, *«священная земля»*, *«главный нерв войны»*, *«чувство... в душе каждого русского»*.

- ИмPLICITный патриотизм передан косвенно, через эстетизацию и описание коллективного состояния.

Примеры 6, 7, 8, 9, 10: Патриотический пафос и единство выражены не через прямое называние чувства, а через образы и эмоциональную тональность: *«красивые, твердые, верные звуки»*, *«блестящие штыки»*, *«весело и бурно бежали солдаты»*. Здесь патриотизм предстает как общее

воодушевление, преображающее ужас войны в нечто возвышенное и жизнеутверждающее.

Представленные репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ в романе «Война и мир» демонстрируют сложный синтез классификационных типов. Доминирует коллективный, истинный, военный патриотизм, который репрезентируется как эксплицитно (через идею долга и жертвы), так и имплицитно (через поэтизацию общего порыва и силы духа). Этот анализ подтверждает, что художественный концепт у Л.Н. Толстого не сводится к простой декларации, а воплощается в целой системе взаимосвязанных языковых средств, создающих объемный образ народного чувства.

Рассмотрим также репрезентанты, способствующие выражению концепта PATRIOTISM в произведении П. О'Брайана «Командир и штурман».

1. Neither his personal temper nor *his professional code* (кодекс офицерской чести) could patiently suffer an affront... [P. O'Brian, 1972: 7].

2. ... he saw the *Admiralty's watermark* (водный знак Адмиралтейства), the eminently respectable *anchor of hope* (якорь надежды) [P. O'Brian, 1972: 11].

3. *We do not keep fashionable hours in the service*, and I grow so devilish hungry and peevish by then that you will forgive me, I am sure. (На службе мы не развлекаемся) [P. O'Brian, 1972: 8].

4. *The exigencies of the service do not wait upon our pleasure...* (Нужды службы не ждут от нас удовольствия / Тяготы службы несовместимы с удовольствиями) [P. O'Brian, 1972: 36].

5. ... but they all of them had long swinging pigtails and they all had *the indefinable air of man-of-war's men* (неописуемый вид военных людей/особая стать, которая сразу выдавала в них военных моряков) [P. O'Brian, 1972: 38].

6. Then there are your standing officers: *right taut old-fashioned sailormen*, for the most part. (хорошо выполняющие свой долг, бывалые моряки/настоящие военные волки) [P. O'Brian, 1972: 44].

7. That applies only to lieutenants – you go to the Admiralty and they read you a *piece about allegiance and supremacy* and utterly renouncing the Pope; (о

верности и превосходстве империи/соблюдать верность трону, о могуществе империи) [P. O'Brian, 1972: 53].

8. The subjects of his inquiry shut up together, unable to escape his gaze, *their passions heightened by the dangers of war, the hazards of their calling*, their isolation from women and their curious, but uniform, diet. (их страсти, повышаемые опасностями войны, опасности их призвания/их страсти, усиленные опасностями войны) [P. O'Brian, 1972: 68].

9. And by *the glow of patriotic fervour*, no doubt. (светом патриотического пыла/пламя патриотизма, пылающее в их сердцах) [P. O'Brian, 1972: 72].

10. But whether they can or not, the box can be made a little more *like a fighting vessel – more like a real man-of-war*. (как боевое судно – как настоящие военные моряки / настоящее военное судно) [P. O'Brian, 1972: 94].

11. Mr Watt, *this is a King's ship*, not the Margate hoy. (это корабль Его Величества) [P. O'Brian, 1972: 98].

12. *Without there is a good understanding between the officers a ship cannot be happy: and a happy ship is your only good fighting ship...* (без взаимопонимания между офицерами корабль не может быть удачливым: удачливый корабль – это хороший боевой корабль... / без взаимопонимания между офицерами удачи не будет. Удачливое судно – это хорошее боевое судно) [P. O'Brian, 1972: 112].

13. *'Well done, well done!'* cried Jack (хорошо сделано, отличная работа! – воскликнул Джек / вы молодцы! – воскликнул Джек) [P. O'Brian, 1972: 129].

14. It was a *noble piece of work* (это была славная работа) [P. O'Brian, 1972: 138].

15. Let us drink to the *renewed success of Irish arms*, and confusion to the Pope (давайте выпьем за новый успех ирландского оружия) [P. O'Brian, 1972: 156].

16. *'Lord, what a pretty action that was,'* said Jack... (Господи, это был прекрасный бой / клянусь Господом, это был славный бой) [P. O'Brian, 1972: 167].

В примерах 1 и 2 слова «*professional code*» (кодекс офицерской чести) и «*Admiralty's watermark*» (знак Адмиралтейства) указывают на государственную принадлежность, что само по себе означает приверженность стране, гордость за государство, чувство любви и преданности своей стране. Эти примеры репрезентируют патриотизм не как абстрактную любовь к родине, а как систему строгих личных и профессиональных этических норм. Защита чести является обязательным условием для исполнения долга перед короной.

Пример 3 демонстрирует серьезное отношение к своему делу, к службе на флоте, ответственность за выполняемую работу. Военные моряки ведут сражения на море, постоянно подвергаясь опасности, поэтому они всегда в состоянии готовности устремиться в бой за очередным подвигом. Патриотизм здесь – это сознательный отказ от комфорта и удовольствий ради выполнения долга.

Пример 4 подтверждает нелегкую участь моряков, испытывающих тяготы и нужды, которые, разумеется, несовместимы с удовольствиями и развлечениями. Однако они не жалуется на свою судьбу, они выполняют свой долг перед государством, в любую минуту готовые начать бой. Эта сентенция прямо формулирует один из ключевых компонентов концепта: интересы службы («*the service*») абсолютны и безусловны. Личное «*pleasure*» (удовольствие) должно быть подчинено им.

В примере 5 в словах автора просматривается уважение к военным людям, подтверждая это словами «*indefinable air*» (неописуемый вид); он гордится тем, что его герой также относится к этому сословию. Упоминание особой «*статуи*» военных моряков репрезентирует патриотизм через принадлежность к профессиональной касте.

В примере 6 автор показывает любовь и уважение к морякам, используя определения «*right taut*» (хорошо выполняющие свой долг), «*old-fashioned*» (бывалые), которые связывают патриотизм с высочайшим уровнем мастерства и верностью устоявшимся, проверенным нормам. Автор рисует моряков

ответственными, сильными, смелыми, готовыми в любой момент начать бой. Они настоящие герои, которым присущи патриотические чувства.

В примере 7 автор передает словами героя свое чувство гордости за страну, говоря о верности своей стране, о ее превосходстве и могуществе. Тем самым автор открыто говорит о патриотизме, показывая любовь к своей стране и гордость за ее успехи, репрезентируя патриотизм как юридически оформленную и ритуально подтверждаемую преданность, при этом он использует единицы «*allegiance*» (верность) и «*supremacy*» (верховенство короны).

Пример 8 выражает уважительное отношение к военным морякам, считая их службу очень сложной и опасной, так как им приходится сталкиваться с трудностями войны. «*hazards of their calling*» (опасностей призвания) раскрывает патриотизм как принятие смертельного риска в качестве неотъемлемой части профессии и долга.

Пример 9 открыто показывает чувство патриотизма, которое присуще военным морякам и офицерам, при этом используются такие слова как «*glow*» (свет), «*patriotic fervour*» (патриотический пыл/пламя), указывающие на эмоциональную, воодушевляющую составляющую концепта.

Примеры 10 и 11 – это проявление гордости, как за корабль, так и за страну. По контексту можно различить чувства гордости за страну, уважение к кораблю и его принадлежности, тем самым указывая на открытый патриотизм, любовь к своему делу. Корабль («*a real man-of-war*», «*a King's ship*») является микрокосмом Отечества. Забота о его боеспособности и поддержании его статуса тождественна службе короне и нации.

Пример 12 говорит о том, что для того, чтобы боевому, военному кораблю сопутствовала удача в плавании и бою, необходимо взаимопонимание и взаимоуважение между офицерами и моряками. Только здоровая атмосфера среди военного состава может способствовать успешному бою, патриотическим чувствам и стремлению к победе.

Примеры 13, 14, 16 имеют положительную коннотацию и говорят о том, что была проделана отличная работа, проведен славный/«*noble*», прекрасный/«*pretty*» бой. В примере 13 автор показывает читателям свою радость, воодушевление, указывает на значимость завершившегося победой боя, используя восклицательное предложение. В примере 16 присутствует слово «*Lord*» (Господь), то есть обращение к Господу, его упоминание. Оценочные высказывания, восхваляющие успешно выполненную боевую работу, репрезентируют концепт PATRIOTISM через профессиональную гордость и эстетическое восприятие эффективных военных действий.

Пример 15 выражает надежду на повторение успешного боя, победы, завоевания. Герои готовы к новым подвигам, они воодушевлены успешным ходом сражений, наслаждаясь маленькими победами и стремящиеся к более и более значимым схваткам. Этот тост репрезентирует более сложный, многоуровневый патриотизм, где региональная идентичность («*Irish arms*») не противоречит, а вписывается в общеимперский контекст и служение общему делу.

Примеры 3 и 4 объединяет серьезный настрой на тяжелую работу, которая несовместима с какими-либо удовольствиями. На службе нет места развлечениям, однако, есть долг, честь, смелость, стремление к победе как неотъемлемые составляющие патриотизма.

В примерах 5, 6, 8 автор высоко оценивает военных моряков, отмечая их опасную и тяжелую работу, использует слова «*man-of-war's men*»/«военные моряки», «*right taut, old-fashioned*»/«настоящие военные волки», «*dangers of war*»/«опасности войны». Таким образом, автор придает значимости своим героям, наделяя их силой, смелостью, воодушевляет рядовых военных моряков совершать новые подвиги, проявляя чувство патриотизма.

Концепт PATRIOTISM в произведении П. О'Брайана реализуется не в громких лозунгах, а в профессиональном кодексе, корпоративном духе и преданности своему делу, кораблю и нации.

Таким образом, контекстуальными репрезентантами концепта выступают не столько слова, обозначающие эмоции, сколько термины, идиомы и высказывания, описывающие профессиональную культуру, корпоративную этику и ритуалы, через которые и реализуется преданность британской короне и империи.

Представленные примеры можно разделить на две группы:

1. Прямые высказывания (эксплицитные): Примеры 7 (клятва верности), 9 («*patriotic fervour*»), 15 (тост). В этих примерах концепт PATRIOTISM назван или прямо декларирован.

2. Косвенные, образные репрезентации (имплицитные): Примеры 1-8, 10-14, 16. Патриотизм представлен через служение кораблю, флоту, короне и профессиональному кодексу, что является синонимом служения нации. Он проявляется в действиях, этике и профессиональной гордости.

Рассмотрим данные примеры, применив классификацию видов патриотизма.

1. По степени вовлеченности:

Коллективный патриотизм проявляется как чувство общности, корпоративный дух («*дух корабля*»), который является ключевым для боеспособности. Пример 5: «... the indefinable air of *man-of-war's men*» (неописуемый вид военных моряков) – ключевая фраза, описывающая коллективную идентичность, особую породу людей, объединенных службой. В примере 6: «...*right taut old-fashioned sailormen*...» (бывалые, испытанные моряки) слово «*taut*» (натянутый, как трос; собранный, дисциплинированный) передает коллективный идеал профессионализма. В примере 12: «...a *happy ship* is your only good fighting ship...» («счастливый»/«сплоченный корабль» – это хороший боевой корабль). PATRIOTISM напрямую связан с гармонией и взаимопониманием внутри коллектива.

Индивидуальный патриотизм выражается через личный кодекс чести, профессиональную гордость и готовность соответствовать высокому стандарту. В примере 1: «Neither his *personal temper* nor his *professional code*

could patiently suffer an affront...» (личное достоинство и кодекс офицерской чести) лексема «*professional code*» – основа индивидуального патриотизма офицера. Защита чести – это долг перед собой и своей профессией. Пример 13: «'Well done, well done!' cried Jack» (Молодцы! Отличная работа!). Одобрение командира – это признание индивидуальных и коллективных усилий, мотивирующее на дальнейшую службу. В примере 14: «It was a *noble piece of work*» (Славная / благородная работа) оценка «*noble*» (благородный) возводит качественно выполненную работу в ранг моральной и патриотической доблести.

2. По интенции и восприятию:

Истинный патриотизм в данном контексте – это прагматичный, деятельный патриотизм, основанный на долге, чести и профессиональном мастерстве. Он лишен пафоса, но наполнен внутренней убежденностью. Примеры (1-8, 10-16): Истинность подтверждается готовностью к лишениям (*we do not keep fashionable hours in the service/на службе мы не развлекаемся*), принятием риска (*their passions heightened by the dangers of war, the hazards of their calling/их страсти, повышаемые опасностями войны, опасности их призвания/их страсти, усиленные опасностями войны*), гордостью за профессию (*right taut old-fashioned sailormen/настоящие военные волки*), заботой о боеспособности корабля (*without there is a good understanding between the officers a ship cannot be happy/без взаимопонимания между офицерами удачи не будет*) и оценкой конкретных результатов (*noble piece of work /это была славная работа*).

Ложный (показной) патриотизм в явном виде не представлен, однако сама стилистика сдержанности и дела служит его антитезой. Патриотизм, показанный П. О'Брайаном, принципиально не показной.

3. По сфере реализации:

Военный патриотизм составляет основу всего повествования. Это патриотизм, опирающийся на военно-морскую мощь, традиции и боевой дух флота. Пример 2: «...the Admiralty's watermark, the eminently respectable *anchor*

of hope» (Якорь надежды). «*Anchor of hope*» – это мощная фраза, символизирующая военно-морскую мощь Англии как опору и защиту нации. Пример 10: «... the box can be made a little more like a *fighting vessel* – more like a *real man-of-war*» (боевое судно, настоящий военный корабль). Стремление к идеалу боевого корабля – практическое воплощение военного патриотизма. Пример 11: «... this is a *King's ship*...» (Корабль Его Величества). Это ключевая лексема, постоянно повторяющаяся в романе. Она напоминает, что корабль – это не просто судно, а плавучий кусочек государства, символ власти и суверенитета короны. Пример 16: «'Lord, what a *pretty action* that was,' said Jack...» (Славный/прекрасный бой). Эстетизация боя («pretty» – красивый, удачный) характерна для профессионального восприятия военных, где ценятся мастерство и доблесть.

Бытовой патриотизм – это самая яркая черта патриотизма у П. О'Брайана. Он растворен в повседневной службе, рутине, дисциплине и профессионализме. Пример 3: «'We do not keep *fashionable hours* in the service...» (На службе мы не следуем светским часам). Патриотизм – это аскетизм и отказ от светских удовольствий ради дела. Пример 4: «The *exigencies of the service* do not wait upon our pleasure...» (Тяготы/требования службы не ждут нашего удовольствия). Это прямое определение сути обыденного патриотизма – подчинение личных интересов долгу. Пример 8: «... their passions heightened by the *dangers of war*, the *hazards of their calling*...» (опасности войны, риски их призвания). Патриотизм здесь – это принятие опасности и лишений как неотъемлемой части профессии.

4. По способу языковой репрезентации:

Имплицитный патриотизм – это основной способ репрезентации. Отношение к родине почти никогда не называется прямо, а выводится из системы ценностей и действий.

Данный вид патриотизма представлен в следующих примерах: 1-8, 10-12, 15. PATRIOTISM заключен в понятиях профессиональной чести («*professional code*»), абсолютного приоритета службы («*exigencies of the*

service»), принадлежности к элитной корпорации («*indefinable air of man-of-war's men*»), верности короне («*a King's ship*», «*allegiance*») и корпоративной эффективности («*a happy ship is your only good fighting ship*»).

Эксплицитный патриотизм встречается редко и, как правило, в сдержанной или ритуальной форме. Примеры 7, 9, 15: Прямое упоминание «*allegiance and supremacy*» связано с официальной процедурой, «*patriotic fervour*» звучит в несколько ироничном контексте, а тост «*to the renewed success of Irish arms*» – это ритуал.

Патриотизм в романе П. О'Брайана – это, прежде всего, коллективный, истинный, военный патриотизм, репрезентированный имплицитно через детально прописанную профессиональную и корпоративную культуру Королевского флота. Это соответствует выявленной ранее особенности английской языковой картины мира, где патриотизм понимается как преданность системе, долгу и институтам, а не как открытое эмоциональное переживание.

Сравнительный анализ романов Л.Н. Толстого и П. О'Брайана выявляет различия в репрезентации патриотизма, отражающие уникальные особенности русской и английской лингвокультур. В произведении Л.Н. Толстого патриотизм предстает как эмоционально-духовное чувство, рождающееся из всенародного единения перед лицом общей угрозы и священной связи с «*землей русской*». Это чувство получает яркую, часто эксплицитную вербализацию через лексику жертвенности, героизма и коллективного порыва. Напротив, в романе П. О'Брайана патриотизм лишен пафоса и осмысливается как рациональный, корпоративный долг, реализуемый через безупречное следование профессиональному кодексу, верность институтам Короны и Адмиралтейства. Он репрезентируется преимущественно имплицитно – через этику службы, лексику морского дела и идеал слаженного экипажа как микромоделю нации. Таким образом, если у Л.Н. Толстого патриотизм есть выражение «широты души» и соборного чувства, то у П. О'Брайана – это сдержанная и прагматичная преданность системе. Данное сопоставление на

художественном материале убедительно подтверждает вывод о том, что концепт ПАТРИОТИЗМ является культурно-обусловленным феноменом, чьи языковые воплощения непосредственно отражают ценностные доминанты и исторический опыт национального сознания.

Выводы по главе 2

Проведенный во второй главе анализ процессов концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман» позволяет сформулировать следующие выводы. Исследование показало, что формирование художественного концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в каждом из произведений осуществляется через сложное взаимодействие языковых средств и репрезентантов: метафор, эпитетов, фразеологизмов, сравнений, антитезы, повторов и других приемов, которые в совокупности создают уникальную для каждого автора модель патриотического сознания.

1. Метафора является одним из основных способов создания концептов в языковой картине мира и отражает фундаментальные культурные ценности, так как основана на культурно-национальном мировидении.

Метафоры у Л.Н. Толстого носят космогонический, эпический характер («*море войск*», «*потоп огня*»), создавая образ истории как стихийного процесса. У П. О’Брайана метафоры техничны и функциональны («*a tongue of flame/языки пламени*», «*shelter of this silence/щит молчания*»), подчеркивают профессиональную сторону службы и долга.

В романе «Война и мир» среди тематического параметра метафор наиболее продуктивно в произведении представлена пространственная метафора (41,4%). Самый частотный вид метафор по семантическому параметру – количественные метафоры (56%). При анализе структурного параметра метафор выявлено, что широко представлены в романе простые метафоры (74,6%). Практически все исследованные метафоры являются

образными (98,7%). Анализ контекстуального параметра метафор показал, что более продуктивно в романе представлена замкнутая метафора (94,6%).

В романе «Командир и штурман» среди тематического параметра метафор самой распространенной метафорой является природная метафора (57,1%). Наиболее употребительными по семантическому параметру стали количественная и звуковая метафоры (по 50%). Все проанализированные метафоры являются образными (100%). Самой частотной метафорой по структурному параметру является простая метафора (51,3%). Среди контекстуального параметра самой продуктивной является замкнутая метафора (62,2%).

2. Эпитеты у Л.Н. Толстого передают эмоциональную интенсивность и духовную напряженность («пламенная любовь», «священная земля»). У П. О'Брайана они создают атмосферу профессионального достоинства и сдержанной эффективности («*prime seamen/отборные матросы*», «*a happy ship/сплоченный корабль*»).

3. Фразеологические единицы отражают национальное самосознание народа, его культурную общность в воспроизведении обыденного менталитета, так как они являются золотой «крупницей русской мысли», передаваемой от поколения к поколению.

Фразеологизмы у Л.Н. Толстого раскрывают внутренний мир персонажей и народную этику («исполнять долг», «всей душой»). У П. О'Брайана они немногочисленны и служат для изображения внешней дисциплины и иерархии («*kept well in check/держат в ежовых рукавицах*»).

Наиболее продуктивными структурными моделями у Л.Н. Толстого являются фразеологизмы-словосочетания (52,6%), а семантическими – процессуальные фразеологизмы (61,4%), что отражает динамику народного движения и внутренних переживаний. У П. О'Брайана структурное разнообразие фразеологизмов минимально, что соответствует более узкому, профессиональному кругу тем.

4. Проанализировав репрезентанты патриотизма, мы выявили, что Л.Н. Толстой использует слова и выражения, ярко его характеризующие. В произведении П. О'Брайана чувство патриотизма не выражается открыто, автор использует контекстуальные репрезентанты, чтобы показать этику службы, особенности морского дела и идеал слаженного экипажа как микромоделей нации.

5. Анализ других средств выразительности (сравнений, олицетворений, антитезы, анафоры, повторов, метонимии, гиперболы, градации, аллегии) показывает, что они, хотя и уступают по частотности метафорам, эпитетам и фразеологизмам, выполняют важную вспомогательную функцию, усиливая эмоциональное воздействие и создавая многомерный художественный образ патриотизма. Так, сравнения у Л.Н. Толстого уподобляют армию стихийным силам природы («как разъяренный зверь»), а у П. О'Брайана подчеркивают надежность и точность («*as the rock of Gibraltar/как скала Гибралтара*»). Олицетворения у Л.Н. Толстого одушевляют саму войну, у П. О'Брайана – корабль как «малую родину». Антитеза, анафора и другие средства работают на создание контраста между истинным и ложным патриотизмом у Л.Н. Толстого или между внешними обстоятельствами и внутренней стойкостью у П. О'Брайана.

Таким образом, средства выразительности помогают раскрыть особенности концептуализации патриотизма в романах, показать героизм и мужество народа. Важную роль в романе «Война и мир» играет описание русского духа, соборности русского народа, которые дают представление о картине мира русского человека; в романе «Командир и штурман» – общность народа и сплоченность героев при защите родины от врагов на море.

Анализ языковых средств в двух романах позволяет сделать вывод о принципиальном различии в художественном воплощении патриотизма.

1. В русской традиции, представленной Л.Н. Толстым, патриотизм понимается как стихийное, основополагающее чувство, глубоко укорененное

в народном сознании. Это патриотизм-судьба, проявляющийся в жертвенности, соборности и метафизической связи с родной землей.

В английской традиции, представленной П. О'Брайаном, патриотизм предстает как рациональный, профессиональный долг – патриотизм-ремесло, основанный на корпоративной солидарности, профессиональной дисциплине и техническом мастерстве.

2. В обоих романах коллективный патриотизм представлен шире других видов, но понимается по-разному: у Л.Н. Толстого – как стихийное единство народа перед лицом исторической судьбы, у П. О'Брайана – как корпоративная солидарность военного сообщества.

Индивидуальный патриотизм у Л.Н. Толстого проявляется через нравственные искания и личное прозрение героев, у П. О'Брайана – через профессиональную компетентность и исполнение долга.

3. Художественные системы двух авторов выступают как «зеркала» национальных культур: русской – с ее устремленностью к соборности, духовности и метафизическому осмыслению истории, и английской – с ее прагматизмом, культом профессионализма и рациональной организацией.

Выявленные различия в метафорических системах и типах патриотизма находят свое объяснение в фундаментальных ценностных доминантах двух культур. Русская культура, с ее приоритетом соборности, эмоциональной открытости и сакральным отношением к пространству, формирует у Л.Н. Толстого модель «патриотизма-судьбы». Здесь коллективное (народ) первично, а индивидуальное нравственное искание есть путь к обретению этой первичной истины. Даже военные действия метафорически осмысляются как стихийные природные процессы (потоп, огонь, нарастание), подчеркивая неконтролируемость и онтологичность патриотического чувства.

Английская культура, основанная на ценностях индивидуализма, прагматизма и институционального порядка, порождает у П. О'Брайана модель «патриотизма-ремесла». Коллективизм здесь носит функциональный, корпоративный характер: это добровольное объединение профессионалов

(экипаж) для эффективного выполнения задачи. Патриотизм реализуется через точное следование кодексу, мастерство и контроль, что находит отражение в технизированных и функциональных метафорах. Кажущийся парадокс – наличие коллективизма в индивидуалистской культуре – разрешается при различении эмоционально-духовной соборности (Россия) и рационально-инструментальной корпоративности (Англия)».

Таким образом, проведенный анализ подтвердил, что концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, будучи универсальным, получает принципиально разное художественное воплощение в русской и английской литературных традициях, отражая глубинные различия в процессах концептуализации, национальном мировидении и культурных кодах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческое событие мирового значения, глубокие основы национальной и культурной жизни страны, народные массы, приведенные в движение ходом истории, богатство русского и английского языков – все это воплотилось на страницах романов Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О’Брайана «Командир и штурман». Анализ художественного воплощения исторических событий, национального духа и языкового богатства в исследуемых романах проводился на основе комплексного подхода к патриотизму как к концепту, объединяющему три ключевых аспекта. Как лингвокультурный концепт, он отражает систему ценностных ориентаций национального сознания; как аксиологический – является носителем высших ценностей служения и долга; как художественный – представляет собой индивидуально-авторскую модель, вербализованную в ткани литературного произведения. Разработанная в теоретической главе классификация видов патриотизма (коллективный/индивидуальный, истинный/ложный, военный/бытовой, эксплицитный/имплицитный) послужила важным инструментом для систематизации и интерпретации его репрезентаций.

В первой главе уточнены ключевые понятия исследования. Концептуализация в художественном тексте была определена как динамический процесс ментальной обработки и языковой репрезентации информации, результатом которого становится художественный концепт – ментальная единица, синтезирующая общезначимые культурные ценности и индивидуально-авторское мировосприятие. Введенное понятие концептосферы (по Д.С. Лихачеву) дало возможность определить место концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в индивидуально-авторских картинах мира Л.Н. Толстого и П. О’Брайана. Полевая модель концепта (ядро, ближняя периферия, дальняя периферия) позволила разграничить универсальные смыслы, зафиксированные в лексикографии, национально-культурные особенности, выявленные в языковых картинах мира, и

индивидуально-авторские смыслы, ставшие предметом анализа во второй главе.

Лексикографический анализ показал, что универсальное ядро концепта составляют любовь к родине, преданность, готовность к защите, однако в русской традиции акцент делается на чувстве и народе, а в английской – на деятельной поддержке и защите интересов. Сопоставление языковых картин мира выявило ценностные доминанты, предопределяющие различия в концептуализации патриотизма: коллективизм и эмоциональность в русской культуре и индивидуализм и сдержанность в английской.

Художественные задачи авторов – показать истинный патриотизм русского народа в «Войне и мире» и героизм британских моряков в «Командире и штурмане» – реализуются через репрезентацию патриотизма не в абстрактных дефинициях, а в конкретном контексте произведения: в поступках, диалогах, описаниях сражений и внутренних переживаниях персонажей, что подчеркивает его событийную и образную природу как художественного концепта.

В основе репрезентации художественного концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» лежит военная семантика. А основными составляющими концепта являются готовность служить интересам государя и Отечества, героизм, проявленный во время сражений, защита родины. Проанализировав контекстуальные репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM, мы пришли к выводу о том, что Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» использует репрезентанты, ярко характеризующие патриотизм, открыто говорит о патриотизме русского народа, прямо выражает свое патриотическое отношение к войне, к стране, к русским людям. В произведении П. О’Брайана «Командир и штурман» автор использует небольшое количество репрезентантов, напрямую ассоциирующихся с патриотизмом, чувство патриотизма не выражается открыто, оно передается через настроение, общее

представление о патриотизме, через чувства героев, их восприятие окружающего мира.

Концепт ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM представлен в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» различными языковыми средствами, среди которых эпитет, сравнение, метонимия, олицетворение, аллегория, градация, антитеза, повтор. Но наиболее полно раскрывают его специфику эпитеты, метафоры, фразеологизмы.

Анализ метафор показал, что в романе «Война и мир» наиболее частотной является пространственная метафора, продуктивность которой обусловлена тем, что с помощью данных метафор автор изображает пространство исторических сражений, в которых и проявляется истинный патриотизм русского народа. В романе «Командир и штурман» самой распространенной является природная метафора, через которую автор передает тревожное состояние героев, их желание и готовность бороться с врагом, не жалея сил. Количественные метафоры помогают передать масштаб исторических событий, огромное количество людей, которые принимали в них участие. Звуковые метафоры выражают звуки войны, шум, гул орудий, выстрелы.

Поскольку материалом для нашего исследования служат тексты художественных произведений, практически все метафоры в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» являются образными, не утратившими метафорической двуплановости. Это обусловлено тем, что использование образных метафор помогает раскрыть индивидуально-авторский способ выражения исследуемого концепта в романах, воплотить через художественный текст, наряду с общепринятыми знаниями, частные, даже уникальные, составляющие данного концепта.

При анализе структурных типов метафор в исследуемых романах выявлено, что наиболее продуктивно представлены простые метафоры. Особо следует отметить использование Л.Н. Толстым в романе развернутой метафоры, которая подчеркивает своеобразие стиля автора, создает ощущение

эмоционального подъема за счет увеличения количества слов-носителей метафорического образа.

На основании проведенного анализа был сделан вывод, что использование метафор дает возможность авторам изобразить масштаб исторических событий, мужество и силу, проявленные солдатами и моряками во время наполеоновского нашествия, создать яркие образы, передать дух войны.

Анализируя семантические особенности фразеологических единиц, мы вслед за А.М. Чепасовой, выделили пять семантических классов фразеологизмов: процессуальные, качественно-обстоятельственные, атрибутивно-предикативные, предметные и количественные.

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы являются одним из основных способов создания исследуемого концепта в романе Л.Н. Толстого. Наиболее широко в романе «Война и мир» представлены процессуальные фразеологизмы, позволяющие создать ощущение непрерывного движения, действия, передать внутренние переживания героев, их отношение к совершающимся событиям. Фразеологические единицы раскрывают специфику концепта ПАТРИОТИЗМ в романе «Война и мир», так как именно они выражают мысль народа, передают особенности национальной речевой культуры, показывают решающую роль народа в историческом процессе.

Наиболее широко в романах «Война и мир» и «Командир и штурман» представлены процессуальные фразеологизмы. Процессуальные фразеологизмы позволяют создать ощущение непрерывного движения, действия, передать внутренние переживания героев, их отношение к совершающимся событиям.

Проведенный анализ языковых средств подтвердил выдвинутую гипотезу о принципиально разных стратегиях вербализации художественного концепта в исследуемых произведениях.

У Л.Н. Толстого художественный концепт вербализуется через сложную систему метафор, создающих многомерные образы, и фразеологизмов, отражающих народную этику и психологию. Ключевыми являются пространственные и количественные метафоры, подчеркивающие эпический масштаб и стихийность народного движения. У П. О'Брайана доминирует прямая номинация ценностей долга и чести, а метафоры носят технизированный, функциональный характер. Преобладают природные метафоры, визуализирующие обстановку морского боя. Фразеологизмы немногочисленны и связаны с поддержанием дисциплины и субординации.

Проведенное исследование позволило выявить принципиальные различия в концептуализации патриотизма в романах Л.Н. Толстого «Война и мир» и П. О'Брайана «Командир и штурман», обусловленные как национально-культурной спецификой, так и индивидуальными авторскими стратегиями.

В романе «Война и мир» патриотизм предстает как стихийное, всеобъемлющее чувство, укорененное в «душе народа». Это «патриотизм-судьба», проявляющийся в жертвенности, соборности и метафизической связи с родной землей. Его ядро составляет народная мысль, а высшей формой является стихийное, невербализованное единение нации перед лицом исторической угрозы.

В романе «Командир и штурман» патриотизм трактуется как рациональный, профессиональный долг. Это «патриотизм-ремесло», основанный на корпоративной солидарности, безупречном исполнении служебных обязанностей и верности институтам (Короне, Адмиралтейству). Чувство долга здесь доминирует над эмоциональным порывом.

Что касается структуры и видов патриотизма в произведениях, то у Л.Н. Толстого представлен комплексный, многоуровневый патриотизм:

коллективный (стихийное единство народа), индивидуальный (нравственные искания героев), военный (жертвенность) и бытовой (повседневный подвиг). У П. О'Брайана патриотизм практически сводится к военно-профессиональному долгу. Коллективное начало проявляется как корпоративная солидарность экипажа («сплоченный корабль»), а индивидуальное – через профессиональную компетентность.

Художественные системы двух авторов выступают как «зеркала» национальных культур. Русская модель Л.Н. Толстого тяготеет к соборности, духовности, метафизическому осмыслению истории и эмоциональной открытости. Английская модель П. О'Брайана демонстрирует прагматизм, культ профессионализма, рациональную организацию и сдержанность в проявлении чувств.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что, несмотря на формальное сходство используемых языковых приемов, концептуализация патриотизма получает в творчестве Л.Н. Толстого и П. О'Брайана разное художественное воплощение. Это различие отражает глубинное расхождение двух культурных традиций: русской, видящей в патриотизме экзистенциальное чувство и судьбу, и английской, трактующей его как систему практических добродетелей и профессиональный долг. Универсальный лингвокультурный концепт наполняется уникальным содержанием, определяемым национальной картиной мира и авторским мирозерцанием.

Перспективой дальнейшего исследования может стать сравнительный анализ вербализации концепта ПАТРИОТИЗМ / PATRIOTISM в современных медиадискурсах России и Великобритании с применением корпусных методов и дискурс-анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 172 с.
2. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л., 1963. – 208 с.
3. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
4. Арапова, Г.У. Концепт, понятие и значение слова / Г.У. Арапова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–4. – С. 591–593.
5. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология. – М.: Педагогика, 1997. – 235 с.
8. Бабенко, О.А. Образ героя в культуре: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / О.А. Бабенко. – Ростов-на-Дону, 1999. – 141 с.
9. Балмагамбетова, Ж.Т. Понятие концепта в лингвокогнитологии и лингвокультурологии / Ж.Т. Балмагамбетова, А.А. Нургалиева // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. – Краснодар: Новация, 2016. – С. 83–87.
10. Басовская, Е.Н. Аллюзивные заголовки в СМИ: аксиологический аспект / Е.Н. Басовская, Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 5 (487). – С. 76–84.
11. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.

12. Белинский, В.Г. Россия до Петра Великого / В.Г. Белинский // Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. литература, 1979. – Т. 4. – С. 15–23.
13. Беспалова, Т.В. Роль государственного и народного патриотизма в сохранении культуры и русской цивилизации / Т.В. Беспалова // Культурная жизнь Юга России. – 2018. – № 4 (71). – С. 17–21.
14. Бозаджиев, В.Л. Политическая психология: учеб. пособие / В.Л. Бозаджиев. – М.: Издат. дом Академии естествознания, 2015. – 473 с.
15. Болотнова, Н.С. Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие / Н.С. Болотнова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-verbalizovannyh-v-tekste-hudozhestvennyh-kontseptov-i-ih-vzaimodeystvie> (дата обращения: 06.12.2025).
16. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1992. – 312 с.
17. Борисенко, Т.В. Организация структуры концептуальной категории / Т.В. Борисенко // Казанский лингвистический журнал. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 12–25.
18. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
19. Буслаев, Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф.И. Буслаев. – М., 1954.
20. Бушуева, Л.А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Бушуева Людмила Александровна. – Саратов, 2019. – 52 с.
21. Вайсгербер, Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 15–20.
22. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

23. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1980. – 213 с.
24. Видинеева, И.Ю. ИмPLICITное выражение политической позиции в жанре политического блога / И.Ю. Видинеева // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, № 2 (32). – С. 186–194.
25. Воркачев, С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 200 с.
26. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М., 2004. – 97 с.
27. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы / В.В. Воробьев. – М., 1997. – 331 с.
28. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М., 1999. – 117 с.
29. Гаан, А.С. Понятийные характеристики концепта «Патриотизм» в русской и английской лингвокультурах / А.С. Гаан, В.Б. Крячко // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 8. – С. 48–49.
30. Габбасова, А.Р. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции / А.Р. Габбасова, Ф.Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9954> (дата обращения: 01.06.2025).
31. Газилов, М.Г. Сравнительное исследование особенностей выражения образа героя в языках народов мира / М.Г. Газилов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnoe-issledovanie-osobennostey-vyrazheniya-obraza-geroya-v-yazykah-narodov-mira-na-primere-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 06.09.2025).
32. Газман, О.С. Общественное гражданское воспитание: взгляд в будущее / О.С. Газман // Советская педагогика. – 2000. – № 6. – С. 38–55.
33. Гашева, Л.П. Позиция процессуальных фразеологизмов в предложении: семантико-грамматический и коммуникативный аспекты:

автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Гашева Людмила Петровна. – Волгоград, 1999. – 48 с.

34. Голованова, Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2010. – № 2. – С. 85–91.

35. Голованова, Е.И. Категория профессионального деятеля: формирование, развитие, статус в языке / Е.И. Голованова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. – 330 с.

36. Голубев, Д.А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Голубев Дмитрий Алексеевич. – Ярославль, 2008. – 22 с.

37. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 368 с.

38. Гусакова, Н.Л. Специфика темпоральной архитектоники романа Д. Лессинг “The Grass is Singing” / Н.Л. Гусакова, Е.А. Марьясова, Е.А. Огнева // Казанская наука. – 2023. – № 11. – С. 393–395.

39. Даниленко, И.А. Дуальный концепт как двухъядерный конструкт в концептосфере художественного произведения / И.А. Даниленко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dualnyy-kontsept-kak-dvuhyadernyy-konstruk-t-v-kontseptosfere-hudozhestvennogo-proizvedeniya> (дата обращения: 18.02.2025).

40. Данилова, Е.В. Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах / Е.В. Данилова // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1997. – С. 52–53.

41. Декленко, Е.В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Декленко Елена Валерьевна. – Челябинск, 2004. – 224 с.

42. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – СПб., 1998. – 296 с.

43. Джамбаева, Ж.А. Различные подходы к определению и исследованию концептов / Ж.А. Джамбаева, Т. Манарбек // Вестник Инновационного Евразийского университета. – 2017. – № 4. – С. 66–70.
44. Дидковская, В.Г. Подвиг, подвижник, герой / В.Г. Дидковская // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – Вып. 2 (20). – С. 28.
45. Добролюбов, Н.А. Собрание сочинений / Н.А. Добролюбов; под ред. Вл.П. Краихфельда. – СПб.: Просвещение, 1911. – Т. 3. – 416 с.
46. Долгина, Е.С. Патриотизм: функционал, уровни / Е.С. Долгина, И.В. Демин // Молодой ученый. – 2015. – № 22 (102). – С. 976–978.
47. Дорджиева, Д.В. Концепт ПОДВИГ в английской лингвокультуре (на материале героического эпоса «Беовульф») / Д.В. Дорджиева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2. – С. 127–131.
48. Дорогайкина, Е.М. Языковая картина мира в лингвистических исследованиях / Е.М. Дорогайкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 1. – С. 75–81.
49. Дорохова, О.А. Героический этос в истории морали: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Дорохова Ольга Анатольевна. – М., 2005. – 20 с.
50. Дружинина, Е.С. Модификация архетипа героя в средневековой культуре / Е.С. Дружинина // Научные заметки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политическая наука. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67), № 3. – С. 93–100.
51. Ерохина, Т.И. Героизация личности и быта в советской культуре XX века: генезис и трансформация / Т.И. Ерохина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroizatsiya-lichnosti-i-byta-v-sovetskoj-kulture-nachala-hh-v-genezis-i-transformatsiya> (дата обращения: 19.12.2025).

52. Иванова, Е.В. Мифологическое смыслообразование: образ культурного героя: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Иванова Евгения Владимировна. – Екатеринбург, 2005. – 49 с.

53. Иванова, М.Е. Соборность как социальное основание державности, гражданственности и патриотизма / М.Е. Иванова, Ю.Е. Чубарова // Власть истории – История власти. – 2024. – № 51. – С. 34–43.

54. Иванова, С.В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? / С.В. Иванова // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4 (54). – С. 25–35.

55. Кагарлицкий, Ю.В. Отвага: слово и понятие в историко-культурной перспективе / Ю.В. Кагарлицкий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 75–93.

56. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

57. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

58. Карасик, В.И. Языковые мосты понимания: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2025. – 592 с.

59. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини; сокр. пер. с итал. В.П. Гайдука; вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой, Л.А. Котельникова. – М.: Прогресс, 1987. – 360 с.

60. Киселева, Л.А. Профессионально-языковая картина мира специалиста-медика / Л.А. Киселева // Вопросы современной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 13–18.

61. Колмогорова, А.В. Лингвистика когнитивная и экологичная / А.В. Колмогорова // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – № 3. – С. 19–28.

62. Коновалова, Л.И. Развитие восприятия читателя через освоение художественных концептов / Л.И. Коновалова // Ученые записки

Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2012. – № 6. – С. 30–32.

63. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – 254 с.

64. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и картина мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: тезисы международной конференции. – Тамбов, 1999. – Ч. 1. – 78 с.

65. Куликова, С.В. Воспитание национального самосознания и патриотизма в России: от истории к современности / С.В. Куликова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – С. 11–16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-natsionalnogo-samosoznaniya-i-patriotizma-v-rossii-ot-istorii-k-sovremennosti/viewer> (дата обращения: 15.06.2025).

66. Лазаренко, Л.Н. Репрезентация концептов «отвага», «смелость» в русской и английской художественной речи А.С. Пушкина и Дж.Г. Байрона / Л.Н. Лазаренко, У.А. Карпенко // Наука и мир. – 2015. – № 11 (27). – С. 30–35.

67. Лебедев, А.А. Понятие «Патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика / А.А. Лебедев, Л.А. Коханова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-patriotizm-v-sovremennom-prochlenii-etimologiya-i-semantika> (дата обращения: 16.12.2025).

68. Левин, Ю.И. Структура русской метафоры / Ю.И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 457–463.

69. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев // Избранные работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 418–494.

70. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

71. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 33–39.

72. Лутовинов, В.И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления / В.И. Лутовинов // *Studia Humanitatis*. – 2013. – № 2. – URL: <http://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyu-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 19.12.2025).

73. Лошманова, М.А. Концепт героя в историко-философском процессе: классический и неклассический дискурсы: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / М.А. Лошманова. – Саратов, 2006. – 17 с.

74. Магарил, С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации / С.А. Магарил // *Социологические исследования*. – 2016. – № 1. – С. 142–151.

75. Малинова, О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О.Ю. Малинова // *Политическая наука*. – 2010. – № 2. – С. 35–59.

76. Малышева, Е.Г. Лингвокультурная идея «патриотизм» сквозь призму русского спортивного дискурса / Е.Г. Малышева // *Политическая лингвистика*. – 2015. – № 4 (54). – С. 40–45.

77. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

78. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // *Мир русского слова*. – 2000. – № 4. – С. 39–45.

79. Морковкин, В.В. Русские агнонимы / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М., 1996. – 415 с.

80. Москвин, В.П. Русская метафора: семантическая, структурная, функциональная классификация / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 91 с.

81. Москвин, В.П. Стилистика русского языка: приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация) / В.П. Москвин. – Волгоград: Учитель, 2000. – 197 с.

82. Наговицына, Н.В. Изучение концепта «патриотизм» как средство формирования интереса к русскому языку и русской культуре на занятиях по русскому языку как иностранному / Н.В. Наговицына. – Нижний Новгород: Нижегородск. гос. ун-т, 2021. – 73 с.

83. Наговицына, Н.В. Языковое воплощение концепта «патриотизм» в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) / Н.В. Наговицына // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 120–131.

84. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80–85.

85. Ноженко, Е.В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность» американской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ноженко Елена Викторовна. – Кемерово, 2008. – 22 с.

86. Огнева, Е.А. Диадный художественный концепт как компонент текстового когнитивного кода / Е.А. Огнева // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 5 (56). – С. 243–247.

87. Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: монография / Е.А. Огнева. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2009. – 278 с.

88. Олизько, Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста / Н.С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-kak-polilog-avtora-chitatelya-i-teksta> (дата обращения: 19.12.2025).

89. Омеличкина, Е.О. Номинативная характеристика лингвокультурного типажа «герой-борец» во французском художественном дискурсе / Е.О. Омеличкина, М.Ю. Рябова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – С. 117–121.

90. Опарина, Е.О. Эмоциональные языковые средства в художественном тексте / Е.О. Опарина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. – 2021. – № 4. – С. 190–199.

91. Павловская, А.В. Англия и англичане / А.В. Павловская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 266 с.

92. Падучева, Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира / Е.В. Падучева // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave*. – Padova: Unipress, 1996. – С. 163–186.

93. Панченко, А.М. О русской истории и культуре / А.М. Панченко. – СПб., 2000. – 183 с.

94. Песина, С.А. Градация метафор в зависимости от образности и уровня вовлечения интеллекта / С.А. Песина, Л.Г. Юсупова // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 41–49.

95. Песина, С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении / С.А. Песина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – № 10. – С. 358–362.

96. Петрова, Л.А. Формирование патриотизма / Л.А. Петрова // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 3. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/03/349> (дата обращения: 10.12.2025).

97. Пименова, М.В. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта воин) / М.В. Пименова, А.Б. Бодриков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 1131–1138.

98. Питина, С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Питина Светлана Анатольевна. – Уфа, 2002. – 40 с.

99. Плотникова, А.М. Социальная сфера жизни человека в словаре концептов / А.М. Плотникова // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-sfera-zhizni-cheloveka-v-slovare-kontseptov> (дата обращения: 12.06.2025).

100. Подвигина, Н.Б. Языковая картина мира / Н.Б. Подвигина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2009. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-1> (дата обращения: 06.06.2025).
101. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
102. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Слово и миф. – М., 1989. – 236 с.
103. Потемкин, А.В. Социально-психологические факторы становления патриотизма в процессе социализации личности / А.В. Потемкин // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 1. – С. 242–248.
104. Прихожаев, С. Патриоты истинные и мнимые / С. Прихожаев // Советская Россия. – 2003. – № 132 (12475). – URL: http://www.sovross.ru/old/2003/132/132_2_4.htm (дата обращения: 20.01.2024).
105. Рыньков, Л.Н. Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка: межвуз. сб. науч. тр. / Л.Н. Рыньков. – Челябинск: Челяб. гос. пед. ин-т, 1985. – 157 с.
106. Рязанцев, В.Д. Гражданский патриотизм – духовно-нравственная основа военного духа, силы и мощи армии и флота современной России / В.Д. Рязанцев // Армия и общество. – 2010. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-patriotizm-duhovno-nravstvennaya-osnova-voennogo-duha-sily-i-moschi-armii-i-flota-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 21.02.2025).
107. Сайкова, Ю.А. Формирование классических представлений о герое / Ю.А. Сайкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 2. – С. 338–343.
108. Самигуллина, А.С. Этюды о метафоре: монография / А.С. Самигуллина, Р.З. Мурясов. – М.: Триумф, 2023. – 170 с.

109. Самситова, Л.Х. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация / Л.Х. Самситова, Г.М. Байназарова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontseptov-v-lingvokulturologii-istoriya-razvitiya-struktura-klassifikatsiya> (дата обращения: 25.03.2025).
110. Сандомирская, И.И. Эмотивные глаголы со значением поведения: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сандомирская Ирина Ильинична. – М., 1991. – 24 с.
111. Санина, А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России / А.Г. Санина // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 44–53.
112. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
113. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – 143 с.
114. Скляревская, Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Скляревская Галина Николаевна. – Л., 1989. – 37 с.
115. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2004. – 326 с.
116. Сорокина, Л.Г. Особенности русского национального характера как национальные истоки социальных противоречий / Л.Г. Сорокина // Вестник Костромского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 170–172.
117. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
118. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 246 с.

119. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2004. – 208 с.
120. Супрунова, Е.В. К вопросу о концепте «патриотизм» / Е.В. Супрунова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (21): в 3 ч. – Ч. II. – С. 144–145.
121. Супрунова, Е.В. Языковая реализация понятия «патриотизм» в русском и английском языках / Е.В. Супрунова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 83–87.
122. Супрунова, Е.В. Средства художественной выразительности, репрезентирующие концепт ПАТРИОТИЗМ / Е.В. Супрунова, С.А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 3 (485). – С. 33–40.
123. Сухоплюев, Н.А. Языковая объективация концепта «патриотизм» в английской лингвокультуре / Н.А. Сухоплюев // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы междунар. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – С. 885–888.
124. Тарасова, И.А. Концептуализация в поэтическом языке / И.А. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 4–8.
125. Тарасова, И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения / И.А. Тарасова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.
126. Тарасов, Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е.Ф. Тарасов // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 34–37.
127. Таскаева, А.В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Таскаева Анна Вячеславовна. – М., 2021. – 458 с.

128. Теляя, В.Н. Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания / В.Н. Теляя // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М., 1996. – С. 82–89.
129. Теляя, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Теляя. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
130. Тер-Минасова, С.Г. Методологические проблемы изучения фразеологии / С.Г. Тер-Минасова // Филологические науки. – 1985. – № 5. – С. 42–48.
131. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 260 с.
132. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2008. – 344 с.
133. Токарев, Г.В. К вопросу о культурном слое концепта / Г.В. Токарев // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 16–21.
134. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М.: Гис, 2006. – 260 с.
135. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – М., 1960. – 46 с.
136. Урютова, Ю.А. Основы и детерминанты русской национально-культурной идентичности / Ю.А. Урютова // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 5 (5). – С. 203–209.
137. Уткин, А.И. Патриотизм в русской литературе XIX века: образы патриотов у Толстого, Достоевского, Тургенева / А.И. Уткин // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 3. – С. 45–58.
138. Фокс, К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / К. Фокс; пер. с англ. – М.: Рипол-классик, 2011.

139. Хомутова, Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т.Н. Хомутова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 35. – С. 142–151.
140. Храброва, А.А. Английский патриотизм в условиях глобализации / А.А. Храброва // Система ценностей современного общества. – 2010. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-patriotizm-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 20.09.2025).
141. Чебунин, И.Я. Основные аспекты формирования патриотической культуры в современной России / И.Я. Чебунин // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 1 (20): в 2 ч. – Ч. I. – С. 166–168.
142. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
143. Чикаева, Т.А. Патриотизм как инструмент коллективной идентичности / Т.А. Чикаева // Манускрипт. – 2017. – № 3-1 (77). – С. 187–189.
144. Шагбанова, Х.С. Лингвокультурная природа концепта «патриотизм» / Х.С. Шагбанова // Litera. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-priroda-kontsepta-patriotizm> (дата обращения: 18.09.2025).
145. Шаклеин, В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с.
146. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1971. – 328 с.
147. Шелестюк, Е.В. Семантика художественного образа и символа: на материале англоязычной поэзии XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шелестюк Елена Владимировна. – М., 1998. – 24 с.
148. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова / Г.Г. Шпет // Из истории лингвистической мысли. – М.: ЛКИ, 2009. – 216 с.

149. Юлтимирова, С.А. Когнитивная организация и языковая репрезентация концепта BRAVE в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юлтимирова Светлана Азаматовна. – Уфа, 2007. – 22 с.
150. Юрьева, И.А. Концепт патриотизм как базовый компонент концептосферы России / И.А. Юрьева // Научные исследования: от теории к практике: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. – С. 222–223.
151. Юшко, О.Ю. Понятийное поле лингвокультурного типажа «Герой» / О.Ю. Юшко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynoe-pole-lingvokulturnogo-tipazha-geroy> (дата обращения: 18.12.2025).
152. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М., 1996. – 135 с.
153. Ян Цзинь. – URL: https://www.csu.ru/Shared%20Documents/YangJ_dissertasia.pdf (дата обращения: 16.09.2025).
154. Fox, K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour* / K. Fox. – London: Hodder & Stoughton, 2004. – 424 p.
155. Galieva, M. Метафорическая репрезентация концепта слово в художественном тексте / M. Galieva // *Foreign Languages in Uzbekistan*. – 2020. – № 2 (31). – С. 139–152.
156. Hofstede, G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations* / G. Hofstede. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 616 p.
157. Johnson, S. *The Patriot. Addressed to the Electors of Great Britain* / S. Johnson // *Yale Editions of the Works of Samuel Johnson*. – New Haven; L., 1977. – Vol. 10. – P. 389–400.
158. Wright, F. *The Meaning of Patriotism in America (excerpt from a Fourth of July 1828 oration)* / F. Wright // *The American Reader*. – New York: Harper Collins Publishers, 1991. – P. 49–51.

Словари, справочники

1. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – 2005. – URL: http://literary_criticism.academic.ru/251 (дата обращения: 05.04.2025).
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 1366 с.
3. Брокгауз, Ф.А. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М.: АСТ, 2001. – 746 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. язык, 1998. – 1351 с.
5. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. язык, 2000. – 956 с.
6. Зорин, В.И. Евразийская мудрость от А до Я: толковый философский словарь / В.И. Зорин. – Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. – 408 с.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Ю.Г. Панкраца, Л.Г. Лузиной. – М., 1996. – 563 с.
8. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – СПб.: Victory, 2017. – 428 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
10. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
11. Морфемный словарь. – URL: <https://sostavslova.ru/root/патриот> (дата обращения: 16.03.2025).
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 1986. – 797 с.
13. Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече: Мир книги, 2001. – Т. 2. – 688 с.

14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Астрель-АСТ, 2004. – Т. 4. – 860 с.
15. Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
16. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/patriot> (date of access: 05.11.2025).
17. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 1562 p.
18. Collins, H. Collins COBUILD English Dictionary / H. Collins. – London: Harper Collins, 1995. – 1536 p.
19. Concise Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by T.F. Hoad. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 552 p.
20. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 231 p.
21. Hansard Corpus (British Parliament). – URL: <https://www.english-corpora.org/hansard/> (date of access: 05.11.2025).
22. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1982. – 1899 p.
23. Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1995. – 1670 p.
24. Oxford Dictionary of Current English / ed. by Della Thompson. – New rev. ed. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 1071 p.
25. Oxford English Dictionary. – URL: <https://www.oed.com/> (date of access: 09.04.2025).
26. Webster, N. Webster's New World Dictionary / N. Webster. – NJ: Prentice-Hall, Inc., 1971. – 1743 p.
27. Webster, N. Merriam Webster's Collegiate Thesaurus / N. Webster. – Springfield (Mass.): Merriam, 2003. – 32944 p.

Источники

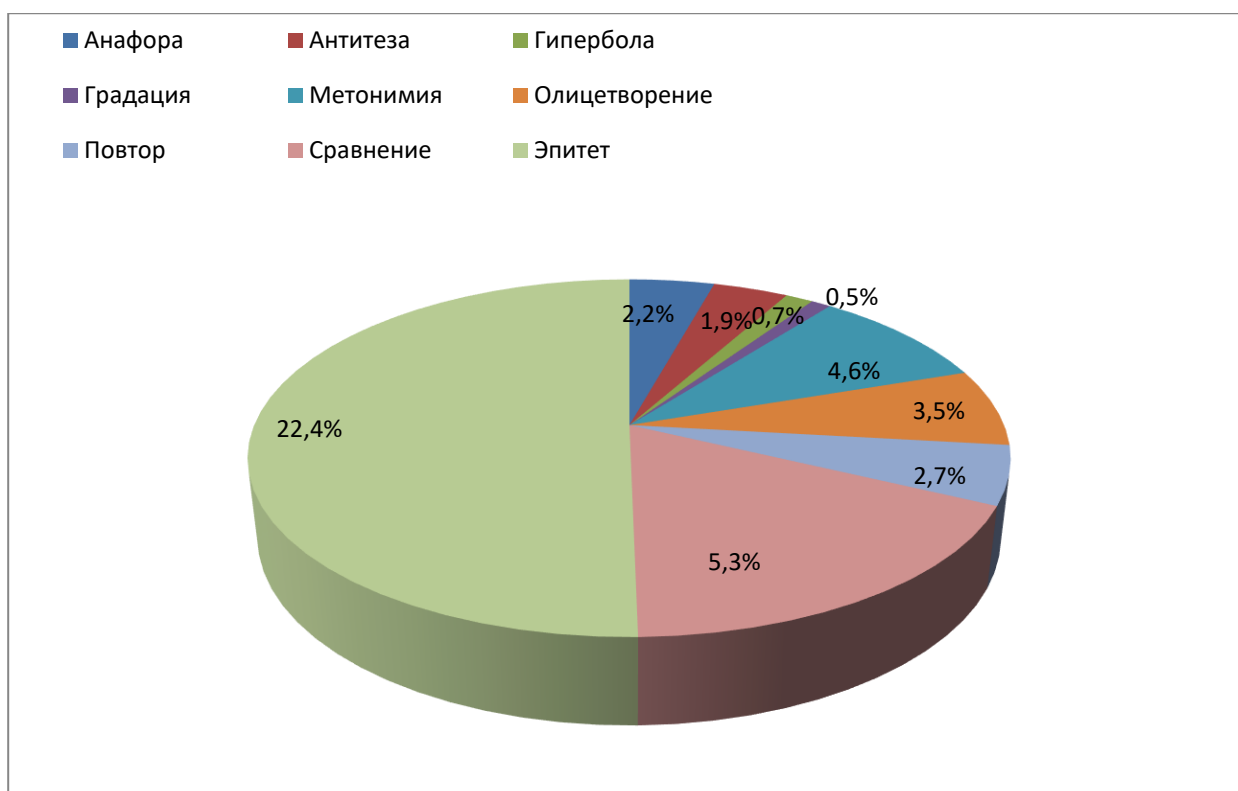
1. Беовульф / пер. с древнеангл. В. Тихомирова; Песнь о Нибелунгах / перевод со средневерхненем. Ю. Корнеева; вступ. ст. А. Гуревича. – М.: Эксмо, 2014. – 605 с.
2. Голсуорси, Дж. Сага о Форсайтах / Дж. Голсуорси. – URL: <https://онлайн-читать.рф/голсуорси-сага-о-форсайтах/> (дата обращения: 04.02.2025).
3. Грибанов, А. / А. Грибанов. – URL: https://lib.ru/KIPLING/s_if.txt (дата обращения: 24.05.2025).
4. Киплинг, Р. Если / Р. Киплинг. – URL: <https://www.poetry.com/поем/33247/if> (дата обращения: 27.05.2025).
5. О’Брайан, П. Командир и штурман: роман / П. О’Брайан; пер. с англ. В. Кузнецова. – СПб.: Амфора, 2005. – 510 с.
6. Толстой, Л.Н. Война и мир: роман: в 4-х т. / Л.Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1983. – 1404 с.
7. Beowulf. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm> (date of access: 24.05.2025).
8. Galsworthy, J. The Forsyte Saga / J. Galsworthy. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/4397/4397-h/4397-h.htm> (date of access: 14.04.2025).
9. Kipling, R. If / R. Kipling. – URL: <https://www.poetry.com/поем/33247/if> (date of access: 27.05.2025).
10. O’Brian, P. Master and Commander: a novel / P. O’Brian. – London: Fontana, 1972. – 473 p.

Средства выразительности в анализируемых произведениях

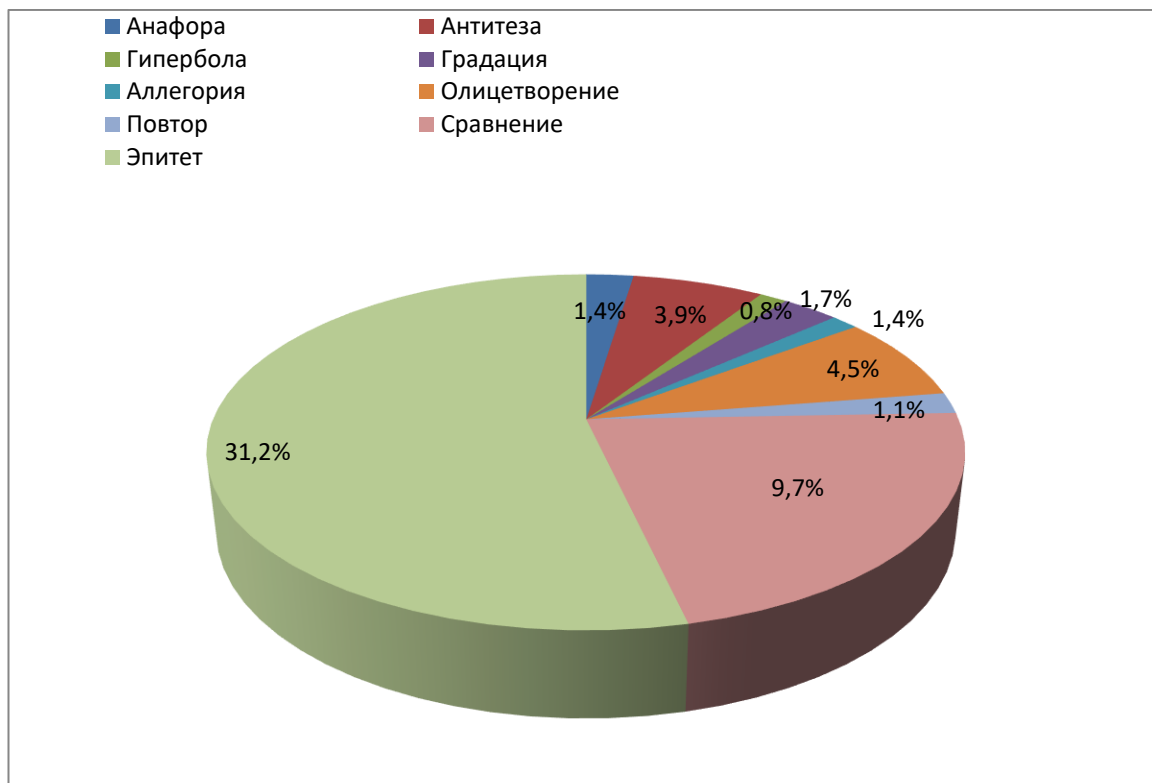
Виды средств выразительности	Роман «Война и мир»		Роман «Командир и штурман»	
	Количество	%	Количество	%
Эпитет	405	22,4	112	31,2
Сравнение	95	5,3	35	9,7
Метонимия	84	4,6	-	-
Олицетворение	63	3,5	16	4,5
Повтор	48	2,7	4	1,1
Анафора	39	2,2	5	1,4
Антитеза	34	1,9	14	3,9
Гипербола	13	0,7	3	0,8
Градация	9	0,5	6	1,7
Аллегория	-	-	3	0,8

Диаграмма 1

Средства выразительности в романе «Война и мир»

Средства выразительности в романе «Командир и штурман»

Тематические параметры метафор в произведениях

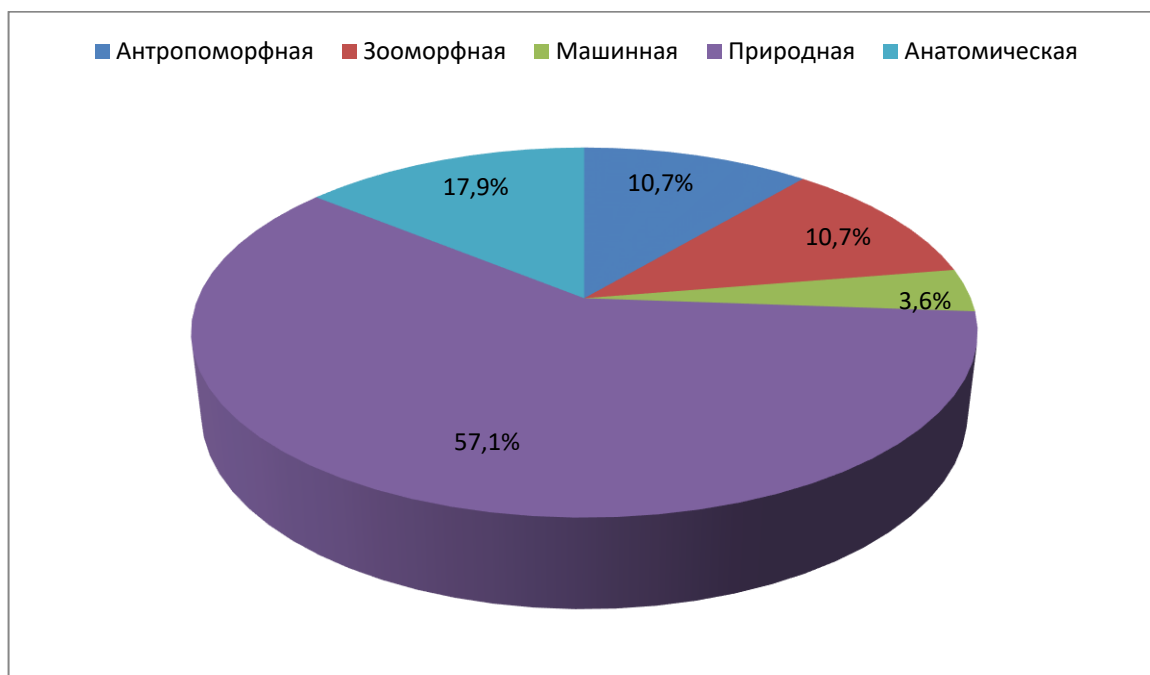
Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Антропоморфная	23	15,3	3	10,7
Зооморфная	12	8	3	10,7
Флористическая	6	4	-	-
Машинная	8	5,3	1	3,6
Пространственная	62	41,4	-	-
Театральная	14	9,3	-	-
Природная	17	11,4	16	57,1
Научная	5	3,3	-	-
Музыкальная	2	1,3	-	-
Анатомическая	1	0,7	5	17,9

Диаграмма 3

Тематические параметры метафор в романе «Война и мир»

Тематические параметры метафор в романе «Командир и штурман»

Семантические параметры метафор в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Количественные	84	56	1	50
Звуковые	57	38	1	50
По сходству в производимом впечатлении	9	6	-	-

Диаграмма 5

Семантические параметры метафор в романе «Война и мир»

Диаграмма 6

Семантические параметры метафор в романе «Командир и штурман»

Функциональные параметры метафор в произведениях

Функции метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Номинативная	2	1,3	-	-
Образная	148	98,7	37	100

Диаграмма 7

Функциональные параметры метафор в романе «Война и мир»

Диаграмма 8

Функциональные параметры метафор в романе «Командир и штурман»

Структурные параметры метафор в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Простая	112	74,6	19	51,3
Развернутая	38	25,4	18	48,7

Диаграмма 9

Структурные параметры метафор в романе «Война и мир»

Диаграмма 10

Структурные параметры метафор в романе «Командир и штурман»

Контекстуальные метафоры в произведениях

Виды метафор	Роман «Война и мир»		Роман «Капитан и штурман»	
	Количество использованных метафор	%	Количество использованных метафор	%
Замкнутая метафора (назван объект и субъект)	142	94,6	23	62,2
Незамкнутая метафора (назван только объект)	8	5,4	14	37,8

Диаграмма 11

Контекстуальные метафоры в романе «Война и мир»

Диаграмма 12

Контекстуальные метафоры в романе «Командир и штурман»

Структурные модели фразеологизмов

Модель фразеологизма	Количество использованных фразеологизмов	%
Сочетание слов	37	24,7
Словосочетание	79	52,6
Простое предложение	31	20,7
Сложное предложение	3	2

Диаграмма 3

Структурные модели фразеологизмов в романе «Война и мир»

Семантические типы фразеологизмов в произведениях

Тип фразеологизмов	Роман «Война и мир»		Роман «Командир и штурман»	
	Количество использованных фразеологизмов	%	Количество использованных фразеологизмов	%
Процессуальные	92	61,4	12	60
Качественно-обстоятельственные	31	20,6	8	40
Атрибутивно-предикативные	18	12	-	-
Предметные	7	4,7	-	-
Количественные	2	1,3	-	-

Диаграмма 14

Семантические типы фразеологизмов в романе «Война и мир»

Диаграмма 15

Семантические типы фразеологизмов в романе «Командир и штурман»

